

СМЕТС

**КАКИМ
БЫЛ
ГАГАРИН.**

*По старым и новым
улицам Пскова.*

**НАЧИНАЕМ ТУРНИР
ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА.**

МЕСТО И РОЛЬ М В РЕШЕНИИ ВАЖНО

НА 1% ПОВЫСИТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА ДОПОЛНИ

Задание партии. Задание, сформулированное и поставленное так, что касается каждого из нас. Каждого, кому дорого и близко наше общее дело, кому небезразличны заботы страны.

Среди тех, кто в числе первых поддержал инициативу повысить сверх плана производительность труда, дополнительно снизить себестоимость продукции, — люди московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР. Завод успешно выполнил план и обязательства прошлого года. Непрерывно возрастал объем производства, а производительность труда выросла на 3,5 процента. Каждый процент роста производительности труда дает ныне все более весомые результаты. Но и достигается он за счет все больших усилий.

Заводской коллектив, подчитав и соразмерив все свои резервы и возможности на сегодняшний день, принял решение поднять производительность сверх задания на 1,5 процента, себестоимость продукции снизить дополнительно на 0,7 процента. Обязательства же свои на этом предприятии заведено выполнять неукоснительно.

Что за этим решением? Какими усилиями ума, совести, воли рождено оно? Какие человеческие, гражданские чувства и потребности вложили в него заводчане? С каким настроением приступили к его выполнению? Какие характерные черты рабочего человека наших дней раскрывает оно?

Ответы на эти вопросы искали мы на заводе прежде всего. Об этом говорили с его людьми.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Николай Серебряков, наладчик, член цехового бюро комсомола

Начинал он, как говорится, с нуля — встал впервые к токарному станку только на заводе. Освоив универсальный, через год перешел на ЧПУ — станок с числовым программным управлением. Ни наставник его, ни рабочие поопытнее, ни руководство цеха хлопот с ним не знали: мастерство набирал споро и уверенно, скоро стал одним из тех, на кого возлагаются первые надежды, когда встают перед цехом непростые задачи. И еще одна черта в нем сразу проявилась — не умеет, не хочет держаться в сторонке, в тени, не любит отмалчиваться, таить про себя. Есть претензии — выложит открыто, в глаза; есть дельное предложение — скажет, стесняться не станет.

— Николай, ежегодно на завод приходит немало молодых ребят. У них разные судьбы, разные характеры. Одни уже прилично владеют специальностью, другие совсем еще «сырые», что называется. Кто твердо решил быть рабочим, кто видит себя в дальнейшей жизни совсем в ином звании... От чего же зависит, как сложатся их дела на заводе?

— Прежде всего от них самих. На завод, на работу как надо приходиться? Не пробовать, не время проводить, а понимать: делаешь главный шаг в жизни. Не надо ждать, что все пойдет легко, гладко, но и паниковать, опускать руки при трудностях ни к чему. У кого их не бывает... Вот на ЧПУ вроде есть время отвалиться, передохнуть, а у меня как специально сначала было: чуть решил перевести дух, отошел мыслями в сторону — тут

**Дополнительно
повысить
производительность
труда на 1,5%,
снизить
себестоимость
продукции на 0,7% —
НАШ ОТВЕТ
НА РЕШЕНИЯ
ДЕКАБРЬСКОГО /1983 г./
Пленума ЦК КПСС !**

ОПЛОДЫХ И ЗАДАЧИ:

И СНИЗИТЬ СЕБЕСТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ ТЕЛЛЬНО НА 0,5%

же станок заест. Потому что опыта, чувства станка еще не было...

Что еще важно — не надо бояться научиться лишнему. Лишнего умения не бывает. Тому, к примеру, кто прошел школу работы на универсальном токарном станке, и на ЧПУ работать легче. Если ты знаешь, как резец заточить или, скажем, кулачки подправить, в какой-то момент — а производство оно на сюрпризы, на неожиданности богато — тебе это умение поможет. Так что, когда начинаешь, смотреть вокруг надо в оба, спросить не стесняться. Когда руки и голова какое-то дело уже знают, им и другое куда легче освоить. А ведь совмещение профессий — один из основных путей повышения производительности. Так, нашей бригаде совмещение и увеличение зоны обслуживания станков дало прибав-

ку к производительности 0,2 процента.

— И все-таки многое зависит и от того, как встретят ребят, в какой атмосфере они начнут работать...

— Конечно, большая удача — попасть к хорошему наставнику, наставнику. Правда, чего скрывать, таких всегда меньше, чем нужно. Но зато теперь молодые сразу попадают в бригаду, а это удача не меньшая. Я вот начинал с индивидуалки. Совсем другое самочувствие!.. Все на свой страх и риск. С серьезными обязательствами не спешишь — кто знает, справишься ли? Так подумаешь, подумаешь — и остынешь. Раз остыл, другой, а потом уже и не загорись. А бригада тебя сразу на серьезные дела тянет. И не боишься — опора надежная. Когда ты в бригаде, у тебя

и отношения с мастером, технологам по-другому строятся. Пока ты с ним один на один, он может и не слишком к тебе прислушиваться, отмахнется иной раз. А когда ты представляешь коллектив — разговор по-другому ведется...

— Но и отвечаешь уже не только за себя?

— Правильно. Знаете, как у нас теперь собрания проходят? На них сейчас не заснешь!.. Вот обсуждали на комсомольском собрании решения декабрьского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, сколько вопросов подняли, сколько предложений нахватали... И о переборах с заготовками, и о путанице с сортаментом проката, и о незагруженности станков, о нехватке оснастки... По-моему, ни один комсомолец не промолчал. У нас сейчас новые

станки устанавливаются, они сложнее, производительнее старых, но ведь и дороже намного — значит, относиться к ним нужно бережно. И этот вопрос задела.

Понятно, все проблемы решить не удалось, хотя они обсуждались в присутствии руководителей цеха и многие вопросы задавались прямо им... Но зато мы лучше поняли эти свои проблемы, разобрались, уяснили истинное положение дел, а не сидели каждый в своем углу со своим никому не известным мнением... Тут еще вот что интересно: разве встанешь и начнешь кого-то винить, если знаешь, что за тобой самим грехи имеются? Такой вот воспитательный момент...

Человек берет ответственность на себя, когда ему доверяют, когда от него этого действительно ждут, если его

Комсомольцы!

Ударным трудом
ознаменуем
всесоюзную
ударную вахту,
посвященную
60-летию
присвоения
ВЛКСМ
имени В.И. Ленина!

„... **Выполнение**
государственного
плана становится
не только
обязанностью,
но и патристическим
долгом каждого
советского
человека ...“

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

научили отвечать за свои поступки. Да, работать с такими людьми сложнее, чем с послушными исполнителями,— тот, кто умеет спросить с себя, обычно и с других спросить не боится. Чувствует за собой это право, и верно чувствует. Но и отдача таких людей велика. Такая, что требуется сегодня.

УВЕРЕННОСТЬ

Владимир Анисимов,
бригадир

2 процента. Именно на 2 процента обязалась повысить сверх плана производительность труда комплексная комсомольско-молодежная бригада, которой руководит Владимир Анисимов. Замах серьезный. А если вспомнить, что комплексной бригада стала совсем недавно, что это, по сути, эксперимент, по результатам которого будут решать, создавать ли другие подобные бригады, что бригада только еще налаживается, притирается внутри себя...

Анисимов из тех токарей, что убеждены: к токарной работе нужно иметь такое же призвание, как к живописи или музыке. Люди эти средними токарями не бывают—асы. Гордость не позволяет работать иначе. В свое время был Анисимов активнейшим комсомольцем, отчаянным «прожектористом», а выбыв из комсомола по возрасту, вроде бы приутих, остепенился, бригада его была из лучших, но никак особенно не выделялась, на большее, чем другие, не заманивалась. Но это только казалось. Владимир все это время думал, искал, своих молодых бригадников готовил к серьезному делу...

— Владимир, не беспокоят ли сейчас принятые бригадой высокие обязательства? Сомнения в их выполнимости не возникают?

— Беспокоиться нужно было бы, если бы мы приняли свои обязательства только из желания высунуться вперед других. А мы ведь свои 2 процента не с потолка взяли. Искра-то мы сначала—учтите, вместе с экономистами!—1 процент. Подсчитали—а набегают еще один. Что же нам было, прятать его?

— Из чего же они сложились?

— Подсчитали все преимущества, которые дает превращение бригады в комплексную,—оказалось, это не менее 1 процента. 0,4 даст электронная приставка к ЧПУ. Увеличение зоны обслуживания—0,2. Укрепление дисциплины, распространение передовых методов труда, рационализация—еще 0,4. Все это сразу дало и снижение себестоимости продукции.

Сейчас для меня главное—четко организовать работу бригады. Об этом у меня болит голова. А в ребятах я уверен совершенно.

— Но ведь в бригаду пришли три новичка? Пока они освоятся, наберутся опыта...

— Вот за этих-то ребят я и не беспокоюсь. И Юра Тюрчев, и Слава Лозутов, и Володя Голованов—парни, на которых можно положиться. По ним видно, что они хотя и работают по-настоящему, что бригада им по душе, да и жилка токарская, терпение и прилежание есть. Таким ребятам помочь—одно удовольствие. Никого они не тяготят, никто на них не косится—мол, когда вы еще всему научитесь... Нет, за ребятами я не волнуюсь. Большие беспокоят ошибки в планировании, то,

что программисты наши работают пока не в режиме цеха,—отсюда просто.

— Владимир, а что дает бригада лично вам?

— Мне? У меня теперь такое количество хлопот, какого я себе раньше и представить не мог. Работал индивидуально—была у меня своя тумбочка, со своим инструментом, берег я его. Сейчас все отдаю ребятам, только бы у них работа шла нормально. Раньше меня от станков нельзя было оторвать, только если какое-то чрезвычайное событие случалось. Сейчас, если честно, работаю у станков меньше, потому что очень много бегать приходится, утрясать бригадные проблемы. Но зато раньше все бежали, каждый за себя—то к технологу, то к программистам, то к электронщикам, то к ремонтникам. Теперь бегать я один, а все спокойно работают. Думаю, пользы от этого больше. И конечный результат получается выше.

— В бригаду сейчас включены, кроме токарей-операторов, программисты, технологи, вспомогательные рабочие. Смысл такого объединения?

— Соединение усилий. Заинтересованность каждого в конечном результате. Раньше слесарь-ремонтник мог получить премию, практически не подвывая к станку. Теперь его уговаривать приступить к ремонту не приходится—чем меньше наработает станочник, тем меньше ему премия. Так же привязаны к общему делу программисты, технологи. Но деньги деньгами. Такая связанность сближает людей. Приходит на помощь, даже не дожидаясь, когда позвонят, становится привычкой. А если случаются ошибки, промахи, то уже не уличаем в них друг друга, а наваливаемся совместно на исправление...

Я, например, убежден, что заплакированное нами повышение производительности—не предел. Вполне сможем и прибавить.

Очевидно, одно из самых значительных ощущений, отпущенных человеку,—ясное ощущение своих сил и возможностей. Как необходимо сознание: сделал, что мог. Не утаил, не забыл своих способностей. Пусть рисковал, пусть были сомневающиеся, но ведь получилось же! Силы не прибавляются, когда им не находят применения. Они не иссякают, когда им дают выход, когда поставленные цели высоки и достойны.

ПРИЧАСТНОСТЬ

Сергей Старцев,
инженер-технолог

Старцеву на заводе интересно все. Да и как иначе? Рядом с заводом родился и вырос, здесь работал его отец. Учился Сергей в школе, над которой шефствует завод, на уроках труда работал на настоящих, заводских, металлорежущих станках. Поступал в техникум, точно зная: ему нужна специальность, прочно связанная с металлом. До службы в армии работал токарем, вернулся, стал технологом. И в комсомол вступил здесь же. Знает всю историю завода, с чего он начинался еще до революции, понимает его сегодняшние заботы.

— Сергей, на многих предприятиях большой вопрос—инженерная поддержка инициатив, поиска рабочих. Нет надежного контакта, взаимовыгодных форм связи. А в результате зачастую

пропадают дельные предложения, находки, способные значительно повысить производительность труда...

— Не стану утверждать, что на нашем заводе эта проблема вообще снята. Наверное, случаи взаимного недовольства бывают. Но вот я вспоминаю время, когда стоял у станка, перебираю нынешний опыт инженера... Нет, сталкиваться со случаями, когда рабочий так и не нашел никакой поддержки специалистов, не приходилось.

— Чем вы это объясните?

— Одна из причин хорошего взаимопонимания—то, что у нас много инженеров, техников, которые начинали с рабочих. Их по-прежнему помнят и знают в бригадах, они свои люди в цехе, так что налаживать контакты не приходится—есть живые человеческие связи, привычка решать вопросы сообща. Самый свежий пример. Молодые токари, комсомольцы Петр Рабус и Александр Мальков решили попробовать растачивать длинные пинболы на станках с ЧПУ. Раньше эти детали обрабатывали только на обычных универсальных. Все расчеты ребятам помог провести технолог Леонид Блужберг, он тоже комсомолец. Вот так совместно и внедрили дельное предложение, принесшее ощутимый экономический эффект.

Сейчас уже мало кому надо объяснять, что повышать производительность труда нужно совместными усилиями, сложением сил. Отдельные удачные, редкие индивидуальные достижения решающей роли здесь не сыграют. Нужна высокая производительность не единицы, а каждого.

— Кажется, скоро у работников бюро ЧПУ отдела главного технолога намечается новоселье?

— Сейчас мы располагаемся в здании заводоуправления, довольно далеко от цехов. Представьте себе ситуацию: токарь обнаружил неточность в программе, или просто порвалась лента. Точка бросает работу, идет звонить, разыскивает программиста. Пока найдет... Потом я мчусь в цех за лентой. Затем безу обратно в отдел исправлять ошибку—машины-то наши там. Потом мчусь обратно в цех. Потери и потери времени. Сейчас часть программистов, вошедших в комплексную бригаду, переводят непосредственно в цех. Надеюсь, что очередь дойдет и до остальных. Когда ты работаешь прямо в цехе, не только время экономится, но и чувствуешь дыхание цеха непосредственно, его рабочий ритм. Очень полезная для работы штука.

Еще одна характерная черта нашей работы сегодня—все порученные нам разработки, технологии просчитываются, чтобы выяснить, во что они обойдутся заводу, как скажутся на себестоимости продукции. Конечно, мы и раньше вели такие подсчеты, но если раньше снижение затрат было желательным, не играло решающей роли, то теперь стало необходимым условием. Теперь это наш долг перед заводом.

Как это много, когда есть у человека «свой завод», за который болеешь и переживаешь, которому многое отдаешь, но на который и обопреешься всегда. И какой прочной основы жизни лишают себя летуны, искатели легких путей, нигде не задерживающиеся, ничем не дорожащие, способные разгля-

деть только свои персональные интересы, но не способные соотнести их с большим совместным делом.

ЗАБОТА

Александр Данилов,
секретарь комитета ВЛКСМ завода

Комсомольцы, молодежь—это примерно третья часть работников завода. Но посчитать можно и по-другому. Молодежь—большая часть тех, кто трудится на рабочих местах, в цехах, непосредственно выпускает готовую продукцию. Словом, на плечах молодых серьезная нагрузка. На них особая надежда сегодня, когда заводу очень нужны люди, способные выдвинуть новые идеи, поддержать передовой опыт, взяться за еще не опробованное.

— В цехах прошли комсомольские собрания с общей повесткой дня «О задачах комсомольской организации, вытекающих из решений декабрьского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС». Если суммировать их итоги?

— Итоги—предельная нацеленность на дело. Итоги—никаких громких слов по поводу, а конкретные замечания и предложения. Сейчас нам ясно, чем прежде всего нужно заниматься и как заниматься. Прежде всего—как можно быстрее втягивать молодых, новичков в настоящую работу, помогать им выходить на требуемый сегодня уровень производительности труда. А для этого необходимо работать с ними еще плотнее, без потерь.

— На одном из собраний прозвучала интересно сформулированная мысль. «Если сейчас все думают о том, что производство должно быть безотходным,—сказал молодой рабочий,—то нам, комсомольцам, нужно постоянно думать о том, чтобы не допускать, если так можно выразиться, человеческих отходов»...

— Да, вопрос сейчас ставится так: мы вообще не имеем права терять людей. Тем более ребят, которые приходят к нам из ПТУ, на которых уже затрачено много сил, средств, которые уже многое умеют. Что для этого нужно? Нужно видеть не вообще новичков, не вообще молодых рабочих, а знать и понимать каждого, работать с каждым индивидуально. Пока еще это нам не всегда удается. Скажем, был случай—уволнили из сборочного цеха молодого парня. Задристый был, колючий, тянулся все к тем, у кого с дисциплиной неладит, отлынивал от работы. Уволнили, а только потом случайно узнали, что у парня была неблагополучная семья, не хватало ему человеческого, дружеского участия. А мы все с него требовали, наказывали... Узнали потом, а надо было сразу знать. Может, до увольнения и не дошло бы...

— В одном из цехов в темном коридоре так и стоит забытый после ремонта стенд с красивым названием «Я и мой наставник»...

— О наставниках говорили на каждом собрании. Решили вернуться к забытой почему-то практике—современников среди наставников. Решили, что еще мало мы делаем, чтобы практика ребят из базового ПТУ стала настоящей ступенью в рабочую жизнь. На практикантов еще бывает, смотрят, как на балласт, не ждут от них никакой пользы. А потом удивляются: как их там, в училище, учат! А вот комсомольцы сбо-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 6 (1364) МАРТ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Гагарин.

Картина
художника
Н. КУНДЕЛЯ

рочного цеха решили периодически подводить итоги работы всех практикантов, выделять самым добросовестным и любознательным премию из цехового фонда, а с теми, кто ленится, пытается укрыться в дальнем углу, говорить открыто и честно, по-рабочему серьезно.

— То есть забота о профессиональном уровне молодых — это не благодушная опека?

— Это значит: помогать, но и требовать. Доводить до сознания, что принятые на заводе нормы и правила — для всех, что нельзя их нарушать и оставаться безнаказанным. Вот были у нас трудности с дисциплиной во вторую смену. Кому-то казалось, что это естественно и ничего тут нельзя поделать — с вечерними сменами всегда так. Потому что контроль слабее. Мы провели несколько рейдов. Причем достаточно поздно, перед самым концом смены. Первые рейды выявляли по пять-шесть нарушителей, во время двух последних задержали только по одному человеку. Согласитесь, разница.

Или вот другой пример: среди комсомольцев сборочного цеха за весь прошлый год не было отмечено ни одного нарушения дисциплины. Ни в цехе, ни за его пределами. Получается, не зря бюро цеха не выпускало вопросы дисциплины из внимания ни на один день.

Забота о людях — не всепрощение, не покровительство проступков, не способность гладить по головке и быть удобным для всех. Действительно думать о человеке — это значит помочь ему как можно быстрее встать на ноги, ввести его в коллектив, чтобы он почувствовал его силу и притягательность, проникся его интересами. О таком подходе к людям должна идти сегодня речь.

РАЗМАХ

Виталий Спесивых,
секретарь парткома завода

Обеспечить рост объемов производства, рассчитывая не на увеличение числа рабочих, а, наоборот, на его снижение. Опять же, не увеличивая общего числа работающих, добиться, чтобы станочников на заводе стало больше на 50 человек. Выполнить план нынешнего года по сравнению с предыдущим на 111 процентов. По автоматическим линиям — на 135, по станкам-автоматам — на 104. Разработана программа, которая позволит выполнить взятые заводом обязательства.

— Виталий Федорович, в чем суть программы? Видимо, она должна отражать нынешнее положение дел на заводе, настрой людей?

— Суть — обеспечить надежный темп развития. Нам не нужна лихорадочная суета, метания из стороны в сторону, слепые поиски удач. Мы точно знаем, где искать, что искать, сколько искать. Правда, мы всегда все же надеемся найти побольше запланированного.

— Почему?

— Потому что знаем своих людей. Знаем, на что они способны, когда их увлечет дух соревнования. Как бы точно мы ни рассчитывали планы, учесть все возможности человека, увлекшегося работой, трудно. Например, мы знаем, что лучшее использование станков с ЧПУ должно

принести большую экономию. А вот в прошлом году участок электромон-тажа, где много молодежи, сэкономил 10 000 метров провода. Этот провод потом использовали, создавая заделы для станков следующие партии. Сколько еще таких примеров можно привести. Человек-то тем и хорош, тем и интересен, что не поддается полному учету. Нужно только, чтобы способности его проявлялись в верном направлении.

Планы, программы, комплексы мер могут быть и хорошие, и умные, и научно обоснованные, но пока в их выполнение не вовлечены люди, пока они, люди, не зажглись желанием сделать — полной уверенности в успехе быть не может.

— Один из путей увеличения выпуска продукции, снижения ее себестоимости — увеличение коэффициента сменности оборудования...

— Расчет здесь простой и верный: если сложный, мощный станок действует полдня — отдача одна. Если он работает с полной нагрузкой целый день — отдача другая. Вот почему сейчас на заводе мы стремимся использовать основное оборудование в две смены. Трудно это сделать. Во-первых, не хватает людей для этого. Во-вторых, для многих вечерняя смена не очень удобна. Что делать? Опять же разработан целый комплекс мероприятий. В нем очень серьезные меры. Но я вот назову такую. Для работников второй смены мы намерены ввести бесплатное питание... Решаем вопросы с транспортом, чтобы поздно ночью человек еще не ждал по часу электричку, возвращаясь со смены. Строим жилье. Когда до дома от завода рукой подать — вечерняя смена не так страшна...

Экономисты, технологи выявили, как повысить отдачу «вечерних бригад», но не менее важно, чтобы люди видели: кто за завод стоит, тот и на него во всем положиться может.

— Сверхплановое повышение производительности труда, дополнительное снижение себестоимости продукции позволят заводу выпустить сверхплановой продукции на 500 тысяч рублей. Серьезная цифра.

— А если посмотреть на нее вот еще с какой стороны. Наша продукция — автоматические линии, высокопроизводительные станки. Начав работать, они освободят десятки рабочих рук, быстро окупят себя, и потом предприятия, на которых их установят, государство будут получать чистый доход. Знать об этом должны не только экономисты. Это должен знать каждый работник завода. Только высокие цели по-настоящему увлекают людей. А особенно молодых, которым свойственно стремление попробовать, испытать себя, утвердить в глазах окружающих. Вот о чем нельзя забывать.

Размах планов только тогда впечатляет, когда он подкрепляется размахом свершений. Намерения, как бы ни были они хороши, быстро обесцениваются в глазах людей, оставаясь лишь эффектным фразам. Уметь взяться за конкретное дело. Не упускать никаких мелочей. Считать. Увлекать за собой. Не успокаиваться достигнутым. Видеть за цифрами и процентами реальную продукцию. Развивать, укреплять все лучшее. Такой стиль работы нужен сегодня. Так работают лучшие.

Беседу вел
Игорь СЕРКОВ.

1 МЕСТО И РОЛЬ МОЛОДЕЖИ
В РЕШЕНИИ ВАЖНОЙ ЗАДАЧИ.

4 «УЧИТЕЛЬ С БАМА». Фоторепортаж
Владимира КАРНАУХОВА и Альберта ЛЕХМУСА.

6 «КТО НАС ВЫВОДИТ В МАСТЕРА».

8 Георгий БАЖЕНОВ. «ТЕЛЕФОННЫЙ РОМАН».

12 30 ЛЕТ НАЗАД НАЧАЛОСЬ ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ.
Петр СКОБЕЛКИН. «ПОДВИГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

14 К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Юрия Алексеевича ГАГАРИНА.
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ, летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза.
«СЛОВО О ПЕРВОМ КОСМОНАВТЕ».

16 ОТЕЧЕСТВО. Татьяна ДУБРОВСКАЯ, Сергей ВЕТРОВ.
«РОВЕСНИК СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ».

18 Стихи Леонарда ЛАВЛИНСКОГО.

22 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

24 К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.
Игорь ЗОЛОТУССКИЙ. «ГОГОЛЬ».

27 ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ: КАК ЖИТЬ?
СОГЛАСНО ИДЕЕ ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?
«НЕ ОПОЗДАТЬ С ВЫБОРОМ».

28 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

29 Повесть Льва ПРОЗОРОВСКОГО
«ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИ-
КИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБ-
ЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (замести-
тель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Владимир КАРНАУХОВ

Увиданное ли дело — идет урок рисования, а учитель вместо того, чтобы ученикам задание дать, им притчу рассказывает: — ...И было у крестьянина три сына. Выросли они. Спрашивает крестьянин старшего: «Каким делом намерен на земле заниматься?» «Крестьянским. Пахать. Сеять», — сын отвечает. «Дарю я тебе, сын, коня и соху, Паши. Сей». Среднего сына спрашивает: «А ты каким делом заниматься намерен?» «Воинским. Родину защищать». «Дарю я тебе, сын, коня и саблю, ступай, защищай Родину». Младшего сына спрашивает: «А ты, сынок, кем решил стать?» «Художником», — младший отвечает. «Ну, что ж, — отец говорит, — художником, так художником. Только, сынок, сначала коня возьми, соху возьми и иди-ка пахать землю». Взял коня, взял соху сын, вспахал землю. К отцу приходит. «А теперь, сынок, возьми-ка коня и саблю, враги на Родину напали, иди, защищай родимую сторонушку». Взял коня и саблю сын, отстоял Родину. К отцу приходит. «Вот теперь я тебе со спокойной душой могу подарить холст и краски», — отец говорит. — Только тот художником сможет стать, кто землю вспахать сумеет, кто ее от врагов защитит. Слабому человеку ремесло художественное не осилить».

Сказка сказкой, а в ней не просто намек — позиция. Дескать, дело мое — искусство — ремесло важнейшее. Он действительно так и считает — Иван Иванович Малашенко, учитель рисования и черчения. Работает он в школе поселка Звездный на трассе Байкало-Амурской магистрали, того самого Звездного, где десять лет назад высадился первый бамовский комсомольский десант. Казалось бы, в школьных науках приоритеты давно определены: математика, литература, химия, физика... Но чтобы рисование? Картиночки, без которых и прожить можно и БАМ построить. Пожимает школьное руководство в недоумении плечами, просит Ивана Ивановича изложить свою позицию. Берется тогда Малашенко за перо. «Цель школьного обучения должна сводиться к практическому осмыслению мира и жизни, а затем и к практическому применению своих знаний. Поэтому в преподавании любого предмета, будь то математика или пение, необходим не только рассказ, но и показ. И таблицу умножения можно изобразить художественно-графически. Поэтому рисование должно стать ведущим предметом в школе, а каждый учитель обязан стать художником».

Вот так. Рисование — ведущий предмет, а каждый учитель — художник. Как отнеслись к такому заявлению коллеги Малашенко? Спорить с Иваном Ивановичем не спорили, но и соглашаться не спешили. Дескать, поживем — увидим.

И увидели. Пришли к нему на урок. На уроке этом с привычной точки зрения все вверх тормашками. Сидит Иван Иванович за столом, ребяташки со всех сторон его облепили. Шум, естественно. Учитель картину рисует, изображает поселок Звездный. А ребяташки помогают ему и спорят неистово, что на той картине необходимо изобразить в первую очередь. Школу или железную дорогу, тайгу или сопки? А может, маму нарисовать? Причем каждый из спорщиков тут же предлагает свой эскиз или прямо на картину вписывает задуманное. На уроке страсти кипят, а за

дверью — любопытные из других классов: «Как там у Ивана Ивановича урок проходит, чем споры закончатся?»

Беда, что школьный час короток. Многому ли за час научишь, многое ли покажешь? «Художнику одного урока мало, одной классной комнаты недостаточно». И решил Иван Иванович создать студию для всех желающих. Вот только с помещением оказалось туговато. В Звездном каждый квадратный метр на счету, потому Ивану Ивановичу то в поселковом клубе, то в строительной конторе деликатно намекали: «Надо бы, товарищ дорогой, освободить помещение. Картины — это дело хорошее, но...» За четыре года художественная студия была вынуждена пятнадцать раз менять место прописки. Обидно, конечно. Но Иван Иванович виду не подает, вот

только жене Зое да чистому листу бумаги и пожалуется: «Занимались изобразительным и прикладным искусством: детским рисунком, рисунком академическим и живописью, резьбой по дереву, чеканкой, филигранью. Все, что умею сам, старался научить детей, далеко не избалованных обилием кружков, студий, секций, дворцов и станций. В Звездном, затерянном среди сопкок, возможности учить детей искусствам и ремеслам значительно скромнее, чем в областном центре, а необходимость такого обучения чрезвычайно велика. Жаль, что не всем это понятно. Из клуба нас вытурили культработники, потому как понадобилось место для макулатуры...»

Но нет безвыходных положений. Присмотрели студию близ леса за поселком два вагончика стареньких, из числа тех, что людям не служат. Доставили вагончики в поселок. Кроме стен, в них, конечно, ничего не было. Решили заняться керамикой, значит, печка нужна, да не простая, а гончарная, где можно бы и глину обжечь. Откуда у детей интерес к керамике, стоит объяснить. Увидели как-то телепередачу «От всей души», где Валентина Леонтьева познакомилась со старым гончаром — мастером из Брянской области. Кстати, земляком Ивана Ивановича, сам он из деревни Медвежьих ушки, а мастер — из соседней. Очень его работы понравились: посуда, статуэтки. Ну, и загорелись желанием освоить гончарное дело. Иван Иванович мастеру письмо написал, а тот подробно и доброжелательно в ответе секретами поделился: и как печи класть, и как глину добывать, и как обжиг вести, и о температурном режиме не забыл.

Для печи кирпич понадобился. Кто-то из ребят приметил брошенный дом, а в нем печку. Вот и кирпич. Выложили печь, привели в порядок вагончики — готова мастерская. Кто-то попробовал заикнуться, что они, так сказать, не на уровне мировых стандартов, но Сережка Коваль срезал скептика на полуслове: «Плохому мастеру хороший дворец

**И ПОСЛЕ УРОКОВ
ОНИ ВМЕСТЕ —
УЧИТЕЛЬ
И ЕГО УЧЕНИКИ.**

УЧИТЕЛЬ С

построй, толку не будет, а хороший мастер, он и в сарае мастером останется».

Сережка Коваль — тот самый мальчишка, что картину нарисовал. О том, как злые люди в поселке собак убивают. Страшная картина, но совестливая и жизненная. Лайка, умная, красивая, на нее человек ружье направил, а человек тот в собачьей шапке. Вся его душонка, как на ладони. Ничего тут Сережка не придумывал, что увидел в жизни, то и нарисовал. И послал свою картину в Усть-Кут на выставку детского рисунка. Не он один, конечно, картину послал, другие ребята тоже. Больше двухсот работ. Все картины на выставку принесли, а Сережину вернули. Тема, мол, неподходящая. Сережке бы опечалиться, в уныние впасть, а он: «Ничего, к художнику признание не сразу приходит...»

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

С такими ребятами, как Сережка Коваль, не пропадешь. Ради них работать стоит. Открылась мастерская — повеселел тон записок Ивана Ивановича: «Сейчас у нас своя резиденция. Лепим игрушки, расписываем, пробуем скульптуру, посуду делаем, обжигаем, красим, заигрываем с формой и пространством, осваиваем гончарный круг. Глина — прекрасный материал для развития детских рук и воображения. Студия популярна среди поселковой детворы. Полутонного запаса глины до весны, боюсь, не хватит. Способные есть ребята, умные, честные, трудолюбивые. Нельзя им не помочь. Талант (кто его носитель — ребенок или взрослый — неважно) — наша общая гордость, национальное богатство, и загубить его нерасторопностью, равнодушием, ленью непростительно, преступно. Нет для таланта страшнее врага, чем равнодушие, во что бы оно ни рядилось... Учимся, пробуем, ищем свой стиль. Знакомимся с традициями народных промыслов и мастеров. Жаль только, что много времени, сил и нервов потрачено впустую.

Произведения
школьного учителя
Ивана Ивановича
Малашенко —
на 4-й обложке

«Важнейшая задача — значительное улучшение художественного образования и эстетического воспитания учащихся. Необходимо развивать чувство прекрасного, формировать здоровые художественные вкусы, умение правильно понимать и ценить произведения искусства, красоту и богатство родной природы. Лучше использовать в этих целях возможности каждого учебного предмета, особенно литературы, музыки, пения, изобразительного искусства, эстетики. Надо, чтобы предметы эстетического цикла преподавали квалифицированные специалисты».

Из проекта ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Надеемся, что устроились, по местным понятиям, основательно, а если очередному «хозяину» вздумается турнуть нас, будем стоять».

Записки Ивана Ивановича не без иронии, с обидой на чью-то леность и непонимание. Но главная мысль все-таки та, что доброе дело отстоять можно, было бы желание. Мастерская, созданная собственными руками, стала для ребят чуть ли не домом родным. Поэтому ребяташки Звездного днюют и ночуют в студии. А мамы их... Впрочем, вот уже одна встревоженная мамаша к Ивану Ивановичу в квартиру стучится. Только Малашенко дверь открыл — мамаша в наступление: «Какая польза от того, что мой сын к вам ходит? Хоть бы чашку, кружку в дом принес. Единственное, что от вашей мастерской остается — грязь на руках да штанах». «Действительно! Какая польза от нас? — вроде бы соглашается Иван Иванович. — Ни съесть, ни надеть наши работы. Это, конечно же, безобразие». Мамаша иронии не уловила, но сына все-таки после того разговора с Иваном Ивановичем в студии оставила. Может, и этот мальчишка поймет великую пользу ремесла, искусства, товарищества. Потому что студия — это не только искусство, это еще и настоящее товарищество.

Разве забыть учителю вечер, когда прибежали к нему радостные, ошалевшие от счастья Санька Высоцкий, Андрюшка Тищенко, Мишка Уржумцев. «Иван Иваныч, нас с учета в детской комнате милиции сняли! Мы теперь нормальные». Ивану Ивановичу тоже от радости закричать зателось, но он и бровью не повел, сказал холодно и как бы бесстрастно: «Вы и были всегда нормальными. Также событие! Идите, работайте». Чувства свои он, конечно, попржал, но лицемерить не лицемерил, так как искренне полагает, что не дети, а лишь родители и воспитатели бывают с «отклонениями».

Иван Иванович на листе круг рисует и вслух рассуждает: «Этот круг — жизнь ваша. Но вот кто-то из вас бездельничает. Значит, часть круга надо отсечь, — и закрашивает темной краской то, что отсек. — Кто-то из вас покуривать начал, — еще часть круга закрашивает, — кто-то рюмку вина выпил, — еще одно темное пятно. — Так что от круга осталось? Ничего! Но это не от круга, от вашей жизни ничего не осталось».

В этот момент появляется в классе опоздавший. Подзывает Иван Иванович его к столу и такую картину рисует: бачок с водой, а из него струйка воды бежит. «Видишь бачок. Так это не вода, а жизнь твоя из него вытекает. А вытекает потому, что ты проспал сегодня, на урок опоздал. Будешь спать долго — так и вся жизнь вытечет». Говорит Малашенко о дисциплине, но и при этом он остается художником.

Есть в школе Звездного мальчишка, которого некогда оценивали однозначно и категорично: ученик без способностей. Абсолютно! В математике — двоечник беспросветный. Кстати, зовут того мальчишка Петей, тихий, с вечно печальными и усталыми глазами. И вот как-то тому классу, где учится Петя, дает Иван Иванович задание на свободную тему. Кто природу рисует, кто — новую железнодорожную трассу, кто — птиц, кто — зверей. А Петя склонился над тетрадкой и рисует в ней гаечки, винтики. Потом протектор, трубу

пририсовал, кабину. И вышла самая натуральная машина. Причем не подобие ее, а абсолютно точное изображение, все прорисовано со скрупулезной точностью. Иван Иванович даже растерялся. Подумал, может, случайно так получилось. Показывает Петю чертеж автомобиля, спрашивает, что изображено. Петя без промедления отвечает: «Магирус». И какую бы машину, экскаватор, станок ни показывал учитель на чертеже, мальчик в секунду определял, что изображено. Ни одному ученику не понятно, что на чертеже, а Петя на любой вопрос отвечает: «А мне понятно!» Мальчик, которого считали абсолютно ко всему равнодушным, оказался увлеченным. И лишь учитель рисования это разгадал. А потом коллегам доказывал: «Если ученик говорит гладко, то всем понятно: умный. А вот когда он творит руками, то интеллекта его мы не замечаем».

Встречая человека неординарного, мы склонны искать корни его незаурядности в сферах высоких. Безусловно, веяние самых передовых методов коснулось и учителя Малашенко. Но откроем секрет, что стезю учительскую Иван Иванович для себя не намечал. Когда поступал в Орловский педагогический на художественно-графический факультет, планы жизненные связывал прежде всего с занятиями живописью. Но студентом побывал на практике в районе Байкало-Амурской магистрали, и это решило его судьбу. Местом распределения он выбрал Звездный. Любое дело в радость, коли заниматься им честно и основательно. Стань Малашенко крестьянином, так же основательно пахал бы землю, стань токарем — так же старательно выгачивал бы детали. А причина той основательности в родовом крестьянском корне. Так же честно исполняли свои крестьянские обязанности отец его Иван Кузьмич, и дед его, и прадед...

Судьбе было угодно Ивана Ивановича Малашенко сделать учителем. Но учительство не перечеркнуло в нем художника. Честного и своеобразного. Его работы экспонируются на выставках в Звездном, в Усть-Куте. Да и дом его — это прежде всего персональная выставка Малашенко. Картинами увешаны все стены в комнатах, в кухне, в прихожей. Много натюрмортов, рисунков природы. На ранних работах — следы юношеского увлечения Рерихом, Чюрленисом. Смещенные планы, дымка. Символические контрасты. Композиционный строй не всегда угадывается. На более поздних картинах все меньше заимствований, все больше самого Малашенко.

...Вспоминаю персональную выставку художника, где увидел старушку, стоящую у картины «Проклятия ужасам»: над фигурой женщины, прижимающей к себе девочку, кружат фашистские самолеты, крылья которых трансформированы в оперения стервятников. Старушка долго не отходила от картины, видимо, переживая увиденное, а потом тихо сказала, как бы делясь самым сокровенным: «Только тот, кто воевал, мог написать такую картину. В ней — правда!»

Эту правду знала простая русская женщина, никогда в своей жизни не державшая кисти художника. И эту правду передал в своем полотне художник Малашенко, родившийся после войны, в пятьдесят первом...

**Всесоюзная неделя
«Творческая молодежь —
воспитанникам
детских домов»**

ВЕСЕННИЕ ВСТРЕЧИ

В дни весенних школьных каникул в стране пройдет IV Всесоюзная неделя «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов». Проводят ее Совет творческой молодежи ЦК ВЛКСМ, союзные министерства культуры и просвещения, союзы писателей, художников и кинематографистов, ЦК профсоюзов работников культуры и просвещения.

«Смена» уже не раз писала, сколь велика потребность у ребятшек из детского дома в общении с добрыми, интересными людьми. Для молодых представителей творческой интеллигенции проводимая Неделя — хороший повод побывать в детском доме, познакомиться с его хозяевами, лучше узнать их жизнь, наконец, оказать помощь, завязать дружбу — не на одну лишь неделю, а навсегда.

Простор для инициативы неограниченный, ведь одна из целей Недели — поиск новых перспективных форм шефства. Предшествующий опыт показывает, что лучшие результаты достигаются там, где комсомол, творческие союзы, органы народного образования действуют рука об руку. Читательские конференции, концерты, выездные спектакли, конкурсы рисунков — все это с интересом встречается детьми. Но жаль, если шефы этим и ограничиваются. Вовлечь ребят в творчество — задача посложнее.

Тут одной недели мало. Драматические кружки, художественные студии, музыкальные ансамбли — результат долгих и серьезных человеческих отношений. Так что Неделя лишь фундамент, на котором можно строить здание дружбы молодых литераторов, художников, музыкантов, актеров с ребятами.

Вот только один пример, насколько плодотворны могут быть подобные связи. Три года назад члены молодежного объединения при Союзе художников СССР Любовь Альгина, Татьяна Шлыкова, Евгений Ефремов вместе с учащимися детской художественной школы Краснопресненского района Москвы выезжали в дни каникул в Таллин. Результат поездки — прекрасные росписи в таллинском детском доме № 2. Новое дело так захватило ребят и их руководителей, что его было решено продолжить. Доброе начинание поддержал ЦК ВЛКСМ. Теперь уже росписи московских живописцев украшают два детских дома в Великом Устюге Вологодской области, Чинадиевский детский дом Закарпатской области. В этих детских домах Любовь Шлыкова и ее товарищи проводили еще и занятия по изобразительному искусству — уроки лепки, рисунка. Стоит здесь отметить, что все работы выполнены в порядке шефской помощи. Вот пример, достойный подражания! Надемся, что о наиболее интересном опыте проведения Недели, тех проблемах, которые она ставит, в редакции «Смены» напишут ее участники и те, для кого она и предназначена — ребята из детских домов. Ждем ваших писем!

Ежегодно ЦК ВЛКСМ и Госпрофобр СССР организуют традиционные встречи молодых работников профтехобразования. Несколько дней в Москве были расписаны буквально по часам: обмен опытом, поездки в московские ПТУ, беседы со специалистами. Сегодня гости «Смены» — участники последней встречи, молодые мастера Александр КОЛМОГОРОВ из СГПТУ Свердловской области и Владимир ЦЕБЕРГАНОВ из саратовского СГПТУ-19. Они познакомились и подружились в Москве.

А. Колмогоров. Завтра уезжать, а о самом важном, как мне все время кажется, мы с тобой поговорить толком не успели.

В. Цеберганов. Догадываюсь, о чем...

А. Колмогоров. Мы по вечерам в гостинице спорили о многом — о методике преподавания, программах, способах обучения. Но в конечном счете все или почти все в нашем деле зависит от того, как складываются отношения мастера и его группы. Какой в ней микроклимат — это тоже зависит от мастера. Будет ли группа работающей, сплоченной или ненадежной, неумелой...

В. Цеберганов. А ты задумывался когда-нибудь, откуда вообще берутся мастера? Что касается учителей, там все понятно — из педагогического вуза. У мастеров же пути в училища, как я понял, самые разные.

А. Колмогоров. Скажи мне кто-нибудь несколько лет назад, что буду работать в училище, пожалуй, не поверил бы. Всегда считал себя гуманитарием — увлекался историей, литературой, театром. В самостоятельности участвовал. После школы поступал вначале в Свердловское театральное училище. Да по конкурсу не прошел...

В. Цеберганов. А второй раз не пытался?

А. Колмогоров. Нет. Видишь ли, понял я, что нет у меня твердой убежденности быть актером. Пошел учиться на электрика. Конечно, в какой-то мере случайно это вышло. А потом все в моей биографии повернула встреча с одним человеком — мастером нашей группы Владимиром Алексеевичем Ломовым. Любовью к своему делу он кого угодно мог заразить. Я же смотрел на него и думал: надо же, всего 23 года парню, а уже авторитетный, уважаемый человек. Его слово было законом для группы, так к нему относились. В общем, под его влиянием я в индустриально-педагогический техникум пошел. А потом и в институт, на заочное. Это когда уже сам в ПТУ работал.

В. Цеберганов. И у меня дорога в ПТУ непростая была... Знаешь, какой у нас класс был дружный! Школу любил безмерно. Кстати говоря, тринадцатый человек — из одного класса! — стали педагогами. Рвался в педагоги и я. Готов был работать где угодно, хоть вахтером в общежитии, лишь бы поближе к детям, подросткам. Собирался в педагогический. Но отец мой мне сказал: ты эти бирюльки брось. Мужчине нужна хорошая техническая специальность... В институт механизации я поступил, чтоб родителей не расстраивать. И даже диплом получил. Но все годы учебы такая тоска была! Зачем, думал я, это мне нужно? Нет, самого себя не обманешь. Институт окончил — и попросился мастером в ПТУ.

А. Колмогоров. Не раскаивался позже?

В. Цеберганов. Первое время ночами не спал. Понимал, что институтскую квалификацию неизбежно буду терять, а вот будет ли удача на новом месте — еще не ясно. А если не пойдет дело, не примет меня группа — значит, потом все с нуля начинать?

А. Колмогоров. Группа-то хоть хорошая досталась?

В. Цеберганов. Какое там! Дали мне группу токарей — точнее, я ее сам попросил. — от которой пятеро мастеров

отказались. Трудную группу попросил, чтобы уж сразу проверить, гоюсь ли на что-то. Хулиганистые были ребята. Курили, выпивали. Кое-кто и с фарцовщиками связался. Мне рассказывали, они могли подойти к мастеру и... кепку ему на нос натянуть.

А. Колмогоров. И у меня первая группа не лучше была. Та же ситуация: сменилось несколько мастеров, ребята совсем разболтались. Это ведь хуже не придумаешь — расхлебывать чужие грехи. С чего же ты начал налаживать контакт с группой?

В. Цеберганов. Со спорта. Туризмом я давно занимаюсь. Высмотрел одного парня, более скромного, что ли. Потолковал с ним по душам. Как же вы, говорю ему, живете — смотреть противно! Скучно с вами, неинтересно. И намекаю: может, соберутся ребята хоть разок на природу выехать? Хотел, чтоб инициатива от них самих исходила. Па-

Александр Колмогоров

КТО НАС ВЫВОДИТ

ренье меня понял, поговорил в группе — и, представь, объявляют мне: хотим на лыжах покататься. Я бегом к комсомольскому секретарю. Выручай, говорю, дай какие-нибудь призы, сувениры. Запихал, что под руку подвернулось, в рюкзаки...

А в воскресенье уехали на поезде «Здоровье». Ушли от станции километров за пять, покатались. У меня ведро с собой было, булки, масло. Чаю у костра попили, пообедали. А потом нашли огромную — ну, это по нашим степным понятиям — гору и решили соревноваться устроить. Съехать с горы и еще метров триста пробежать — кто первый. Гора такая, что нормальные люди с нее не поедут. Мне, конечно, первому пришлось. Встал внизу, рукой махнул — и вся моя орда с воплями и криками как посыплется вниз. Они ведь, эти «трудные», такие: расшибутся, но сделают. Кто кувыркот, кто без лыж, но вперед, к финишу. А затем призы вручал, что в комитете комсомола нашли. Первому — фонарь, другим — книжечки, ручки разные. Смотрю, самый главный их заводила уже третью около меня. Домой ехали — песни пели под гитару, хорошо так, задумчиво... Радовался я тогда, как ребенок: почувствовал, какой-то сдвиг произошел. А до этого дня все время был как натянутая пружина.

А. Колмогоров. Мое «крещение» на картошке произошло. В сентябре послали нашу группу в колхоз. Порядки такие были: одни работают, другие — «элита» — в кустах отдыхают. Вот тогда я собрал, прямо на поле, первое комсомольское собрание. Жесткий разговор получился. Кое-кого даже с дезертирами сравнил. Но, сам понимаешь, одним разговором дело и не могло кончиться. На занятия придешь — сидят развалившись, ухмыляются, рубахи расстегнуты... Что я им мог противопоставить? Только собственную точность, аккуратность, подтянутость. И еще я убежден, что мастер

должен быть эрудированней учеников — не только в своей профессии, но и во всех предметах, которые изучают в ПТУ. То есть быть мастером — это значит самому постоянно учиться. Иначе не станет тебя группа уважать.

В. Цеберганов. После того лыжного похода у меня возникла идея. Предлагаю ребятам: работаем на заводе, получаем деньги и на зимние каникулы едем в Домбай. Разумеется, кто плохо учится, тот не едет. Знаешь, как они тянутся начали!

А. Колмогоров. Кто же вам путевки организовал?

В. Цеберганов. Поехали без путевок, самым «диким» образом. Взяли рюкзаки, палатки, продукты. В Домбае удалось с помощью участкового милиционера устроиться в пустом летнем домике, а тамошние строители дали «козла» для обогрева. Дежурства установили, дисциплина была — будь здоров! Утром пробежка налегке, потом горные лыжи, после обеда — бассейн в турлагере. Правда, признаюсь тебе, чтобы «пробить» жилье, лыжи, бассейн, мне подчас приходилось действовать в духе Остапа Бендера... На второй год легче было, местные люди уже узнавали: «А, Володя из Саратова!» А тогда неделю пожили и решили вдруг махнуть к Черному морю. Переночевали в горах, в палатках. А утром отправились в Сухуми — смотреть обзeyaннecкий сад. Столько интересного за те каникулы повидали! В Теберде жили у горцев. В Пятигорск заехали и даже совершили восхождение на Машук. В Новом Афоне прорвались в знаменитую пещеру... В ПТУ мои сорванцы верну-

лись королями. Стенд о поездке оформили — на полстены: я еще перед поездкой заставил их заняться фотографией. А с весны начались у нас байдарочные походы — по неделе и больше. Мне кажется, настоящий коллектив формируется не столько в учебное время, сколько во внеурочное...

А. Колмогоров. Походы и у нас организуют. Сам же я, отдавая дань старому влечению, больше занимаюсь художественной самостоятельностью — веду агитбригаду, кружок чтецов. И все же давай не будем забывать, что готовим-то мы не спортсменов или артистов, а рабочих: ты — токарей, я — электриков. И проблем в этом деле у нас!

В. Цеберганов. А где истоки проблем? Группа-то формируется из школьников, которые пришли к нам с самыми разными настроениями. Давняя, болезненная проблема — наши отношения со школой. На словах-то все вроде признают, как важна и нужна система профтехобразования, а на деле многие относятся к ПТУ свысока. Неискренне, я бы сказал, относятся.

А. Колмогоров. Да, мне это тоже знакомо. Школа иногда даже пугает учеников училищем. А как тяжело формировать группу из тех, кого попросту «выпихнули» из школы за неуспеваемость или поведение. Они же чувствуют отношение к себе и заранее настроены против ПТУ, обижены. Самое трудное тут для мастера — переломить такое отношение.

В. Цеберганов. Поднимать надо авторитет ПТУ. Вопрос — как поднимать?

А. Колмогоров. Я являюсь профориентатором в одной из школ...

В. Цеберганов. Я тоже, но к нашей традиционной профориентации относись скептически.

А. Колмогоров. Это почему же?

В. Цеберганов. Она напоминает мне игру в перетягивание каната. Честно

говоря, считаю пустой тратой времени все свои приходы в школу. Сегодня я туда пришел, завтра — ты, послезавтра — мастер из третьего ПТУ. Каждый рекламирует свое училище, как тут школьнику разобраться?

А. Колмогоров. Что ты предлагаешь? **В. Цеберганов.** Самая лучшая профориентация — добрая слава училища. И добрая и худая — она же через ребят быстро расхочит по району, по городу. Лучше бы мастер то время, что тратит на походы в школу, посвятил работе в училище — кружкам, секциям, спорту.

А. Колмогоров. Так все это мы в любом случае обязаны делать! И делать хорошо. Нет, Володя, тут я не согласен: наша работа в школе не перетягивание людей. Конечно, нехорошо заманивать ребят, принижая авторитет чужого училища. Не для этого я к ним иду. Но я обязан нести школьникам знания о моей профессии — кто же это лучше сделает? Не классный же руководитель — историк или химик. Я хочу, чтобы мои будущие ученики пришли ко мне сознательно. Тогда мне самому легче будет работать с группой.

В. Цеберганов. А вот были мы вчера вместе с тобой в одном образцово-показательном ПТУ. Помнишь, директор нам говорил, что они ведут работу в сорока московских школах, а из москвичей поступают к ним в год человек двадцать?

А. Колмогоров. Что ж, вероятно, это крайняя форма работы для «галочки» — сорок школ!

В. Цеберганов. В конце концов человек должен выбирать профессию, а не

сил психолога. С его помощью мы два дня проводили исследование.

А. Колмогоров. На тему? **В. Цеберганов.** Условно можно сказать так: «Кто есть кто». Каждый ученик давал себе, товарищам и мастеру оценки по трем показателям: человечность, отношение к труду, самокритичность. Отдельно оценивали качества учеников и преподаватели. Так что каждый получил три оценки, которые мы суммировали. Между прочим, и мне было любопытно: как ребята относятся к своему мастеру? Оказалось, одни качества я сам в себе принимал, другие, наоборот, завывал. Пришлось всерьез задуматься... Результаты исследования мы вместе обсудили. Так что задуматься пришлось не одному мне. А после этого провели выборы профактива. Я попросил каждого написать на листке четыре фамилии...

А. Колмогоров. Они в это время общались между собой?

В. Цеберганов. Нет, должна быть полная анонимность. Я хотел выявить подлинных лидеров группы, которым ребята доверяют. Чьи фамилии упоминались чаще — те и стали профактивом. Да, забыл сказать: то маленькое социологическое исследование проводилось с целью дать ребятам объективное представление о каждом ученике. Этот выборный актив вершил у нас всеми делами в группе.

А. Колмогоров. А не пострадал авторитет «официальных» лидеров?

В. Цеберганов. Так получилось, что при первых выборах не «прошел» староста группы. Конечно, самолюбие его было задето. Зато он накрепко усвоил,

В. Цеберганов. Тут ты прав. Я и сам заметил, что, когда ребята хотят похвастаться друг перед другом своим мастером, они обычно говорят: «Наш — вот это мастак!»

А. Колмогоров. Я к чему веду... Надо, чтоб и ученики выросли настоящими профессионалами. Но это зависит не только от мастера и не только от училища. В большой степени — от базового предприятия.

В. Цеберганов. У меня складывается впечатление, что базовые предприятия смотрят на ПТУ чисто потребительски, как на дополнительный источник рабочей силы. Неважно к нам относится завод. Считается, что ПТУ — заводской цех номер один. Все ему должно быть в первую очередь. В частности, оборудование. Новые станки завод получает, а в ПТУ дает списанное старье... Вот и выходит, что я учу рабочих двадцать первого века на морально и физически устаревшем оборудовании.

А. Колмогоров. У нас контакты с базовым предприятием неплохие. Но что беспокоит, так это практика. Завод большой, группа разбросана по разным местам — мастер ее почти не может контролировать. Наставники нередко попадают «липовые», мало что дают практикантам. Сама практика часто идет вразрез с программой. Были даже случаи, когда моих электриков использовали на... погрузке. В идеале хорошо бы выделить на заводе один цех, где будут «доводить» молодых. Это первое. Второе — успех нашей с тобой работы напрямую зависит от культуры производства на базовом предприятии...

В. Цеберганов. ...которой пока мало-мало.

А. Колмогоров. Я провожу родительское собрание, говорю о перспективах, которые откроются перед ребятами, а родители усмеваются: они сами рабочие и знают, что уровень культуры производства на заводе невысок, много грязи, беспорядка, ручного труда. Знают это и ученики. Это создает новые сложности в моих отношениях с группой. Кстати, возвращаясь к теме профориентации: наша работа в этой области пойдет намарку, если промышленность не будет поднимать культуру работы. Здесь все взаимосвязано.

В. Цеберганов. Мне кажется, и мы кое в чем можем помочь заводу. Если уровень культуры производства отстает, тем более необходимо уже в ПТУ учить рационализаторству. Чтобы новичок на заводе мог сразу что-то предлагать по повышению этого уровня, а не только жаловаться на плохие условия, неинтересную работу. Но здесь есть и другая сторона проблемы — учеба на базовом предприятии самих мастеров. Ты сам говорил о том, что мастер должен быть прежде всего профессионалом. А на деле он постепенно дисквалифицируется, что могут заметить и ученики. Думаю, что надо дать возможность мастеру один месяц ежегодно работать на заводе — по своей специальности и обязательно в передовом цехе.

А. Колмогоров. Ты что-то перемудрил. По-моему, всего за год мастер может потерять квалификацию?

В. Цеберганов. Допускаю, к вам, электрикам, это и не относится. А у станочников своя специфика. Меняются техника, технология, структура производства. Надо и нам обновлять свои профессиональные знания. Только находясь на рабочем месте, я совершенно точно буду знать, какие требования предъявляет моему ученику сегодняшнее производство. Кстати, в прошлом году мне удалось поработать токарем, это было очень полезно. Кроме того, теперь меня рабочие цеха хорошо знают, встречаются, как своего. Подметил я и другое: они лучше, внимательней стали относиться и к моим ученикам.

А. Колмогоров. Ты слышал о такой форме сотрудничества, как «класс — группа — бригада»?

В. Цеберганов. Много слышал. Вот это стоящая вещь! В том, конечно, слу-

чае, если форма не формальна. Великая помощь мастеру в воспитании учеников! Но для этого требуются яркие личности — будь то бригадир, мастер или учитель, — способные скрепить этот союз не только на бумаге.

С этого учебного года у нас новый, молодой директор Вениамин Орофеевич Сорокин. Он окончил институт с отличием, работал ведущим конструктором на заводе. И сам пошел в ПТУ, узнав, что обстановка у нас сложная, плохо с технической базой, с набором учащихся по некоторым специальностям, да и других проблем хватает. Очень рассчитываю и на его помощь в работе с группой.

А. Колмогоров. Но непосредственно с подростками работают в основном мастера. Значит, помимо хороших директоров, надо направлять в ПТУ лучших мастеров, преподавателей.

В. Цеберганов. А пойдут ли лучшие? Нужны моральные и материальные стимулы. Пока, не секрет, состав мастеров не самый сильный. Причина — в текучести. Каждый год у нас сменяется пять — восемь мастеров. Уже одно это обстоятельство плохо влияет на группу — разве дело, когда начинает ее вести один мастер, продолжает второй, заканчивает третий? В школе с преподавателями такого нет!

А. Колмогоров. Ты же сам понимаешь, почему уходят мастера. Зарплата невелика, загруженность очень большая, с утра до ночи в училище — занятия, практика, кружки, секции...

В. Цеберганов. Мастер должен работать с хорошим настроением — оно передается группе. Но почему-то положение мастера самое невыгодное в ПТУ. Взять отпуск. Почему он вдвое короче, чем у преподавателей того же ПТУ?

Времени, душевных и физических сил мастер затрачивает на учеников ничуть не меньше, чем учитель. А бытовые трудности? Я что-то не слышал, чтобы базовые предприятия давали мастерам ПТУ квартиры. Вот ты молодой специалист. Какие у тебя перспективы с жильем?

А. Колмогоров. Никаких. Вначале поселили в рабочее общежитие, но там в комнате со мной оказались пьяницы. В той обстановке я не мог вечерами заниматься, готовиться к занятиям. Теперь живу у родителей — за пятьдесят километров. Не подумай, что я жалуюсь. Нет, я люблю своих ребят и не собираюсь их бросать. Пока еще есть молодость, здоровье, энтузиазм. Но неправильно рассчитывать только на энтузиазм мастеров.

В. Цеберганов. Надо повесить и ответственность завода за ПТУ. Разве один мастер обязан о кадрах заботиться? Ведь сегодняшние ученики ПТУ — это будущее завода. Если директор не думает о ПТУ и, в частности, мастерах — значит, он не хочет видеть свой завод хорошим завтра.

А. Колмогоров. И спрашивать с него за положение дел в училище надо так же, как за выполнение плана.

А о роли ПТУ в нашей жизни хочется еще вот что добавить. Сейчас существуют несколько способов профессиональной подготовки — курсы, учкомбинаты, ПТУ. По-моему, курсы и учкомбинаты пора закрыть, вести всю подготовку только через профтехучилища. Или в крайнем случае после курсов в обязательном порядке посылать в ПТУ для повышения квалификации. Это упрочит роль и значение училищ, мастеров производственного обучения.

В. Цеберганов. Полностью солидарен с тобой. Сейчас все мы с нетерпением ждем реформы народного образования. Без реформы обучения в ПТУ она, ясное дело, была бы неполной.

А. Колмогоров. Я знаю, для разработки реформы собирались предложения с мест, шло их обсуждение. Может, и наши соображения — молодых мастеров — окажутся полезными...

В. Цеберганов. Будем надеяться.

Записал
Владимир АНИСИМОВ.

ИТ В МАСТЕРА

училище. Нельзя всех без разбора тянуть в ПТУ — этак мы кому-то и жизнь можем покалечить. С кем в группе мастер обычно мучается? С тем, кого бездумно заманили в училище, чтобы выполнить план набора. Надо дать подростку объективную картину его склонностей и возможностей. Точнее определить уровень соответствия тем или иным профессиям. А для этого школе необходим мощно оборудованный кабинет профориентации, где работали бы опытные специалисты-психологи. Может, стоит ввести и отдельный предмет — профориентацию. Пусть факультативно. Причем заниматься им надо не в выпускных классах, а начиная с первого. И обязательно чтоб во всех ПТУ была интересная жизнь.

А. Колмогоров. Вот против этого ничего не имею... И такая еще мысль появляется: школьные уроки труда должны вести мастера ПТУ. На базе ПТУ. Так, может быть, и костяк будущей группы сложится. Как ты думаешь?

В. Цеберганов. По-моему, это сложно будет организовать.

А. Колмогоров. Ну, я эту мысль не навязываю... Но все-таки мы часто еще делаем одно и то же, причем вразнобой. Вот учат детей в школе держать напильник, молоток, работать на станке, а в ПТУ мы все равно начинаем обучать с нуля. Иначе и нельзя, мы ведь отвечаем за своих учеников. А иной парень, глядишь, уже и заскучал, слушая второй раз знакомое. Потребуй-ка от него внимания и дисциплины!

В. Цеберганов. Ты подошел к другому сложному вопросу: как мы руководим группой? Сейчас много говорят о самоуправлении. Но это тонкая штука. Нельзя объявить группе: все, с сегодняшнего дня переходим к самоуправлению. Так ничего не выйдет. Мне, например, удалось наладить самоуправление только со второй группой, которую вел с первого дня. И то не сразу. Сначала я пригла-

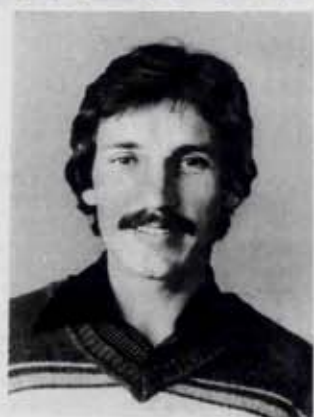
чал авторитет надо зарабатывать и поддерживать самому, он зависит от человека, а не от должности. Заметно подтянулся в учебе, в работе, к товарищам стал иначе относиться — это заметили и в следующий раз выбрали и его.

А. Колмогоров. Значит, актив группы у тебя не все три года постоянный?

В. Цеберганов. Мы уверены, что не реже одного раза в год надо проводить пере выборы. Ведь активу доверено самое важное — ежемесячно подводить итоги соревнования в группе. Для этого разработана таблица, система баллов, где учитываются поведение, успеваемость, посещаемость. Таблица у всех на виду, в нее актив вносит выставленные оценки. Ну, а от этого зависит и поощрение учеников.

А. Колмогоров. Когда я только начал строить свои отношения с группой, меня очень занимал такой вопрос: что основное для мастера — быть хорошим педагогом или хорошим специалистом? Теперь убедился, что основа всего — отлично знать дело. То есть быть профессионалом. А педагогические методы, приемы — они у каждого могут быть индивидуальными. База же для всех нас одна — профессионализм.

Владимир Цеберганов

Непримиримо отношение комсомола к «опасному грибку мещанства», проникающему в некоторые юные души. Выполняя партийный наказ, комсомольские организации решительно борются с негативными явлениями, свойственными какой-то части нашей молодежи,— иждивенчеством, трудовой и общественной пассивностью, нравственным и социальным инфантилизмом.

В своей новой повести, взяв за отправную точку благополучную, казалось бы, жизненную ситуацию, Георгий Баженов исследует далеко не благополучные явления нравственной жизни некоторых наших современников. И, рассказывая невеселую историю Алены и Петра, касаясь теневых сторон человеческих отношений, автор словно тревожно спрашивает: «Как могло случиться такое? Почему?» У писателя нет готового ответа, рецепта, но у него есть твердая позиция: необходимость высоких моральных принципов он утверждает, показывая, к какому опустошению личности ведет отказ от них.

В публицистических и литературных произведениях, публиковавшихся на страницах «Смены», не раз поднимались острые, сложные нравственные проблемы, в их обсуждении широкое участие принимали читатели. Думается, маленькая повесть Георгия Баженова станет предметом и поводом для большого разговора о духовности, об ответственности человека за свои слова и поступки, о серьезном отношении к собственной и чужой судьбе, о нелегком умении любить и быть любимым.

Опять приехал Петр. Третий год он приезжает в Москву, снимает квартиру, два-три месяца живет свободно, водит ее в театры, в кино, в рестораны, никогда не хамит, даже если она бывает у него дома, всегда спокойный, внимательный, выдержанный, так и веет от него порядочностью и честностью.

Но ей с ним скучно.

Петр живет в Мурманске. Она знает, что он моряк, но никогда не расспрашивает его о работе; в год их знакомства, когда ей исполнилось семнадцать лет, он, видимо, немного не рассчитал, хотел то ли поразить ее, то ли просто заинтересовать собой, много рассказывал о своих плаваниях, и главное, что она уяснила, это его вечная тоска по суше и вечная боль от измены жены: пока он плавал, жена флиртвала с его лучшим «другом», которого он с тех пор навсегда вычеркнул из своей жизни. Ей было семнадцать лет, и она скучала, слушая про измены, про работу, ни того, ни другого она еще не знала, ей с самого начала показалось скучно разговаривать с ним, верней—скучно слушать его житейски будничные рассказы, и если она потянулась к нему, то только по одной причине: он был взрослый, на тринадцать лет старше ее, и, несмотря на это, признал ее тоже взрослой, такое с ней случилось впервые. Ребята-ровесники казались ей маленькими, а потому глупыми и грубыми, а может, наоборот—они были глупые и грубые, а потому—маленькие, в общем, с ними ей не было интересно, хотя в общении с ними она и была сама собой—раскованная, веселая, даже нахальная немного, немного хамовитая, немного развязная, но это оттого, что с ними она была как рыба в воде, в своей стихии; другое дело, что они не интересовали ее как представители мужской половины, к которой ее тянуло давно, тревожно и неудержимо. К семнадцати годам она в отличие от своих подружек была больше девочкой, чем девушкой, и вот случайно в парке познакомилась с Петром, который почувствовал в ней нарождающуюся женственность, был ее первооткрывателем. Он тогда решил про себя: я подожду, буду ждать год, два, сколько угодно, из этой девочки вырастет женщина, которая будет предана мне, я воспитаю ее, она будет только моей, это не то что связываться с женщиной, которая давно идет отравленным житейским путем, которая не ведает ни чистоты, ни святости, а думает лишь о деньгах и тайных утехах, к черту все. Вот из этой девочки и получится настоящая жена, я подожду...

Он приручил ее к себе. Познакомился с родителями, официально вошел в семью как жених и будущий муж и вот приехал снова, такой уравновешенный, спокойный, порядочный, приехал, чтобы наконец vezти ее с собой в Мурманск—после свадьбы, которая должна состояться через месяц.

А ей было скучно с ним.

И когда он обнимал ее или целовал (теперь это позволялось), она ничего не испытывала, кроме легкого отвращения к самой себе, и руки ее, которые невольно поднимались и ответно обвивали его шею, были безжизненны и вялы. Он не обижался, не тревожился, не корил ее, принимая холодность за неопытность и чистоту, она еще не женщина, думал он, откуда быть страсти, нежности, томности, все впереди, он даже радовался про себя: господи, в наше время, когда черт знает что творится кругом—и такая неискушенность, чистота, двадцать лет, а как ребенок, и сколько счастья, должно быть, ожидает их в семейной жизни, когда она проснется, отзовется на его любовь и будет верна ему, потому что с самого начала он не сделал ни одной ошибки, не оскорблял, не унижал, не принуждал ее ни к чему, а в женщине, верил он, долгие годы, если не всю жизнь, живет воспоминание-благодарность или воспоминание-унижение от того, как ей пришлось стать женщиной. В это он верил свято.

И только в одно не мог поверить: что ей с ним скучно. Мужчина, моряк, столько всякого пережил, рассказывает ей подробно, долго, а она вдруг скажет: «Опять об этом. Скучно, Петя». О каком-нибудь трудном плавании он рассказывает так, что самому становится не по себе: и гордость за товарищей и жалостливое участие к ним переполняют душу, а она опять, в самый неожиданный момент: «Скучно, Петя». Даже если о границе начинает говорить, о Дании, Японии, Индии, всего себя наизнанку выворачивает, она остановится, посмотрит на него: «Япония или Индия—ты только о себе рассказываешь, о своей тоске. Неинтересно все это, Индия...» И что больше всего поражало Петра—несоответствие ее образа, который жил в его душе, и этих пустых, взрослых, безразличных глаз, которыми смотрела на него теперь уже двадцатилетняя девушка.

Или он чего-то не понимал в ней?

Она чиста и непорочна, думал он, отсюда внешняя холодность и безразличие, просто она не проснулась, она еще спит, и слава богу, именно такая жена и нужна ему: он, только он должен пробудить ее к чувственной женской жизни, и тогда судьба неминуемо наградит их семейным счастьем.

В семнадцать лет она еще училась в школе, а теперь, в двадцать, работала секретарем-машинисткой в райздравотделе. Все это не имело, конечно, никакого значения: через месяц они уедут в Мурманск. Петр будет плавать третьим помощником капитана, она станет домохозяйкой, а если захочет—поступит в медицинский (Петр ей поможет): у нее всегда была мысль, не мечта, а именно мысль стать врачом, желательно детским, отчасти потому она и работала в райздравотделе, чтобы помочь при поступлении в институт, снабдила всякими справками, характеристиками и рекомендациями (что ей и обещали, конечно). Работала она

хорошо, отличалась грамотностью и исполнительностью, не была ни кокетливой, ни развязной с посетителями, скромная, сдержанная, для кого-то даже симпатичная, а в общем, обыкновенная, но приятная на вид, с мягкой, нежной улыбкой, с задумчивыми серо-голубыми глазами, с опаленными белесостью легкими пушистыми волосами, которые после мытья сами собой вились, рассыпаясь по спине влажными отяжелевшими волнами.

Казалось, весь облик ее исходил из мягкости и нежности, и это было гораздо важнее красоты, яркости, броскости,—в облике ее читался как бы видимый залог того, что из нее вырастет верная, добрая, сердечная жена, не способная ни ко лжи, ни к лицемерию, ни к тайной корысти, ни к умертвляющему душу эгоизму.

Звали ее Аленой.

В тот вечер Алена лежала у себя в комнате поверх одеяла, прямо в платье, то ли скучала, то ли грустила, слушала пластинки, которых у нее было несметное количество—подарки Петра; нравились ей Элвис Пресли, Луи Армстронг, Элла Фицджеральд и все остальное в таком же духе: грустное, мелодичное, затаенно-чувственное. Душа ее, когда она слушала Элвиса Пресли, исходила непонятным томлением: кажется, все уже решено, вся жизнь впереди известна и понятна (она выходит замуж), но в то же время...

Зазвонил телефон. Алена, не вставая, лениво протянула руку (уверенная, что это Петр), подняла трубку:

— Алло?

— Сколько время?

— Что-то?—не поняла Алена.

— Сколько время, тетя?

— Алло, кто это?—растерялась Алена, не понимая, кому может принадлежать детский голос. И в то же время начала быстро вспоминать, у кого из родственников есть маленькие дети.

— Тетя, ско-о-олько время?

— Не «сколько время»,—поправила Алена,—а «какой час?».

— Ну-у, сколько время, тетенька-а?..

Алена взглянула на часы:

— Восемь часов десять минут. Алло, а кто это?

— Это Алик. Спасибо, тетенька. А вы где, тетя, в телефоне сидите, да?

— Нет, не в телефоне,—улыбнулась Алена.—А кто ты такой, Алик? Чей?

— Я еще маленький. Папа Алексей, а мама Марина у меня, знаете?

— Алексей и Марина...—задумалась Алена.—Нет, не знаю.

В трубке послышалась как бы легкая борьба, детский писк: «Ну, папка... У, папка, плохой какой-то... не буду тебя любить...»—и раздался густой мягкий голос:

— Алло...

— Да, да!

— Девушка, извините, пожалуйста. Сын балуется телефоном, видно, случайно набрал ваш номер. Без конца «сто» набрать хочет—время узнать, а получается бог знает что...

— Да ничего, ничего,—поспешила Алена. И почувствовала: ей хочется еще и еще слышать этот голос, было в его звучании что-то приятное, волнующее.

Он замешкался на секунду. А она словно ждала дальнейшего разговора, не клала трубку.

Георгий БАЖЕНОВ

МАЛЕНЬКАЯ
ПОВЕСТЬ

ТЕЛЕ

— Вы любите Элвиса Пресли?.. Я слышу, он поет у вас.

— Люблю,—ответила она.

— Похоже, у нас с вами одинаковые вкусы.—Голос его зазвучал несколько игриво (говорит хоть что, лишь бы говорить, лишь бы не оборвалась ниточка разговора).—А знаете что,—вдруг с подъемом предложил он,—давайте познакомимся? Это ведь интересно—познакомиться вот так, по телефону. Как вас зовут?

— Но ведь вы женатый,—сказала она.

— А вы, значит, не замужем?—Чувствовалось, он там улыбается.—Приятная новость.

— Не радуйтесь. Через месяц у меня свадьба.

— Поздравляю! Значит, будем с вами на равных: вы жена, я—муж.

— С одной лишь разницей: вы не мой муж, я не ваша жена.

— Именно поэтому нам и надо познакомиться. Терять ведь нечего, чего тогда бояться?

— Странный вы какой-то... Сидите у себя дома, рядом сын...

— ...и жена рядом. На кухне.

— Вот видите, и жена дома, а вы хотите познакомиться с неизвестной девушкой.

— А вы ведь тоже не против. Не против хотя бы поболтать со мной. Если бы не так, вы бы давно бросили трубку.

— Ну, я... Я, может, из любопытства, может, мне делать нечего, я ведь ничем не рискую... Вы не знаете, кто я, где я, и никогда не узнаете. Мне можно и поболтать с вами. А вот у вас рядом сын, жена... Как это вы не боитесь, ей-богу?

— Если ваш муж будет бояться вас, а вы—его, лучше сразу забудьте о свадьбе.

— Ну, не в том смысле, что прямо бояться... Вам же должно быть совестно, что вы при жене заводите такие разговоры...

— А мне не совестно, я ничего плохого не делаю. И скажу вам откровенно,—он стал говорить тише, приглушенным голосом,—скоро сюда войдет жена, и, если вы сейчас не дадите свой телефон, мы навеки расстанемся. А зачем? Какой смысл? Почему бы нам не поболтать иногда? Дружески так, а? Кстати, жена моя уже идет...—Он перешел почти на шепот.

Несколько секунд колебалась Алена, потом, будто перед глубоким нырком, вздохнула и назвала номер телефона.

— Запомните?—спросила насмешливо.

— Склерозом пока не страдаю. А как вас зовут?

— Алена.

— А меня Алексей.

— Я знаю. Ваш сын назвал вас. И вашу жену. Так что если что, буду жаловаться вашей Марине.

Он позвонил ей через несколько дней. Она, честно говоря, уже не ждала его звонка. Если бы он хотел, то позвонил бы сразу на другой день. А сегодня, видно, делать нечего, вот и вспомнил о ее существовании.

Она разговаривала с ним сухим тоном, гораздо суше, чем в первый раз.

Он спросил:

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

ФОННЫЙ РОМАН

— Вы что, обижаетесь на меня?
 — Разве я уже могу, — она подчеркнула «уже», — обижаться на вас?
 — Но что-то голос ваш сегодня... Может, вы болеете?
 — Нет, я здорова. Просто я думаю, наш разговор никому не нужен — ни вам, ни мне. Давайте на этом закончим все.
 — Ах, ах, какой холодный, строгий тон... А между тем сколько вам лет, Алена? Семнадцать? Восемнадцать?
 — Какое это имеет значение? Ну, скажем, двадцать. Дальше что?
 — В этом возрасте настроение у девушек очень переменчиво. Вчера — одно, завтра — другое...
 — Откуда вы знаете?
 — Опыт, дорогая девушка.
 — А вы, оказывается, грубиян. Я думала, вы совсем другой...
 — Извечная ошибка женщин. Сначала они напридумают о нас бог знает что, потом разочаровываются. Вы еще в женихе не разобрались, Алена? Кстати, как его зовут?
 — Ну, это вам совсем необязательно знать. И вообще наши с ним дела никого не касаются.
 — Значит, до свидания?
 — До свидания.
 — Жаль... Я-то думал, вы девушка умная. Современная. Во всяком случае, мне показалось так. И я подумал: почему бы не поболтать иногда с умной современной девушкой? Что нам мешает? Оказывается, мешает обычная наша глупость.
 — Вы самокритичны. Я себя глупой не считаю.
 — Но это же видно и слышно — вы глупая, маленькая, но уже, поверьте, несчастная. Почему? Потому что вы собираетесь замуж, а вовсе этого не хотите, и вот страдаете. Это во-первых. Во-вторых, вы сами не знаете, чего хотите, и от этого страдаете еще больше. В-третьих, вы и разговаривать со мной стали, потому что глубоко в душе спрятана у вас надежда: а вдруг?... Вдруг что-то случится, что-то изменится, и вы все-все поймете в жизни, и станете по-настоящему счастливой?! Хотите, буду вашим духовным учителем?
 — Откуда в вас такая самоуверенность?
 — Опыт, дорогая девушка.
 — Сколько же вам лет? И прошу вас, не называйте меня «дорогой девушкой».
 — Угадайте... Хотя скажу: двадцать три.
 — Ой, рассмешил меня! Двадцать три — и чего-то воображает о себе...
 — Имей в виду, я отец семейства. И потом три года в нашем возрасте — это ой-ей-ей... Ты еще только начинаешь входить в круги ада, а я, можно сказать, давно барахтаюсь в них.
 — Жалуешься?
 — Констатирую факт. — Явственно было слышно, как он усмехается в трубку. Но почему? Потому что смеется над ней или просто у него такая привычка — подтрунивать над людьми?

— Странный ты какой-то... — сказала она. — Я сейчас представила тебя... Мне кажется, у тебя ноги нет.
 — Чего-о?! — Он залился таким веселым смехом, что Алена невольно улыбнулась. — О, господи! — смеялся он. — У меня ноги нет? Ну, ты даешь!
 — А чего ты тогда злой? Когда у человека дефект, он всегда людей подковыривает...
 — Если честно, у меня травма души.
 — Ну да?!
 — Точно. Я стараюсь, чтобы девушке скучно не было, а она говорит: вы инвалид. Ты протаранила мне душу.
 — Слушай, ну ты и свистун, а? Как тебя только жена терпит?
 — Не терпит, а любит. Боготворит.
 — Вот бы она послушала, как ты с другими по телефону треплешься...
 — А что? Она знает, что я ветреный. У меня, понимаешь ли, ветер в голове. Мне все можно.
 — И не стыдно?
 — Не-е. Лучше я в открытую буду такой, чем спрячусь, как улитка, в ракушке. А то потом начнете выковыривать оттуда палкой.
 — Больно ты всем нужен!
 — Всем не всем, а кое-кому нужен. Алику, например, сыну. Жене. Тебе вот нужен.
 — Прямо так и разбежалась!
 — А что? Я очень даже удобный для тебя. Взять от меня можно много, а взамен — шиш.
 — Чего от тебя взять-то?
 — А поговорить с человеком — разве мало в наше время? Ну-ка, вспомни, с кем ты можешь поговорить искренне? С женихом можешь?
 — Это не твое дело.
 — А с родителями?
 — Тоже тебя не касается.
 — Подруг у тебя нет. Угадал? Остается один Алеша.
 — Кто это? Ты, что ли?
 — Я.
 — Ой, держите меня, я падаю! — рассмеялась Алена. — Я такого хвостуна в жизни не встречала.
 — И не встретишь. А хочешь, предреку нашу судьбу?
 — Нашу? Не смеши.
 — Мы встретимся, потом ты меня бросишь, выйдешь замуж, но всю жизнь будешь вспоминать меня...
 — Как бы не так!
 — Впрочем, возможны варианты. Например, не ты, а я тебя брошу.
 — Скажи какой! Ни разу не виделась, а бросать собирается...
 — Замуж не раздумала выходить?
 — Так я тебе и рассказала все!

— А чем тебе, собственно, не нравится жених?
— С чего ты взял, что не нравится?
— Нравится? Врешь! — твердо сказал Алексей. — Угадал? Только честно.
— Ничего я тебе не скажу. Ты кто такой, чтобы я тебе докладывала?
— Я? Твой друг и учитель — Алеша.
— Вот что, друг Алеша, я устала.
— Вас понял, перехожу на прием. Когда позвонить в следующий раз?
— Не надо звонить. Ни в следующий, ни в какой другой раз. Ни к чему.
— Тогда обнимаю. Какие у тебя губы — полные, мягкие, тонкие?
— Ого! — невольно усмехнулась Алена. — Ну, положим, мягкие. Дальше что?
— Целую тебя в мягкие губы! — И повесил, нахал, трубку.

Весь следующий день ее томила странная тоска. Казалось бы, все хорошо, Петр приехал за ней на работу, сидел в райздравотделе серьезный, вежливый, лишних вопросов не задавал — не мешал работать: Алена печатала на машинке. Несколько раз выходила из кабинета Нина Васильевна, заведующая отделом, улыбалась Петру: «Не бойтесь, Петр Валентинович, увозить нашу Алену из Москвы? Ведь там кругом моряки, отобьют...» В ответ он тихо улыбался, поглядывал на Алену: слышишь, мол, что говорит Нина Васильевна? Разве такое может случиться с нами? Алена только ниже склонялась над машинкой, как будто выискивая в тексте ошибки. Она еще ничего не знала, ни любви, ни измен, но в этот момент ей хотелось изменить Петру. Просто так. Назло. Она сама не понимала, чего ей хочется. Она терпела Петра, потому что мечтала об одном: совершенно изменить свою жизнь. Больше всего ее угнетала жизнь рядом с родителями. Надоели их нотации, наставления. Их страх за нее: с ней обязательно должно что-то случиться — ужасное, непоправимое. Последние три-четыре года это ощущение, как меч, висело над всей их семьей. Отец ненавидел ее друзей, всех этих Стасов, Эдиков, Аликов. Он постоянно ждал от них какой-нибудь пакости. Блат, жаргон, курение, тряпки, прыщи, длинные ноги, сутулые спины, убегающий взгляд... Что за поколение такое? Бывший спортсмен, отец всегда смотрел людям в глаза; в свои пятьдесят пять лет был подтянут, строен, опрятен, не пил, не курил. В мужчинах любил основательность и порядочность. Что ему, кстати, и нравилось в Петре. Кроме того, Петр знал жизнь, многое повидал, через многое прошел, чем он плох для Алены? У отца была теория: девушка должна выходить замуж как можно раньше, рожать детей, воспитывать их, а не идти в люди, не познавать так называемую жизнь, которая для девушек кончается тем, что они оступаются, теряют идеалы, разочаровываются в любви, не рожают детей, плюют на родителей... А мать? Мать всегда, всю жизнь была под пятой у отца. Что отец сказал — закон для семьи. Осторожные движения, грустный взгляд, кроткие глаза — вот что взяла от матери Алена. Внутреннюю тоску тоже, наверное, у нее позаимствовала. Иначе как понять, почему при внешней благополучной жизни Алене так плохо?

После работы Петр повел Алену в театр. Иногда ему удавалось достать билеты на спектакли в хорошие театры — МХАТ, Малый, «Современник», однако больше других он любил театр «Ромэн». Она уступала Петру. Уступала, потому что любила само звучание цыганских голосов, их напевность, щемящую грусть и томность движений. В театр она ходила, чтобы услышать три-четыре песни. Действие ее не интересовало. Совсем другое происходило с Петром. В жизни спокойный, уравновешенный, хладнокровный, он любил в «Ромэне» горячность, зажигательность, стихию цыганской бродячей жизни, глаза его накаленно горели, ладони начинали заметно потеть (Алена ощущала это — Петр всегда держал ее руки в своих), а ноги в такт музыке непроизвольно выбивали ритм. Случалось, зрители делали им замечания, и в эти минуты Алена испытывала искренний стыд за Петра.

Но что было делать? Она дала согласие выйти замуж, потому что жить с родителями — еще большая тоска. Нужно резко, бесповоротно изменить жизнь. Раз и навсегда.

К тому же Алена считала себя некрасивой.

И это делало ее очень несчастной.

В театре, когда она взглянула на себя в зеркало, она чуть не расплакалась от досады. Собственные глаза показались ей плоскими и холодными, волосы лоснились, и следа не было от их обычной пышности. Алена перехватила в зеркале взгляд Петра — он откровенно любовался ею.

Неужели вот этот человек — ее будущий муж?

Весь спектакль она сидела, как будто ее окатило холодом. Даже страстные, томные песни цыган не задевали душу, как обычно.

— Ты не заболела? — шепотом спросил Петр.

Вместо ответа она помотала головой.

Она смотрела вперед, на сцену, но почти ничего не видела. Хотела она того или нет, но в ушах у нее все время звучал голос Алексея. Думать и вспоминать о нем было совершенно бессмысленно, она понимала это, но ничего не могла поделать с собой: думала, вспоминала, вслушивалась в его голос... Что в нем было особенного? Что вообще хорошего или умного сказал Алексей? Да ничего. Просто он разговаривал с ней свободно, весело, напевая ему было на какую-то там Алену — что хочешь и говори, и даже, нахал, поцеловал ее в губы (она улыбнулась невольно). Почему-то Алене представилось, что целует ее совсем не так, как Петр, не с мнимой осторожностью, а грубовато, по-своему, запросто. Она покосилась на Петра. Он сразу почувствовал ее взгляд, спросил:

— Что?

— Я выйду, хорошо?

Он наклонился к ней:

— Тебе плохо? Может, выйдем вместе?

— Нет, — прошептала она. — Я одна. На несколько минут.

Он кивнул, выпустил ее руку из своей; она встала и в полунаклон заскользила между рядами.

В фойе Алена подошла к телефону-автомату, набрала домашний номер.

— Да, — густо прозвучал голос отца.

— Папа, это я. Мне никто не звонил?

— А Петр уехал к тебе. На работу.

— Я знаю. Больше никто не звонил?

— Нет. А что случилось? Где Петр?

— Да ничего не случилось. Петр здесь, со мной. Мы в «Ромэне».

— Ясно. Привет морскому десанту!

— Какому еще десанту?

— Шучу, шучу. Аленка. Петру привет передавай!

Алена повесила трубку.

Странно, что она надеялась, будто Алексей позвонит. Ведь сама сказала — не звони. Ни к чему. А он взял, нахал, и поцеловал ее. Ну надо же! Она улыбнулась. Подошла к зеркалу. «Какие у тебя губы — полные, мягкие, тонкие?» Какая наглость, а?! Она смотрела на себя в зеркало и улыбалась. Почувствовала, кто-то пристально наблюдает за ней. Оглянулась. Женщина-контролер с программками в руке заискивающе улыбнулась Алене, как будто ее поймали на месте преступления:

— Простите, случилось что-нибудь? Я могу помочь?

— Нет, нет, ничего... — забормотала Алена, быстро поправила волосы и направилась в зал.

Когда села в кресло, Петр взял ее руку в свою, прошептал:

— Все в порядке?

И опять вместо ответа Алена мотнула головой. А о чем тут говорить?

После спектакля зашли поужинать в ресторан. Благо он был рядом, при гостинице «Советская», в здании которой находился и «Ромэн». Денег Петр никогда не жалел. Неизвестно, было ли у него вообще много денег или только во время отпусков, когда он приезжал в Москву, но заказывал он все, что только пожелает душа. Правда, ни сам он, ни Алена не пили ничего крепкого, изредка шампанское, так что без спиртного получалось в общем-то не так дорого. Хорошая рыба, печень, маслины, заливное, свежие овощи, запеченные в сметане грибы, телятина на вертеле, двойной кофе... Сидели, ели, Петр поглядывал вокруг горделивым взглядом, говорил:

— В Мурманске свожу тебя в «Ресторан встреч». Он так и называется — «Ресторан встреч». Обычно именно там встречаются после долгой разлуки...

— Мы, кажется, еще не разлучались надолго.

— Просто показать тебе хочу. Чтоб ты знала, где будешь встречать меня, когда я вернусь из очередного рейса. Там, конечно, не так шикарно, но есть и свои прелести.

— Драки, например?

— Не без этого, — улыбнулся Петр. — Какой моряк откажет себе в удовольствии немного подразмяться на суше?

«У Алешки наверняка не бывает таких денег, — подумала Алена. — И в рестораны он не ходит. На какие шиши?»

— Але-е-ена, ты где? — Улыбаясь, Петр положил свою крепкую ладонь на оголенную до локтя руку Алены.

— Скажи, а индийские женщины похожи на цыганок? — спросила первое, что пришло на ум, Алена.

— Когда я первый раз оказался в Бомбее, а позже я бывал там десятки раз, индианки показались мне чудом.

— Ого, оказывается, ты засматривался на чужих женщин? А в Мурманске, между прочим, тебя ждала жена.

— Во-первых, она не ждала. Она давно спуталась с Колькой. Другое дело, что я, как всякий муж, узнал об этом последним.

«Смотри, какой несчастный...» — подумала Алена.

— Во-вторых, я не засматривался. Я просто любовался.

— Это не одно и то же?

— Нет, не одно и то же. Любуются бескорыстно, а засматриваются с тайной надеждой.

Он внимательно посмотрел на Алену: «Я тебя чем-то раздражаю сегодня?»

— Ты не ответил на мой вопрос: похожи индийские женщины на цыганок?

— Нет, не похожи. Индианки — это само целомудрие, чистота, нравственное совершенство...

«Ох, ох...» — усмехалась внутренне Алена.

— А цыганки — это призыв к пороку, открытая страсть, забубенная жизнь, сгорание мотыльков в огне...

— А ты, оказывается, еще и поэт. Как это романтично — моряк и поэт!

— Между прочим, до двадцати трех лет действительно писал стихи. Потом бросил. Поэзии нужно отдаваться целиком. А я штурман и отдаваться поэзии полностью не в силах.

— А любви отдаваться целиком в силах?

— Алена, один маленький совет: когда у тебя плохое настроение, не нужно его портить другим людям. Может, у тебя неприятности на работе? Нина Васильевна как-то странно смотрела на меня...

— Мне надо выйти. Извини. — И она оставила его одного.

Пока набирала номер телефона, рядом появился молодой человек. Подмигнул Алене. Она отвернулась: «Нигде от них покоя нет...»

— Папа, это я. Мне никто не звонил?

— Нет. А от кого ты ждешь звонка?

— Разве тебя интересуют мои друзья?

— Представь, интересуют.

— Мне должны были позвонить Алик, Эдик, Стас... Никто не звонил?

— Ты еще и смеешься?

— Почему? — Она и в самом деле улыбнулась. — Кажется, у меня скоро свадьба?

Неужели и на свадьбу я не могу пригласить своих друзей?

— Можешь, конечно, — вздохнул отец. — Ты откуда звонишь?

— Мы с Петром ужинаем. В ресторане гостиницы «Советская».

— Ох, балует тебя Петр...

Алена повесила трубку.

Домой поехали на такси. Каждый вечер, где бы они ни были, Петр привозил Алену к родителям. Если было не совсем поздно, некоторое время сидел в гостях, пил чай, разговаривал с отцом. Разговаривать друг с другом они любили. Главное, что их связывало, — серьезное отношение к жизни. Жизнь — сложная вещь, она требует к себе только одного — серьезного подхода. Запанибрательства жизнь не терпит. Пока они разговаривали в таком духе, мать с Аленой обычно оставляли их вдвоем, уходили поболтать о своем. Впрочем, особой близости между матерью и дочерью не было, потому что мать в угоду отцу всякое искреннее признание дочери воспринимала как надвигающуюся катастрофу: господи, что-то должно обязательно случиться... Алена делала только вид, что она «шепчется» с матерью, признается ей в каких-то «секретах», — робкий и испуганный вид матери раздражал ее: «Неужели я когда-нибудь буду такой? Но почему, почему?!»

На этот раз часы показывали двенадцать часов ночи, и Петр, перебросившись с отцом несколькими фразами, попрощался и поехал к себе. Квартира, которую он снимал, была довольно далеко от центра, у метро Профсоюзная. Добираться приходилось около часа, поэтому он всегда спешил, если надвигалась ночь. На предложения отца или матери остаться у них Петр всегда решительно отказывался. И еще одна деталь — он редко когда приглашал к себе в гости Алену. Стеснялся чужой мебели. Всего чужого. Холодного. «Вот когда приедем в Мурманск, тогда...» Он всегда в радужных тонах обрисовывал свою однокомнатную мурманскую квартиру, и главное, почему он гордился ею, она была собственная, кровная.

Когда Петр уехал, Алена облегченно вздохнула. Очень устала за сегодняшний день. Ложась спать, думала: сейчас провалюсь в сон — и все. Но, странное дело, как только легла, так сон будто рукой сняло. Вспомнила, как Алеша поцеловал ее... Ну надо же! И опять стала улыбаться... Улыбаясь и вспоминая, она в конце концов заснула, а проснулась утром заревавшая, в слезах...

Несколько дней прошли в тоске и томлении. Алексея не звонил.

До свадьбы оставалось чуть больше двух недель.

Обговаривали детали. Самое важное: надо заранее заказать банкетный зал в «Праге». На двадцать пять — тридцать человек. Больше — неприлично, балаган какой-то, меньше — тоже нельзя, родственники, друзья, сослуживцы — народу немало набирается...

— Меняются времена,— сказал отец Алены.— Помнишь, Люся, нашу свадьбу, студенческую? Собрались группой в общежитской комнате, стрельнули шампанским, дешевая закуска, танцы под пластинки... А ведь весело было, а?

— Весело,— согласилась мать.

— Нет, не скажите, Григорий Александрович,— возразил Петр.— Свадьба— событие в жизни. Может быть, самое важное. И оно должно остаться в памяти надолго, на многие годы.

— Дело не в самой свадьбе. А в том, насколько крепко завяжется жизнь.

— Это так,— согласился Петр.— Особенно это важно для моряков. Ты плаваешь по полгода и должен быть уверен: дома тебя ждет жена. Жена!

— В Алене я не сомневаюсь,— сказал Григорий Александрович.— Есть, правда, в ней какая-то чертовщинка, но это пройдет. Вон Люся тоже не сразу такая стала. А теперь как шелковая...— Григорий Александрович потрепал жену по плечу.

Мать кивнула в согласии. Она тоже помнила: когда-то была веселая, все горело в руках, но семейная жизнь сделала свое дело, стала степенная, спокойная, душа и только временами непонятная тоска. Да что тоска? Блажь. Нечего на нее и внимания обращать...

Алена сидела у себя в комнате, невольно слушала разговор родителей с Петром. «Что же это?— думала она.— Господи...»

И вот тут наконец раздался звонок, которого она так ждала.

— Привет!— как ни в чем не бывало сказал Алексей.

— Здравствуй,— ответила она, всеми силами стараясь придать своему голосу бесстрастность и спокойствие. А сама в это время улыбалась.

— Как жизнь молодая? Вот решил позвонить, думаю, вдруг захирела моя невеста?

— Не твоя. Чужая.

— Какая разница... Суть-то от этого не меняется? Или ты раздумала выходить замуж?

— Как бы не так!

— Значит, характер у девушки волевой, стойкий. Поздравляю. Между прочим, одно важное событие...

— Неужели у тебя бывают важные события?

— Родился человек! Три килограмма четыреста граммов. Пятьдесят три сантиметра. Поздравь!

— Поздравляю! Какой по счету?

— Да не у меня. У женщины по имени Лариса.

— Кажется, жену твою зовут Марина?

— Жену— Марина, а сестру— Лариса.

— У такого лоботряса еще и сестра есть? Ну, поздравляю!

— Две сестры. Одна— Лариса, другая— Галя. Угадай, кстати, где Галя живет?

— На Сахалине, где же еще.

— Немного ближе, в Мурманске.

— Ну да?— не поверила Алена.

— А что? Муж у нее— капитан дальнего плавания. А когда он в дальних плаваниях, Галя ждет его на берегу. И рождает детей. Трех уже настригла.

— Да, семья!— Сама не зная почему, Алена искренне обрадовалась, что сестра Алексея живет в Мурманске. Как будто там, в далеком далеке, забрезжило что-то хорошее для нее, появилась родная душа...

— Слушай, а кто твой женишок?

— Так я тебе и сказала!— рассмеялась Алена.

— Чего ты смеешься? Чего тут смешного?

— Да так... Ты лучше сам скажи, кто ты такой?

— А тебе интересно?

— Очень.

— Шутить или врешь?

— Не вру и не шучу.

— Я человек свободной профессии. То есть слесарь-сантехник. Но заметь— при домоуправлении Министерства иностранных дел.

— Простой-простой слесарь?

— Простой-простой слесарь.

— А по разговору можно подумать— артист или художник.

— Видишь ли, я художник по натуре, артист в душе и слесарь в жизни.

— Глубокий человек.

— Глыбочайший. Потонуть можно. Слушай, а кто ты?

— Нет, о себе я тебе ничего не скажу.

— Такая скрытная? Да я вижу тебя насквозь. Ты маляр с третьего участка. Позавчера утащила у нас полфляги зеленой краски.

Алена не выдержала, рассмеялась.

— Ох, как там у нас заразительно Алена смеется,— сказал Григорий Александрович Петру.

— Боюсь, скучать она будет по московским друзьям,— ответил серьезно Петр.

— Ничего, время пройдет— дурь выветрится. Ты с ней, главное, построже, построже... Женщинам это всегда на пользу идет.

— Хотела тебя спросить,— продолжала смеяться Алена,— ты часто в рестораны ходишь?

— Подбираешься к моему кошелку?— грозно-наигранно воскликнул Алексей.— Так знай же, коварная, я общественный контролер! В рестораны хожу только с обыском.

— А какой ты из себя, а?

— Я? Высокий, стройный, с черными усами. Как Боярский.

— А если честно?

— Маленький, толстый, лысый, как Евгений Леонов.

Что тут было смешного? А Алена смеялась безудержно, так ей хорошо было слушать его глупости и шуточные парадоксы.

— Нет, правда, мне хочется представить тебя. Какой ты?

— Меня представить невозможно. Меня нет. Есть только голос.

— А как тогда твоя семья? Как она терпит тебя— незримого, невидимого?

— Господи, им еще интересней. Да и выгодней— кормить не надо.

— И ты всегда голодный, бедняжка?

— Вроде сытый, а есть всегда охота. Пойду-ка, кстати, сделаю себе яичницу.

Когда тебе позвонить? Ну, воскликнул: никогда!

Она рассмеялась:

— Звони, когда хочешь. Лучше вечером.

— Ты правда замуж выходишь?

— Правда.

— Жаль— И повесил трубку.

К родителям и Петру Алена вышла из своей комнаты преображенная. Не только глаза, не только лицо, но вся она, казалось, светилась радостью и счастьем.

— Что это с тобой?— удивился Григорий Александрович.

— Ой, я такое платье подвечное заказала!— ответила Алена первое пришедшее в голову. И закурилась по комнате.

И даже подлетела к Петру, чмокнула его в щеку.

— Как платье?— удивилась мать.— Мы ведь заказали уже...

— А я еще одно заказала!— кружилась Алена.

— Да зачем?!

Никто ничего не понимал.

— Разве нельзя?— спросила Алена, перестав кружиться и обращаясь только к Петру.— Мне хочется два платья. В первый день— одно, во второй— другое.

— Да можно, можно, конечно...— быстро заговорил Петр. Он подумал: господа, два платья, да хоть десять... разве жалко?

— Ну, если нельзя, тогда я откажусь. Я позвоню и откажусь.

— Теперь уж ладно,— поморщившись, махнул рукой отец.— Но вообще, Алена, ты принимаешь слишком опрометчивые решения. Причем одна, ни с кем не посоветовавшись. В будущем это может плохо кончиться...

— Ну и ладно! Обойдусь! Да не нужно мне никакого платья! Подумаешь! Я вообще могу без платья! Пожалуйста!

Алена сделала вид, что обиделась, фыркнула и упорхнула к себе в комнату. Петр и родители переглянулись между собой.

Через некоторое время Петр, постучавшись, зашел к ней.

— Ты что, обиделась? Ну, хочется два— носи на здоровье. Что ты?

— Я уже отказалась.

— Как?— не понял Петр.

— Позвонила и отказалась. Сказала: родители и жених против.

— Да мы не против... Мы просто не сразу поняли.

— Что теперь говорить? Поздно.

— Позвони и закажи снова, если хочешь.

— Чтoб меня совсем за дуру посчитали? Нет уж, уволь. И вообще чего мы сидим дома? Чего ты, как старый пень, расселся с родителями? Все не наговоритесь! Как базарные кумушки, ей-богу...

— Да что с тобой?

— Можешь ты меня на улицу вывести? На воздух? Взял бы покатал невесту по Москве-реке. Ах, хочется как... с ветерком! Ну, чего стоишь?

— Ты правда хочешь кататься?

— Ну, а что, я просто так говорю, что ли?

— Пойдем. С удовольствием.— Петр пожал плечами.— Но от платья ты зря отказалась...

— Все! Про платье забыто. Было и сплыло.

Когда они вышли из комнаты и быстро собрались уходить из дома, родители поглядывали на них с недоумением. Что происходит? Они ничего не понимали. Обычно вялая и тусклая, Алена выглядела странно возбужденной, решительной, резкой.

Уходя, Алена не проронила ни слова; Петр, прощаясь, сказал, как бы извиняясь перед Григорием Александровичем и Людмилой Ивановной:

— Мы погулять немного... Все хорошо. Не беспокойтесь...

Чем ближе надвигалась свадьба, тем раздраженной становилась Алена. Умом она понимала, что очень скоро станет женой Петра, но осознать это до конца, принять всем существом не могла, не получалось. То есть она знала: так все и будет, но знание было просто знанием, даже как бы удивлением, что ли, оторопью. По любому поводу Алена вспыхивала, говорила с Петром резко и грубо, со стороны даже слушать неприятно, особенно переживала мать Алены Людмила Ивановна, женщина чувствительная и робкая, но Алена в расчет ее не принимала, считалась только с отцом, не столько даже считалась, сколько побаивалась его, поэтому в присутствии отца разговаривала с Петром более менее сносно. А Петр, мудрый человек, решил про себя одно: пусть Алена переберется, можно в конце концов и понять ее—впереди новая жизнь, туманная и неизведанная, позади—жизнь девичья, безгрешная, бездумная,—наверняка каждая невеста испытывает подобное: радость и страх, томление и отчаяние, восторг и раздражение, любовь и смятение. Разве не так? Так, отвечал себе Петр и поэтому носил выходки Алены с олимпийским спокойствием, даже с некоторой снисходительностью, чем еще больше раздражал Алену.

— Что ты все усмехаешься?— набрасывалась на него Алена.

— Я не усмехаюсь. Я согласен,—спокойно отвечал Петр.

— С чем согласен?

— С тобой согласен.

— Ах, так?

— Так.

— Ну, поздравляю! Может, ты меня по году не будешь видеть и тоже будешь спокоен?

— Нет, буду скучать.

— Ха, «буду скучать»! А мне, мне какво будет?!

— Если любишь—будешь ждать.

— Вот именно—если любишь. Разве я люблю тебя?

— Ты пока вообще не знаешь, что такое любовь.

— И что это такое?

— Любовь—это родство.

— Какое еще родство?

— Родство людей. Самые близкие, самые родные—это любимые.

— Мало того, что ты моряк и поэт. Ты еще и философ.

— Думать никому не вредно.

— Пока такие, как ты, думают, от них жены убегают.

— Когда у человека нет ничего святого за душой, он все время куда-то бежит. Постоянство—признак настоящего человека.

— Да в чем постоянство-то?

— Во всем. В любви. В работе. В философии жизни. Даже в месте жительства.

— А сам увозишь меня из Москвы. В Мурманск.

— Там начнется твоя настоящая жизнь. От тебя зависит, где она кончится.

— Да, веселое занятие—думать еще, где закончится моя жизнь! Может, сразу и гроб заказывать?

— Ты не выведешь меня из себя. Даже и не пытайся.

— Такой ты правильный, да?

— Я хочу жить человеческой жизнью. Я люблю тебя. И сделаю все, чтобы ты была счастлива со мной.

— Все это одни слова. Слова, слова...

У нее было ощущение надвигающейся катастрофы. Казалось бы, ну что страшного—выходит замуж? Главное, навсегда освободится от родительской опеки, которая с каждым днем, чем больше взрослела Алена, становилась для нее непереносимой. Так о чем жалеть? Чего бояться? Ведь не в тюрьму—в замужество уходит, из которого разве нет пути назад?

Окончание следует.

30 лет назад началось освоение целины

Целинный характер... Конечно же, после этих слов вспоминается прекрасный рассказ Алексея Толстого «Русский характер». Но здесь особая речь. И речь эта об особом характере, который воплотился в душах людей, представляющих многие, если не все, национальности нашей страны. И вообще существует ли этот самый «целинный характер»? Беру на себя смелость утверждать: да, существует. Может, я не прав, но не буду возражать, если кто меня поправит.

Итак, целинный характер.
Что это? Прежде всего абсолютная убежденность в правоте избранного пути. Это юмор. Умение даже в самых сложных ситуациях видеть правильный и надежный выход. Это — мудрое уважение к людям, которые рядом с тобой. Это рука и плечо человеку, попавшему в беду. Это отдача всех своих сил, воли, души единственной идее, ставшей смыслом всей жизни, — целине.

Переправа

По целине шагала восьмая весна. Корреспондент местной газеты Хамид Апсалимов вернулся из глубокого рейда и не мог сдержать восторга:

— Я видел фронт. Знаю, что это такое. И вот подобное по духу, по решимости встретил здесь, на Кокчетавщине. — И рассказал о переправе.

...Ишим торопится на север. Спешит рассказать Иртышу о беспокойных новоселах. Напротив совхоза «Западный» — переправа. Четыреста автомашин на западном берегу, пятьсот — на восточном. Самосвалы с камнем, вездеходы с семенами и саженцами, мощные МАЗы со стройматериалами, «бензовозы», «молоковозы», машины «Скорой помощи»... Пробка. Чинят мост. А он оперативный — понтонный. А пока шоферы спорят, кому вперед ехать: западной стороне или восточной. Парни с восточного берега дали лозунг «Вперед, на запад!». Совсем как на фронте. (Правда, без бомбежки.) Только откуда-то с запада доносятся мирные глухие раскаты грома.

Полтора часа стояла пробка. Наконец — сигнал. Колонна двинулась на запад, к совхозам, на главный участок битвы за хлеб.

Но исключение все-таки сделали: пропустили одну машину с западного берега на восточный: «Скорая помощь» везла роженицу...

Четыреста машин на западном берегу, пятьсот на восточном. На севере шла последняя атака. Гремела восьмая весна на целине.

Отступать было поздно

Свое хозяйство — Краснознаменский совхоз в Кургалджинском районе Целиноградской области — новый директор Григорий Матвеевич Копейко должен был принять 14 апреля 1962 года.

Приехал в Краснознаменку Григорий Матвеевич за два дня, 12 апреля. Несмотря на ранний час, над дорогой уже стояли пыльные столбы, а по черной земле медленно тянули за собой борозды тракторы. «Пашут... пашут мои орлы», — подумал с радостью. И осекся. «Бисовы диты, без борон пашут! Ну, я им сейчас задам, они у меня попляшут, узнают, как над землей издеваться!»

«А на каком таком праве я буду указывать им? Кто я? Директор? Нет. Пока нет, — подумал вдруг и осекся: — Впрочем, какая разница?»

Метров за десять замахал трактористам: «Сто-ой!» Тракторы встали. Из кабины одного из них нехотя вылез длинный парень.

— Какая бригада?

— Пятая.

— Кто бригадир?
— Павлов.
— Где Павлов?
— В степи. С Иваном Васильевичем поехал.
— Кто это еще — Иван Васильевич?
— Как «кто»? — Парень посмотрел удивленно-подозрительно.

— Директор совхоза.
«Мать моя!.. Я же в Армавирский совхоз забрался. У себя-то пока еще никто, а тут у соседа командовать собрался!»

Но отступить уж нельзя.
— Кто тебя так учил пахать? Кто?

Парень еще минуту назад хотел снисходительно сказать, мол: «Ошиблись, дяденька», — и вдруг растерялся.

— Немедленно отцепляй плуги и марш в бригаду за боронами! Да живей, живей же поворачивайся!

Эту историю мне рассказал сам Григорий Матвеевич: «А все-таки я проверил, как тракторист выполнил мое распоряжение. Правда, сначала позвонил в «Армавирский». Сейчас мы с Иваном Васильевичем большие друзья».

Ваня Воробей

Видели ли вы грозу над степью? Весеннюю грозу над целинной степью?!

Когда на пашню опустился вечер, молото ударил и раскатился первый гром. Гулким эхом откликнулись

Петр СКОБЕЛКИН

ПОДВИГ ПРО

СТЕПЬ СЫЛА
И ВЫСОКИЙ КОНЬ...
В СТУПОР И ЗАМІНАМ
ВРІХОУІТЬСЯ НЕВІТКО...

ПЕРЕДОХНУТЬ МИНУТУ
И СНОВА ЗА ШТІРВАЛ

синие сопки у Баян-Аула, весело прошумели березовые рощи под Зерендой, глубоко вздохнула умытая от пыли Тургайская степь.

Даже привычный к засухе и ветрам старый черный карагач крякнул от удовольствия и, видимо, в благодарность дождю раскрыл свои неяркие, похожие на потухающие угли цветы. Умное дерево карагач. Сколько зим пережил, сколько выдержал ураганов! И всегда щедро плодоносил. Интересное дерево карагач. Если зацвел—значит, тепло установилось окончательно. И старые люди знают: он редко ошибается.

...В тот вечер я торопился в совхоз имени Ленинского комсомола. Торопились и Иван Воробей, шофер с зеленого грузовика «Агитмашина». А раз мы оба торопились, то поехали вместе. И вот не успели отъехать и трех километров, как попали в эту грозу. Дороги вдруг не стало. Вот так: была—и не стало. Воробей вначале еще пытался дергать грузовичок взад-вперед, но, поняв, что это такое же бесполезное занятие, как плавание на тракторе по озеру, весело махнул рукой. Потом снял с головы картуз, открыл дверцу кабины и шагнул под этот ливень.

— Ух, ты!—И тут же влетел обратно, уже совсем мокрый.

— Хар-ра-шо!

— Чего же хорошего, Воробей,—мне вдруг стало любопытно,—ведь будем сидеть в степи до утра. А может, дольше. Вот в этой самой кабине. Пока тебя, сердешного, не вытянут из этого болота. Я-то ладно, а вот ты шофер, Воробей, а ездить тебе пока не придется. Загорать будешь!

Воробей вдруг сердито взъерошился.

— Чего хорошего, чего хорошего! Вот человек, не понимает: раз грязно—значит, хлебно! Понимаешь?—Потом посмотрел на меня и безнадежно махнул рукой:—Все равно тебе ни черта не понять!

Так мы и сидели с ним в кабине всю ночь и уснули под мелкую дробь дождя по железной крыше. Когда рассвело, дорога немного наладилась, и мы поехали.

Я смотрел на своего спутника и все пытался решить: кто же он такой, Ваня Воробей? Шофер? Ну да, шофер. Но ведь дождю-то он радовался, как хлебороб, хотя земли не пахал и хлеба не сеял. И мне вдруг стало смешно, что я никак не могу понять, кто он, Воробей.

— Кто же ты, Вань?

А он как будто ждал этого нелепого вопроса, быстро взглянул на меня и тоже захохотал:

— Я? Просто Воробей. И все.

Устный счет

А еще встретился мне в ту осень застенчивый парень Эдик Зауэр. Коренастый, высокий и застенчивый, он ступавался окончательно, когда я спросил его: «Как работаете?» Ответил, пряча глаза:

— О Яше Барвихе расскажите. Забывают часто их брата—шоферов. А ведь если бы не он да не грузчик Гриша Кузьмич, мы вчера не засеяли бы 20 гектаров. Это точно.

И что-то теплое захотелось рассказать об этом человеке. Спрашиваю: женат?

— Ага...

— Дети есть?

— Есть.

— Один, двое?

А он, не глядя на меня, а так, в землю:

— Больше...

— Трое?

— Больше...

— Четверо?

— Больше.

— Пятеро?

Парню неудобно, чувствую, совсем растерялся:

— Семеро. Старшая Надя в четвертый класс ходит, а Розе в уборку будет три...

Зовет небо

Где вербы опрокинулись в воду, небо было такое, что и во всей Тургайской степи,—необычайно большое и высокое.

Когда однажды поздно ночью люди вернулись с работы, немногие из них узнали, что на центральной усадьбе появился гость. Красивый и гордый. Раненый, но гордый. Он отвергал человеческую помощь и не принимал из рук новоселов пищу. О нем стали забывать, а он вдруг поправился. Это был лебедь. Ослепительно белый лебедь.

И плавал, как маленькое облако по воде, где опрокинулись вербы. Людей он не боялся. И они приходили к озеру только за тем, чтобы полюбоваться красивой птицей. Никто не помнит уже, кто назвал лебедя «Наташкой». А он привык к этому сочетанию звуков и поворачивал на зов свою красивую голову. Этим людям он доверял. А вот гусей ненавидел. Разжиревших и крикливых, он гонял их, не подпуская к озеру. Бесстрастные и глупые, они нашли небольшую лужу и были довольны.

Однажды под вечер в туманно-синем небе появился другой лебедь. Только два круга сделал он над озером. А третий круг они летели рядом. И растаяли в туманно-синем небе.

...Вечером этого дня новоселы узнали, что у Юрия Гагарина появился небесный брат—Герман Титов.

А еще через неделю они назвали свой совхоз именем Германа Титова.

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ и Виктора БАККА

ДОЛЖАЕТСЯ

ВКУСЕН ОБЕД
НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ

ЦЕЛИННЫЙ ПРОСТОР
В ВЕЧНОМ

ПРЕОБРАЖАЮТСЯ ГОРОДА
СТЕПЕННОГО КРАЯ

9 марта 1984 года Юрию Гагарину исполнилось бы 50 лет. Исполнилось бы... Взрыв, громыхнувший 27 марта 1968 года возле деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области, там, где упал учебно-тренировочный «МИГ», горьким эхом отозвался в сердцах миллионов людей в разных уголках планеты Земля. Той самой нашей планеты, которую за 1 час 48 минут облетел он в незабываемый день 12 апреля 1961 года. Той самой, о которой удивительно просто и проникновенно сказал, заканчивая свой послеполетный доклад на заседании государственной комиссии: «Маленькая Земля наша, беречь ее надо!»

Юрий Гагарин... Человек, о котором столько написано, рассказано. И все же сколь интересны и дороги для нас каждая деталь, каждая подробность, касающиеся удивительной личности космонавта № 1.

Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола Виталий СЕВАСТЬЯНОВ отвечает на вопросы «Смены»

— Виталий Иванович, если бы попытаться определить несколькими словами параметры, что ли, гагаринской натуры, как вам кажется, с чего следовало бы начать? Что вернее передает суть характера этого человека, формулу его жизни?

— Самое первое, я сказал бы, это доброта. Он был человеком бесконечно щедрой души. Может быть, это очень субъективный подход. Как-то, выступая по телевидению и отвечая на вопрос «Что вы больше всего цените в людях?», я ответил: «Доброту». Доброта—это корень, это то, что не придумать, не сыграть, не изобразить. Как воспитать доброту? Она или есть в человека, или ее нет. И вряд ли появится когда-либо. Доброта—такое свойство человеческое, которое все действия, все поступки, все решения как-то особому высвечивает. Так было у Гагарина.

Доброта...

И второе, о чем я подумал: он был умелец. Есть такая характеристика: умелец. Она разные оттенки может приобретать в зависимости от смысла, который в это слово вкладывают. Возможно, оно покажется простоватым, это выражение. А передает оно, мне представляется, вот что: умелец—это человек, который быстро схватывает все, не боясь, берется за все и всегда достигает успеха. Это какая-то счастливая одаренность. Это не просто отличный мастер в силу того, что обрел опыт. Умелец—это глубже. Вот Гагарин за что угодно мог взяться и блестяще справиться. Алексей Леонов, по-моему, очень точно сказал: если бы Гагарин не стал космонавтом, он бы стал прекрасным пахарем или металлургом, или строителем, или кем угодно, но он все равно бы проявился. И проявился бы высшими качествами в любой профессии, которую избрал. Это действительно так. Что бы он ни делал, за что бы ни брался, он всегда действовал с легкостью, с азартом, с юмором, с простотой.

— То есть некая натужная исполнительность, когда человек сам себя заставляет что-то делать, а труд естественный и радостный, как песня?

— Вот именно. Много вокруг, к сожалению, неумельцев. Могут стать умельцами, если будут долго и упорно работать. А у него был этот природный дар. Талантлив он был в труде необычайно. Он мог избрать любое направление и довольно быстро в этом направлении преуспеть. Вот ему поэтому было и интересно, и легко, и весело овладевать новой, совершенно необычной техникой, готовиться к выполнению задания, которое прежде не выполнял ни один человек. И это отмечалось во время всех испытаний, проб, тренировок.

В понятие «умелец» входят, конечно, такие черты, как любознательность, восприимчивость, аналитичность ума, стремление докопаться до основ, до смысла, понять, постичь. Это все очень важно в работе с космической техникой: не просто выучить инструкцию о действиях, а разобраться в том, что составляет фундамент этих действий, а потом уже на этом фундаменте строить этажи знаний. Осмысленность действий, а не заученность их—обязательное условие успешной работы в той профессии, рождение которой связано с именем Гагарина: в профессии «космонавт».

Гагаринская одаренность... Помню, и Сергей Павлович Королев говорил о ней. Он как-то заметил, что Гагарин, если он посвятит себя науке, станет, несомненно, одним из крупных ученых нашего времени.

Уже после гагаринского полета я довольно часто бывал в Звездном городке, читал лекции отряду второго набора три раза в неделю—по механике космического полета и конструкции «Востока». И много раз, возвращаясь в Москву, ехал с Юрой. Он сам меня находил, спрашивал: «Ты когда заканчиваешь?» «Во столько-то»,—говорю. «Подходит,—отвечает он.—Поедем вместе?» И пока мы около часа едем в Москву, идет «ликбез», как он это шутливо называл. Он мне задавал массу вопросов по новой технике, над которой шла работа, по конструктивным решениям каких-то систем. Поэтому он меня и искал, как я понимаю. Он хотел использовать даже этот час, чтобы приобрести дополнительные знания. У нас было очень много таких поездок, лекции продолжались с полгода, и он впитывал все, как губка. Ритм жизни у него в ту пору был безумно насыщенный, но он стремился к знаниям настойчиво, постоянно. Времени у него, конечно, маловато было, особенно в первые месяцы после полета. Большая общественная работа занимала и отвлекала—ведь с Гагаринем хотели встретиться и академики, и студенты, и коллективы заводов, и воины Советской Армии, и из-за рубежа приглашения шли лавиной. Конечно, ему приходилось очень часто выступать. Я бывал на многих его выступлениях и просто поражаюсь, с какой непринужденностью, откровенно-

стью, находчивостью находил он общий язык с любой аудиторией.

Вскоре после полета Гагарин поступил в Высшую военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. И с отличием окончил ее. Преподаватели академии до сих пор вспоминают, с какой поразительной целеустремленностью он занимался и как все буквально на лету схватывал. Он сделал дипломную работу, о которой ученый совет академии отозвался как о почти готовой кандидатской диссертации.

— Юрий Гагарин—космонавт № 1... Первый землянин, получивший «командировку» в космос... Что это—судьба? Стечение обстоятельств? Логика развития незаурядной, яркой личности? Или все, вместе взятое?

— Гагарин, наверное, наиболее яркий пример взаимодействия всех этих факторов, потому что результат—уникальный, неповторимый. Судьба, везение? Но, вероятно, если так повезло, то нужно было для этого много, бесконечно много сделать самому. Логика развития личности? Несомненно. Это заложено в воспитании, в подходе к жизни, ко всей «пирамиде ценностей».

— Тенденция к постановке «сверхзадачи» и к ее решению?

— Да. Я считаю, что его характер, его черты человеческие

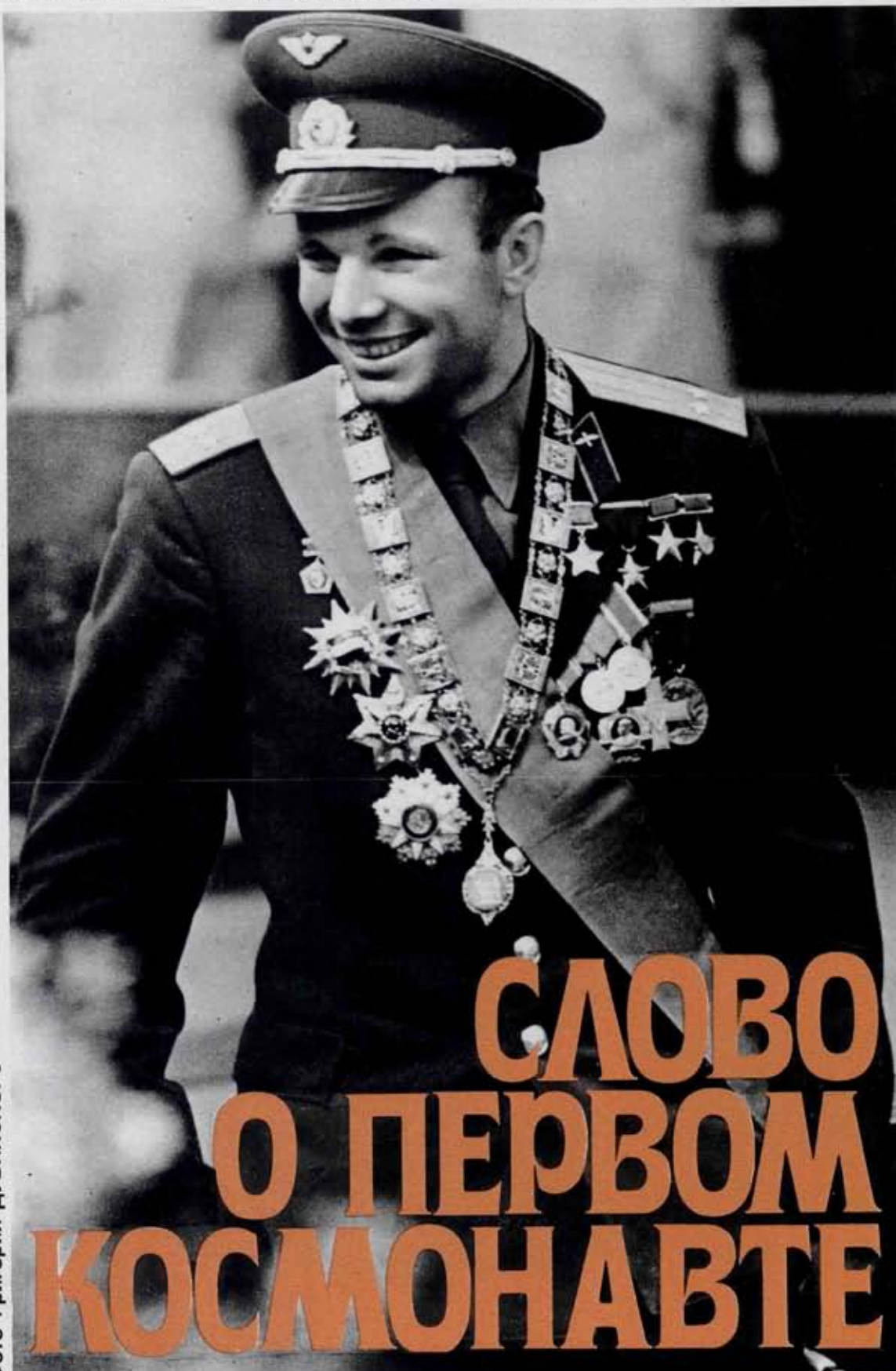

Фото Григория ДУБИНСКОГО

СЛОВО О ПЕРВОМ КОСМОНАВТЕ

должны были привести его, ну, скажем так: к тропе испытаний. Поэтому он, получив — и притом весьма непросто — первоначальное образование трудовое (я имею в виду ремесленное училище после школы), еще даже не закончив специального образования, уже сделал первый шаг к этой тропе испытаний — поступил в аэроклуб. Второй шаг — поступление в военное училище. Притом он сделал этот шаг, когда авиация совершала новый качественный скачок — переходила от винтовых самолетов к реактивным. В аэроклубе он еще учился на винтовых «Як-18», а потом пересел на реактивные самолеты, которые тогда только-только входили в авиационные будни. И тут же новые шаги испытаний: реактивная авиация начала работать в условиях Крайнего Севера. И он стал летчиком на Севере. Опять трудный путь. Ну, а дальше... Молодые летчики услышали, что отбирают лучших из лучших, чтобы летать на будущей новой технике. На какой, никто тогда, конечно, из летчиков толком не знал, но понимали, что так или иначе это как-то связано с авиацией. Потом уже, после отбора в частях, попав в Москву, те, кто был зачислен в кандидаты, начали понимать, что речь идет об иной технике, ракетной. И лишь позднее поняли, что цель подготовки, цель работы — космос. Гагарин не боялся испытаний, искал их — и оказался в конце концов в числе первых двадцати, которые были отобраны.

Стечение обстоятельств? Что ж, этот фактор в жизни любого человека может сыграть заметную роль. Но, конечно, не главную. Безусловно, не главную. Не будь всего предшествовавшего развития личности, что могло дать благоприятное стечение обстоятельств? Возможно, оно возникает и у людей, к этому не подготовленных, — и что? Они просто этого не замечают, проходят мимо.

Главное, что определило «звездную» биографию Гагарина, — это его личность. В ту пору, когда он был зачислен в отряд, все двадцать были в равном положении, но так случилось, что девятнадцать хотели, чтобы среди них, равных, он был первым. Он не добивался этого, но все его товарищи именно так воспринимали Юру.

Когда Сергей Павлович Королев встретился с отобранными на программу шесть кандидатами (среди них был и Гагарин), окончательное решение о космонавте № 1 еще не было принято. Я был на этой встрече и, конечно, запомнил, что Королев после нее больше всего вопросов задавал нам о Гагарине. И мы поняли, что он по-особому, пристально приглядывается к этому смоленскому паренюку, разгадав в нем натуру, характер, живой и цепкий ум.

— **Виталий Иванович, расскажите поподробнее, как вы сами впервые встретились с Гагариным. Какое впечатление он на вас тогда произвел?**

— Это случилось буквально через несколько дней после того, как первый отряд космонавтов собрался в Москве. Звездного городка тогда еще не было, жили в конце Ленинского проспекта, где он пересекается с улицей Кравченко, там шит еще стоял — условная граница Москвы в то время. И вот крайний дом — в нем и дали всем квартиры. А занятия проходили напротив Петровского дворца, где академия имени Жуковского, в маленьком двухэтажном здании, находившемся на территории бассейна ЦСКА.

В начале марта 1960 года первую, вводную лекцию курса «Механика космического полета» отряду космонавтов прочитал мой учитель Михаил Клавдиевич Тихонравов, создатель первой советской жидкостной ракеты. Он представил меня, сказал, что мне поручено читать весь курс, и приступил к своей лекции.

В начале тридцатых годов Михаил Клавдиевич был соратником Королева по ГИРДУ — Группе по изучению реактивного движения. И вот ведь какие необычайные совпадения бываю в жизни! Тихонравов рассказывал мне, что в марте 1934 года, после серии удачных пусков первых советских жидкостных ракет и создания Реактивного научно-исследовательского института, в котором они будут работать вместе с Королевым, впервые заговорили оба о будущем полете человека в космос. Март 1934-го... Месяц, в который родился Юрий Гагарин...

Здесь, вероятно, уместно сказать, что во время учебы в Московском авиационном институте я опубликовал две работы: одна называлась «Определение оптимальной дальности полета баллистической ракеты», а вторая — «Возвращение крылатого аппарата с орбиты спутника на Землю». Научным руководителем этих работ был Юрий Александрович Победносцев, возглавлявший, как и Тихонравов, одну из бригад ГИРДа. Потом, после окончания института, я пришел работать в КБ, которым руководил Королев, в отдел, которым руководил Михаил Клавдиевич Тихонравов. Под его руководством я защитил кандидатскую диссертацию, но это было уже позднее.

А тогда, в шестидесятые, по поручению Сергея Павловича Королева я составил программу подготовки первого космонавта. В программу входило введение в высшую математику, элементы небесной механики, механики космического полета, короче, основы знаний. Ну, и конструкция «Востока»...

Когда мы с Михаилом Клавдиевичем пришли в аудиторию, то там сидели двадцать молодых летчиков, лейтенанты, старшие лейтенанты, несколько капитанов. И один был майор в морской форме — Павел Иванович Беляев. Самый старший из космонавтов.

В перерыве, когда была возможность пообщаться, поговорить, я заметил, что сразу образовалась группа, в которой мне бросились в глаза двое. Один — коренастый, голубоглазый, с удивительной улыбкой, — он все время какие-то истории рассказывал, все хохотали. И все к нему обращались: «Юра!», «Юра!»... А второй — капитан с задумчивыми, гру-

стными глазами — это был Володя Комаров. Он работал летчиком-испытателем, окончил академию имени Жуковского.

На второй лекции, которую я читал уже сам, я опять взглядом «зафиксировал», заметил голубоглазого. А позднее, когда уже со всеми ребятами познакомился, почувствовал, что он стал в отряде, что называется, душой общества. Собственно говоря, они все тогда знали друг друга недели две-три, не больше. Но его, не ошибусь, выделяли.

— **Виталий Иванович, ваш первый полет с Николаевым — в июне 1970-го, через десять лет после лекций, прочитанных первому отряду космонавтов, через девять лет после полета Гагарина. Не могу себе представить, что космический полет в обозримом будущем станет чем-то будничным, привычным, рутинным. Шагнуть в неизведанное — вероятно, все же каждому это приходится делать по-своему. И как бы это ни было просчитано, подготавливаясь к полету, все равно остается фактор неожиданности. Если вы вспомните о вашем ощущении первого полета на «Союзе-9», — в чем оно могло отличаться от ощущения Юрия Гагарина?**

— Ну, оно отличалось, несомненно. Прежде всего отличалось вот чем: я иду делать то, что уже сделали другие. Это не значит, что все необходимое уже сделали. У каждого экипажа иная программа, как правило, сложнее с каждым полетом. Мы выполняли с Андреем Николаевичем длительный полет — 18 суток. До этого у нас был полет — 5 суток в космосе. Нам нужно было идти дальше. Что такое невесомость, мы представляли, понимали, что это — нештучное дело. А вот какие задачи мы можем решать в невесомости, мы еще полностью не знали. Уже был готов проект станции, она строилась — и полетит через год после нашего полета, — но на какой срок можно планировать экспедицию на эту станцию, нам еще не было известно. И мы не были уверены, что в рамках, допустим, месяца человек может летать в невесомости. Изучить воздействие на организм человека комплекса условий космического полета, и прежде всего невесомости, — такова была первая задача. Вторая — это была главная задача — анализ работоспособности. Что можно доверить человеку, а что необходимо передать автоматике? Третья задача — выяснить, какие тонкие операции может делать человек по управлению, а что он не может, и тогда надо развивать автоматические системы. Они должны быть дублированы, троированы — стало быть, большой дополнительный вес. А если можно доверить операцию человеку, тогда можно обойтись ручной системой. И таких задач было много. Сейчас это странно звучит, ведь у нас сейчас совсем другой опыт, но тогда все это было крайне важно.

Так вот, при всей сложности задач я все же шел в семидесятом в полет, в который уже ходили до меня. А Гагарин шел первым. До него никто не летал. Это был первый шаг, шаг испытателя. И в силу того высочайшая, вряд ли с чем сравнимая ответственность. Как бы ни была сегодня сложна программа любого полета, даже если она не будет полностью выполнена, со временем, к примеру, — бывают у нас такие ситуации: не состыковались, не выполнит задание один экипаж, выполнит другой, это не скажется на всей программе полетов. А если б был неудачен первый полет, гагаринский? Это могло затормозить всю программу пилотируемых полетов, и, возможно, на много лет. Сейчас уже освоена техника, и мы с других позиций можем посмотреть на любой непредвиденный случай. Надежность неизмеримо выше. И уверенность.

Когда полетел Гагарин, мы еще не знали, сможет ли человек логически мыслить в невесомости. Нам не было еще известно, не произойдет ли что-то с его подвижной психикой в условиях космоса. Поэтому, оказавшись на орбите, Гагарин должен был вскрыть запечатанный конверт, прочитать трехзначное кодовое число и набрать его на специальном наборном устройстве. Только после этого, если не было сделано ошибки, включалось питание и космонавт мог выдавать команды.

Юрий Гагарин доказал, что человек может находиться в космосе и работать там. Это его исторический подвиг, который никогда не будет забыт человечеством. «Он всех нас позвал в космос», — написал в Книге памяти Ю. А. Гагарина, которая хранится в мемориальном кабинете в Звездном городке, американский астронавт Нейл Армстронг, первым побывавший на Луне. Международная авиационная федерация (ФАИ) учредила Золотую медаль имени Ю. А. Гагарина, которой ежегодно награждаются летчики-космонавты, достигшие наивысших результатов в области освоения человеком космического пространства в мирных целях. Первая гагаринская медаль была вручена Георгию Береговому.

Гагарин мечтал снова побывать в космосе, готовился к полетам. Но вот произошла трагедия: при первом испытании «Союза» погиб наш друг Володя Комаров. Юрия освободили от летно-космической подготовки к полетам на «Союзах». Он был тогда среди дублеров Комарова. Тогда же запретили летать на самолетах. Год он добивался разрешения летать — и добился. Говорил: «А может быть, и подготовку разрешат. Еще бы разик в космос слетать...» А потом — 27 марта...

— **Не так давно вы с большой группой космонавтов побывали в городе Гагарине, на родине космонавта № 1. И повод был знаменательный...**

— Да, повод был очень знаменательный и сердечный: 80-летие Анны Тимофеевны, матери Юры. Приехал к ней в гости большой отряд космонавтов. И старшего поколения были космонавты, гагаринского набора: Леонов, Вольнов, Горбатко; и того поколения, которое рядом было, — Лазарев,

я; и младшего поколения многие. Я даже и не скажу, сколько раз был в Клушине, в Гагарине, где родился Юра. Притягивают эти места. Притягивают, конечно, прежде всего потому, что это — родина Юры. Притягивают природой своей, своими людьми. Скромный и приветливый народ живет здесь, на границе Смоленщины и Московии. Исконно русский народ. И общение, встречи с людьми в этих краях всегда отличаются близостью неподдельной. И в радости и в горе здесь вместе дергаются.

Анна Тимофеевна в свои 80 лет что вспоминает? Вспоминает труд свой, становление семьи, ребятишек, тяжкую беду войны. Чуть повзрослели дети — из гнезда улетели, так она говорит. И вот — вечное ожидание. Юра учился в ремесленном училище, приезжал. Потом с невестой приехал. С молодой женой...

Анна Тимофеевна — это каждый почувствовал, кто с ней встречался, — приняла от этой земли и ее людей тепло и мудрость, и вот уже после большого периода славы Юры слава ее материнская идет рядом — очень такая нежная и простая, открытая, без ложной застенчивости и без излишнего пафоса, с оценкой всегда земной, трудовой. И — с ответственностью. Я давно Анну Тимофеевну знаю люблю, восхищаюсь ею. Все ребята из отряда называют ее: «Наша мама». И это верно.

Юбилейные торжества совпали с открытием Дома космонавта № 1 — это начало большого мемориального центра. Город Гагарин — ударная комсомольская стройка, и нужно сказать, что комсомол внес исключительно большой трудовой вклад в изменение облика города. Космонавты тоже стараются по мере возможности участвовать в работе комсомольских строительных отрядов.

— **И еще один, последний вопрос, Виталий Иванович. Полет Юрия Гагарина с потрясающей предметностью напомнил людям, что все мы живем на одной планете и общий долг — спасти ее от ядерной катастрофы, от безрассудства гонки вооружений, от голода и нищеты. Этот полет стал призывом к человеческому разуму, к миру и сотрудничеству. Вероятно, в нынешних условиях, когда международная обстановка резко обострилась, когда администрация США реализует планы использования космоса в военных целях, полет Юрия Гагарина в еще большей степени, чем когда-либо раньше, утверждает гуманизм социалистического общества, неизменную решимость нашего государства идти по пути мира и международного сотрудничества. Ваше мнение?**

— Прежде всего я хотел бы вот о чем сказать. Юрий Гагарин первым затронул струну, знакомую любому, кто побывал в космосе: Земля-то наша очень маленькая, и мы в ответе за нее, за жизнь будущих поколений, за то, чтобы не превратилась она в обуглившуюся ядерную головешку. И это не какой-то безадресный, абстрактный пафосизм, это простая и естественная человеческая забота о дне сегодняшнем и завтрашнем, о наших детях.

Космические исследования сделали человечество зорче: мы увидели и рассказали точнее и откровеннее, чем это было мыслимо раньше, о воздействии человека на окружающую среду, на биосферу. И сколь же часто это воздействие оказывается неразумным, беспечным, а порой преступным. И загрязнение атмосферы и океана, и ограниченность природных ресурсов, и сокращение лесного покрова, и опустынивание, и лесные пожары, и воздействие стихийных явлений, таких, как тайфуны и бури, — все это особенно остро видится из космоса.

Я был на заседании государственной комиссии, самом первом после гагаринского полета. Когда он сказал, что беречь надо Землю, у него глаза даже как-то по-особенному, какой-то душевной заботой засветились. Я это четко запомнил.

И еще вот о чем я думаю сегодня: о двух рубежах в человеческой истории, которые мы перешагнули с небольшим временным разрывом, за период жизни одного поколения. Я говорю о начале атомного века и о начале космической эры. До сих пор нет-нет да и прозвучит в дискуссиях мысль о том, что стоило ли проводить работы в области ядерной физики, доводя их до практической реализации открытия, — и открытие это, еще не вступив в сферу энергетики, уже стало оружием. И другая мысль того же ряда: стоило ли выходить в космос, если агрессивные силы уже сегодня готовы использовать его в военных целях? Я думаю, что ответ однозначен: искусственно заблокировать, задержать развитие человеческой цивилизации, накопление наших знаний о мире и стремление расширить их невозможно. Любая попытка подобного свойства обречена на провал. И без величайшего открытия — ядерной энергетики — человечество развиваться не может, это совершенно очевидно, и естественный выход за пределы планеты, в космос, для познавательной и производственной деятельности людям жизненно необходимо.

Проблема, стоящая перед человечеством, не в том, что наука обрела невиданное в прежние времена могущество, а в том, как оно будет использовано, в каких целях.

Абсурдно угрожать с помощью знаний представителям собственной земной цивилизации. Открытия в области ядерной физики и в освоении космоса — для человечества гордость, а не проклятие. И если хватило у человека разума сделать такие открытия, то должно хватить разума, чтобы использовать эти открытия на благо цивилизации, а не для ее уничтожения.

Беседу вел
Генрих ГУРКОВ.

СМЕНА 15

РОВНИЙ СЯКИНИ ИЗВОКОИ

Татьяна ДУБРОВСКАЯ

Сколько раз уже это было! Встаешь поутру: надо то, надо се — и вдруг назло всем заботам и хлопотам, не обременяя рук и головы, отправляешься в город. Нет ни плана, ни цели особой, одного Пскова ради. Зимой ли, летом, осенью...

Или в самом начале весны, когда ее нет еще и в помине, одно название. Март. Псков весь еще в синих сугробах, и руки в двойных варежках мерзнут — но... чу! что-то стронулось где-то, одна только петелька натянулась и лопнула, а воздух над Псковом уже прозрачней, и звонницы светятся по утрам, как ладони с перстами.

«Там долго ясны небеса...» — нет, это не о Пскове Пушкин сказал. Но сейчас — ловите! Еще не доползли с Балтики облака, над головой высоко и невесомо, и уже алеет. Солнце встает над Псковом со стороны Кремля и Троицкого собора. Минута, другая — и уже в сиянии все пять куполов-шеломов. Это дивное зрелище прямо перед глазами, потому что идешь с запада, с Завеличья. За спиной — Рига, и этот вольный проспект, переходящий в шоссе, тоже называется Рижским. За спиной — Прибалтика. За спиной, наконец, зарубежная Европа.

Истари Псков не понаслышке знал о Европе. Ровный, любопытный, он веками приглядывался к ней, торговал, отвергал, воевал, снова торговал и снова отвергал. Пограничный город, трудная судьба. Впрочем, рано об этом, сам Псков еще впереди, а тут бывшая его окраина, Завеличье, то есть то, что за рекой Великой. Рижский проспект теперь застроен многоэтажными кварталами; небольшой по нынешним временам, двухсоттысячный Псков выглядит здесь отменно современным, в меру элегантно — и совершенно безмятным. Кто-то из моих знакомых глянул в первый раз: «Прямо наше Чертаново». А кто-то со Свердловском сравнил. Или все это не так уж плохо? Приехал впервые человек — и сразу чувствует себя дома. Может быть, и в старину так же сравнивали и общность находили. Пришлось мне в Лондоне побывать, так я в тамошнем Тауэре псковский Кремль разглядела. Нет, и об этом еще рановато, ведь мы только на подходе ко Пскову. Так вот, еще двадцать лет назад стояли тут по обе стороны Рижского шоссе тихие деревеньки: Затроповье, Поддациенье, Крестки. Черные от старости деревянные дома и торжественные арочки ворот, сложенные из седовато-желтого известняка, на зале-

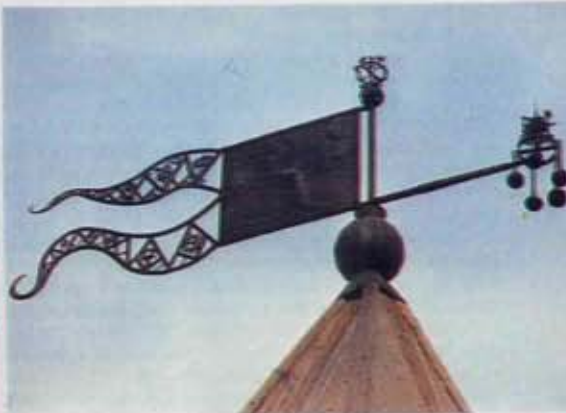
жах которого по берегам реки Великой и стоит ископек века Псков.

«А о Плескове граде от летописания не обретается воспомянато, от кого создан бысть и которыми людьми, токмо уведехом, яко был уже в то время, как наехали князи Рюрик з братьею из Варяг в Словене княжити». Вот и ответ на вопрос, сколько лет Пскову: не обретается... Больше тысячи, это наверно. Никто точно не знает и как родилось само это слово: Псков, Плесков. Зато вспоминаешь детскую игру в слова. Что живет в старинном слове Плесков? Нука, кто больше? Век, лес, плес, песок, воск, овес...

Перед самым выходом на Великую, на шумном перекрестке, именуемом «четырьмя углами», стоит всем на обозрение гордый щит с текстом Указа о награждении Псковской области орденом Ленина. Это награда тем, кто в партизанских отрядах сражался с фашизмом, и тем, кто выращивает знаменитый на весь мир лен, и тем, кто восстановил и сберег в камне память о веках минувших.

Еще десяток метров — и открывается панорама, размноженная по белу свету в сотнях открыток. Псковский Кремль, Троицкий собор, река Великая. Древнейшее место, заглавие Пскова. Тут на

ОДНА ИЗ СТРАНИЦ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА. В ЭТОМ ДОМЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА СОСТОЯЛОСЬ НЕЛЕГАЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ИСКРА».

РАДИОДЕТАЛИ И СВАРОЧНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ МАГИСТРАЛЬНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ, ТЕЛЕФОННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ И ЭЛЕКТРОМОТОРЫ — ШИРОК АССОРТИМЕНТ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ГОРОДА. В ТРИДЦАТИ СТРАНАХ МИРА ИЗВЕСТНЫ ИЗДЕЛИЯ С ФИРМЕННЫМ БАРСОМ НА КЛЕЙМЕ. НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПСКОВА МНОГО МОЛОДЕЖИ. СБОРЩИЦА ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВА РАБОТАЕТ НА ЭЛЕКТРОМАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ ИМЕНИ 60-ЛЕТИЯ СССР.

СТАРИННОЕ КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО И ПОНЬНЕ ЖИВО В ПСКОВЕ. НАГЛЯДНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОМУ — АЖУРНЫЕ ФЛЮГЕРА, КОТОРЫЕ УКРАСИЛИ НЕДАВНО СТАРИННЫЕ БАШНИ КРЕМЛЯ. ИХ АВТОР — АРХИТЕКТОР СМИРНОВ МНОГИЕ ГОДЫ ВОССТАНАВЛИВАЛ ОБЛИК ПСКОВА-ВОИНА, А ТЕПЕРЬ С НЕ МЕНЬШИМ ИСКУССТВОМ ТВОРИТ ЖЕЛЕЗНЫЕ КРУЖЕВА.

мосту ноги сами встают, смотри, мол, и вспоминай. Может, потому, что история здесь душу греет?

Когда-то, давным-давно, во времена долетописные, высился здесь скалистый брег да темнел лес дремучий. Но был, по преданию, перевоз, держала его дева-псковитянка Ольга. Помните из школы об огненной мести киевской княгини древлянам, убившим ее мужа, князя Игоря? Око за око, зуб за зуб — так, по непреложному закону языческого времени, мстила за своего любимого гордая княгиня, бывшая псковитянка, однажды перевезшая светлого киевского витязя на своей ладье через Великую. Вот где-то здесь это и было. Говорили тогда, смотрели на воду, на стоячих в глубине зеленых сомов, оба медлили, расставаясь... А пришло время, вспомнил Игорь — «... и привелоша ему жену от Пскова, именем Ольгу». Уже смиренницей — вдовой, уже христианкой, крещенной в самой Византии (это ее внук Владимир в 988 году официально крестил Русь), приехала Ольга на свою северную родину, ступила на высокий берег Великой. Хмурое было небо, облака с дождем — а тут вдруг выглянуло солнце, пронзило лучами сырые кущи, заискрилось на воде... Разом все вспомнив, возрадовалась душой старая княгиня, скинула с плеч тяжелую кунью шубу и повелела строить на сем слав-

ном месте деревянную церковь в честь Святой Троицы — первую на Руси. С тех пор Псков долго звался в Отечестве домом Святой Троицы, Ольгиным градом.

Долго стоишь так на мосту, глядя ваясь вдаль, пока не возвратит тебя в день сегодняшний звонкий железный перестук. «Кузница? — удивляются проходящие туристы. — Откуда она здесь?» Ищут слухом, оказывается, под ногами, то есть под мостом. В бывшей звоннице церкви Успения у Парома устроена мастерская — кузница, в которой работает Всеволод Петрович Смирнов. Вот и сам он выходит охладиться на крылечко, бородатый, колоритный, под стать древним ратникам. Архитектор по образованию, он много лет восстанавливал мощный облик Пскова-воина, а закончивши дело, как встарь бывало, стал перековывать мечи на... мирные флюгера для башен, на птиц с чудным оперением, зверье разное, даже на утренние розы с нежными шипами.

Когдаходишь к Кремлю, вспоминается Тауэр. Оба сложены из дикой известковой плиты, одинаковый полынно-серый цвет, мощная кладка стен, башен — и тут и там нутром чувствуешь историю. Впрочем, древний Псков в сравнении не нуждается. В пять рядов крепостные стены, сорок (по иным ис-

ПАМЯТЬ О МИНУВШЕЙ ВОЙНЕ...

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ВЕЛИКУЮ.

**ДРЕВНЯЯ
ЗВОННИЦА.**

точникам — до семидесяти) башен, ловушки-захабы, подводные решетки, тайные ходы за город — попробуй разгрызть этот орешек! Более ста осад выдержал Псков, известен лишь один случай, когда обманом были открыты ворота неприятелю. А уж кто не стоял под этими стенами! Немецкие псырыцари, угрюмые шведские латники, «гордонапорная» Литва... Орда только не дошла, захлебнулась ее легкая конница где-то в болотах на подступах к старшему брату — Новгороду.

Леонард ЛАВЛИНСКИЙ

Наряду с краснобаями,
Что всего лишь попутчики,
Есть и впрямь негшибаемые,
Беззаветные Фучики.

На востоке ль, на западе,
Неподвластные гибели,
Воплощаются в заповедь
Самой праведной библии.

За решеткой не пленница,
Палачей ненавистница,
Вера чешского ленинца
На свободу протиснется.

Будто лозунг со знамени,
Зшафотная книжица
Каждой строчкой в сознании,
В нашей совести выжжется.

Буревестники скорые!
Что им выверты модные?
Над содомом истории—
Долговечные молнии.

Если истинно творчество,
Вашей мере обучится.
Будешь,
строчка-попутчица,
На распятии корчиться?

Не стихи—что не пытаны
В казематах бессонницы.
Может, лихо написаны,
А на деле—бессовестны.

Заставляет профессия
При значении подлинном

Находить равновесие
Между словом и подвигом.

Клонюсь под ветром
головой повинной
Перед семейством
ласковых ромашек.
Я тоже вырос на земле полынной,
Но мало взял
от мудрости былинной—
Вот горшая
из жизненных промашек.

И на Дону бываю очень редко.
Но серебром
наследственных историй
(О дерзкой воле и отваге предка)
По хуторам звенит любая ветка—
Чеканят память
листья осокорей.

Я тоже из людей неосторожных,
И потому, наверно, их избранник—
Степных курганов,
поздних или ранних.
Меня терпению учит подорожник
И ни одна колючка не изранит.

Глянет избушка дозорная
В сторону лунной куги.
Свая качнется опорная
Тенью куриной ноги.

Ухнет испуганно лестница.
Сена охапку—под бок.
Праведник, лежа, поместится:
Можно свернуться в клубок...

Темень истаяла начисто,
Но затаись, не дыша.
Пусть над водой обозначится
Вещий озноб камыша.

Звезды рассветные канули,
Пали в студеную рябь.

А. Арипову

Военных лет полуоборвыш,
Я был прожорливее пса.
Такого хлебом не накормишь,
А тут без книжки чудеса:
Под небом жарится сомса.

Про все хождения по мукам
Известно, кажется, и внукам.
Но помню, как меня прожог
Тот начиненный перцем, луком
И даже мясом пирожок.

На фронте—ад,
бои за Россошь.
Но не у смертной полосы
(Почти кощунственная роскошь!)
Впивают марево сомсы
Голодных беженцев носы.

Потом—горячая навеки—
Мучная каша,
атала
(Отменно черпали узбеки!)
Из прокопченного котла
Рекой спасенья потекла.

Бурлило доброе и злое,
Дух Насреддина и рубля.
Переливалось море зноя,
Барашки хлопка шевеля,—
Своя кормилица-земля.

Я пестроты не обличаю,
Не вымышляю для красоты.
Не ставит память на весы
Ни пиалы крутого чаю,
Ни блюда огненной сомсы.

И разглядеть совсем непросто
За дымным пловом (царь стола!)
Какое чудо—атала.
Хотя насквозь душа подростка
Тебе понятна, Абдулла.

Двести километров на восток от Пскова до Новгорода... вот, кстати, и автобусы с новгородскими номерами, вот шумная новгородская ребятня, ведомая экскурсоводом на Вечевую площадь. Прислушаемся и мы:

— Еще Москвы нет на свете, где-то далеко-далеко Киев, мать городов русских, зато совсем рядом старший брат Новгород. Под его опекой рос и набирал силу молодой Псков. Новгород присылал посадника, Псков ходил на новгородское вече. Слава о городах-братьях шла не только на восток, но и на запад, мол, льна, и ржи, и кожи, и пушнины, и меда, и воска— всего у них в преизбытке. Оба города, единственные на Руси, приняты были в торговый Ганзейский союз. Приехали германские купцы во Псков, завели свои дворы на Завельичье, за городскими стенами—внутри к себе псковичи не пускали, дабы не смущать ни глаз, ни слуха, ни мыслей народа православного. Отделился Псков от Новгорода в 1348 году. Были два города-брата, стали две феодальные республики на северо-западной оконечности Руси. И в Пскове почти на двести лет свое вече, свой вечевой колокол, вечевой ларь, своя господа—совет самых старых посадников, свои, наконец, два входа на Вечевую площадь: для знати и для смердов...

— А мы через какой сейчас вошли? — тоненький любопытный голос из новгородской братии. Узнали, что в тот, куда вливалась знать. Шумно радуются: — Ух ты, шестой «Б» — знатный класс! Андреев, ты куда?

Андреев в шапке с голубым помпоном самостоятельно дернул осматривать вход для смердов. Остальные за ним. Понравилось куда больше: очень глубоко, прыгнуть страшно, хорошо бы слазить, эх, жалко, что обледенело.

— Да, ребята, это так называемый

«культурный слой»... осторожно, пять метров глубины! Слушайте дальше. Кончилась вольница в 1510 году, следом за Новгородом. Силой стал Псков городом московским. Плакали псковичи, но мирились: «Вся эта беда послана на нас за наше самоволие и непокорение друг другу, за злые клеветы и лихие дела, за неразумное кричание на вечеах, когда голова не знает, что язык говорит».

— Это у Андреева, у Андреева так! — ехидный шепоток сзади. Рассви-репеший Андреев бросается давать сдачи, но точно не знает, кому, мешает сползшая на глаза шапка. Экскурсовод, не теряя величия, как боярин на помосте, просит возмутителей спокойствия замолчать. О, эта живая история!..

Идешь себе дальше, мимо белого подножия величественного Троицкого собора, четвертого по счету, выстроенного уже при Петре I. И вдруг реанивация мысль: «А ведь если бы не он...» Приехал, готовясь к Северной войне, бежал на своих длиннющих ногах все обветшалые крепостные стены, кидал то тут, то там: «Засыпать!.. Вздынуть!..» И сам, дабы выучить неспешных, испорченных ненужной вольницей скобарей, хватал лопату и бросал комья на скрывающийся под землей куполок.

А через несколько шагов повторяешь это: «Если бы не он...» — но уже с другой интонацией. Петр — Петербург — Пушкин... И затихший губернский Псков, «ветхий город Ольгин». Александр Сергеевич наезжал сюда из Михайловского, впитывал здесь в плоть и кровь свою образы времен минувших, дабы выплеснуть их однажды единым росчерком легкого пера: «Вот, вот она! вот русская граница! Святая Русь, Отечество! Я твой! Чужбины прах с презрением отряхну с моих одежд — пью жадно воздух новый: он мне родной!..» Или еще, уже

сугубо псковское: «Митюх, Митюх, чево орем? — Вона, почему я знаю!..» Впрочем, это уже псковитянин Мусоргский, это его «Борис Годунов». Конечно, язык изменился с тех далеких пор, и техницизмы в нем и англицизмы — все как у всех, — но вслушавшись внимательнее в речь коренных псковитян, в это их твердое «ч» (не «почта», но «пчѣта»), в едва уже приметное «яканье» — и потянет оттуда, из самых глубин. Разве история — это только камни? А язык, краски, запахи?..

Наш путь теперь лежит по бывшей Архангельской, ныне улице Ленина. Вот и вывеска: «Квартир-музей В. И. Ленина».

Владимир Ильич приехал сюда сразу после сибирской ссылки, 10 марта 1900 года. Город был выбран им на жительство не случайно. По словам старшего большевика П. Н. Лепешинского, Псков к тому времени «...играл для департамента полиции роль свалочного места при очистке Петербурга от политических неблагонадежных элементов, свыше всякой меры переполнялся этими «элементами». Ленин поселился в маленькой, узкой комнате дома купца Чернова. Для виду устроился работать присяжным поверенным, а на самом деле все эти восемьдесят три дня напряженно работал над составлением программы первой общерусской нелегальной марксистской газеты...

Окно комнаты, где жил Владимир Ильич, выходило на Архангельскую улицу, по которой с утра тянулись на торговую площадь возы, а в форточку проникали запахи овчины, льна, сырых снетков... Неискоренимый дух.

Люблю бродить по псковскому базару, люблю смотреть, слушать. Кого здесь только нет! Всегда основательные изборские крестьяне с мясом и медом, бодрые псковские пенсионеры с кадуш-

ками солений, с гирляндами лука и сушеных боровичков, румяные молдавники с пирамидами зеленоющей «семиреньки» и россыпями грецких орехов, первые ласточки весны — по-братски «якающие» белорусы с огородными семенами. В этом цветистом, духмяном, разноязыком половодье сразу отыскивается маленький, но важный сюжет. Этакая мини-Ганза. Вот где не по учебникам, не со слов экскурсовода, а живьем, в натуре узнаешь о торговых связях Пскова. Так, языкастые псковские старушки заняли два длинных прилавка — и все с собственным рукоделием. Шерсть эстонская, орнамент скандинавский.

— Дамочка, вы не обижайтесь, но ваша-то шапочка из моды вышла, примерьте мою...

Ниточка сюжета тянется к прилавкам, где немногословные эстонские мужики в крохотных кепи и белоснежных фартуках неторопливо раскладывают по целлофановым мешочкам исконно русскую квашеную капусту, весело расцветившую глазами псковской клюквы: — Пожалуйста, пробуйте...

Уходишь с базара если не с полной сумкой, то с веселым ухом, глазом.

И таким вот веселым глазом, идущим по Пскову далее, делаешь моментальное открытие. Уже в области древнерусской архитектуры. И так, что есть в ней особый псковский стиль? Подходишь к крутому боку церкви, что зовется Николаем со Усохи... батюшки, ведь те же, только что выданные формы: вот бочка, а вот бочечка, наверху большая луковица, внизу крохотная, а орнамент под куполом на так называемой «шее» сродни льняному, как раз такой у старушки на базаре видела. Идешь от одной церкви до другой... Если дело летом, осенью — будто грибы белые навстречу, то тут, то там мелькают упрямый белый

Существует некий город на Дону,
Где цепляются деревья за луну.
Даже в полдень тополиная листва
Серебрится от ночного колдовства.
Будто время по-особому течет
Или годы не берутся на учет.
Злом юности до нынешней поры
Окликают переулки и двory.

Медом грусти веют липы на углу,
И не канули ровесники во мглу.
Поменялись дорогие адреса —
Камень, стебли и холодная роса.
Только звездный паучок

натянет нить,
Но с кометы письмеца не обронить.
А луна,

по тихим улицам пыля,
Навсегда засеребрила тополя.
Все, как было.

Даже с ветром-степняком
Я здороваюсь: по-доброму знаком.
Ибо в силу непонятого родства
Гостю рада многошумная листва.

Вслух подумал
старый тополь-звездочет:
Наше время по-особому течет.

Н. Старшинову

Доблестью грозных эпох
Множество хроник заполнено.
Чей-то особенный вздох
Сердце природы запомнило.
Не о кровавых боях,
Не о пожарах яростных —
Сказку из жизни бояр
Шепчет весенний боярышник.
Волей простого цветка
(Судьбы людей переменчивы)
Не на года —

на века
Марья с Иваном повенчаны.
Где они, своды темниц,
Дыбы, глаголы, шпицрутены?
Ярко цветут — оглянись! —
Детские грёзы Анютины.
Все, чем земля хороша,
Веет задумчивым шелестом,
Медом и воском ячеистым,
Темного не вороша.
Если поеду на Илавлю
(Смутно реки забытьё),
Удочкой разве не выловлю
Древнее имя свое?

Охотоведу Б. Нечаеву
посвящается

Дом на станичной околице —
Бурь постоянный магнит.
Крепок стоит, не расколется.
Бережно степи хранит.

Служит хозяину доброму.
Он-то плохой домосед.
Легок. Фигура подобрана.
Враг отвлеченных бесед:

«Горе — охотничьи доблести.
Сколько подранков беру!
Глянем на фауну области?
Мне-то зверье ко двору...»

Особь устроена каждая.
Крыша и сетка — уют.
Надо мириться,
не кашляя,
С тем, что лекарство дают.

Филин таранился
заспавно,
Умной вертел головой.
Линзы природные за спину —
Полный обзор круговой.

Искоса пайныка рыжая
Пристальный кинула взгляд:
Гости проходят?
Ну, вижу я.
Лучше глядеть на цыплят.

Кормлены. Сорваться нечего.
Зайцы, хорьки, ястреба.
В меру тепла человеческого
Греет пока что судьба.

Прыти свирепо-воинственной
Дай хоть на время уснуть.
Неукротима воистину
Жизни бесценная суть.

Швыряя пылью в галок и ворон,
Подуют вихри с четырех сторон,
И, худенькая, вскинется березка,
Заломит руки девочки-подростка.

До капли на измятый травостой
Листва прольется кровью золотой.
Кого не обжигал распад осенний
Дыханьем скорби, язвами растений?

Не станет горше сетовать ветла,
Не задрожит пугливее осина,
Когда ты сердцем выгоршишь дотла
И в темноту уйдешь невоскресимо.

Вздохнет соратник, пепел вороша,
Без причитаний тягостно-подробных,
Мол, светит людям русская душа,
На сквозняках истории продрогнув.

А в сон-траву могильного бугра,
Страдая от порезов и болячек,
Твоей березы нежная сестра
Холодной меди все-таки наплачет.

Рисунки Игоря СУСЛОВА

бочок, крепкая шляпка купола. А сейчас еще зима, и церкви все, понятное дело, из снега леплены. Небольшие они, сразу видно, что ручной работы. На беглый взгляд просто все, даже неказисто. Ни изящных форм, ни высоты, ни мощи горделивой, ни золота, наконец. Но так вдруг эта простота понятна сердцу. Мол, золото — оно хорошо-то хорошо, да под нашим сирым небом горенья не даст. «А византийские мастера, конешное дело, изрядно строят, да дорого просят, надо самим помаленьку начинать, чтоб ладно получилось да навек...»

С годами такие искусники вышли из псковских мастеров, что требовали их по каменному делу со всех мест, от Москвы до Казани. И в самом Пскове на века устраивались храмы, башни, палаты. К одним из них, Поганкиным, и ведут сейчас ноги.

Палаты обширны весьма, целый квартал собой занимают, и так пузаты, что выпирают из-под железных скоб. Ни дать ни взять — сам купчина Поганкин, запечатленный в камне. Сказывают, будто Иоанн Грозный, придя сокрушительным походом на вольный Псков, потребовал от купца денег. Тот только и спросил: «Сколько тебе, государь?» «Ах, ты, поганый! — взъярился Грозный. — Да разве ты уж так богат, что можешь дать, сколько захочу?!»

Теперь Поганкины палаты, входящие в состав историко-художественного музея, стали куда богаче прежнего. За метровой толщей их стен древняя псковская живопись и полотна Петрова-Водкина, Шагала. Громоздкие крестьянские ставы для тканья льняных холстов и микродетали для радиоприемников, новейшая телефонная аппаратура. Извлеченные археологами из толщи земли черные останки изб, водоводов и белоснежные макеты микрорайонов будущего Пскова. Особая ценность му-

зея — древлехранилище, в котором собраны рукописные и печатные своды. Создатель древлехранилища — незабвенный Леонид Алексеевич Творогов. Скольким поколениям горожан были знакомы его благородный облик, его трогательные привычки: рюкзачок за плечами, рядом верные собачонки. Ноги почти отказали, передвигается с двумя палками в руках, подскочишь, чтобы помочь войти в автобус, и услышишь твердое: «Благодарю вас, но я сам!...» Если теперь свернуть с Советской на улицу Калинина, остановиться возле трехэтажного здания в строгом классическом стиле. То первая псковская школа, бывшая мужская гимназия. Много славных людей, послуживших и служащих Отечеству, учились в ней. Первооткрыватель северных земель Ф. П. Врангель и лечащий врач Ленина В. А. Обух. Известные ученые, писатели...

Псков в прозе, скажем, Каверина разноликий, то предреволюционный, то нэпмановский, пропахший то ванилью, то сметками, озвученный вальсами Штрауса в Летнем саду и разрывами кайзеровских снарядов за городом. А эта гимназическая романтика с ее любовным эпистолярием, с бутафорскими трагедиями, перераставшими в трагедии подлинные!

В 1919 году, следом за кайзеровскими интервентами, Псков захватили бело-гвардейские отряды Булак-Булаховича. На старом Сенном рынке вдоль крепостной стены Окольного города были установлены виселицы, где каждый день совершались массовые казни коммунистов и комсомольцев. Теперь это площадь Жертв революции. Чуть в стороне от захоронения-мемориала стоит черный мраморный памятник, это могила бывшего гимназиста Леона Поземского.

Леон прожил на свете всего двадцать

два года. Еще за гимназической партией стал убежденным марксистом, а после победы Октябрьской революции немедленно встал в ряды ее защитников. В 1918 году принял самое активное участие в работе по созданию комсомольской организации в Пскове. А через несколько месяцев первый вожак псковских комсомольцев добровольно ушел в Красную Армию. Тяжело раненый, стойко перенес все пытки и не выдал товарищей, оставшихся в городском подполье. Его имя носят теперь улица на Залсковье, школа.

От школы имени Поземского несколько шагов — и снова выходишь на Великую. Под толстой коркой льда она сейчас неспешно катит свои воды в Псковское, а там и в Чудское озеро. Пройдет чуть больше месяца, схлынет лед, и на воду вместе с чайками слетятся байдарки и каноэ. (Спортивные успехи псковских гребцов высокой пробы — многократное «золото» на мировых чемпионатах, «бронза» на московской Олимпиаде.) А сейчас снег на Великой весь в лыжных разводах. Ишь, кто-то лихо отпечатал: «Люблю Лину!!!» А на том берегу, к горке, что возле Мирожки, выстроилась разноцветная очередь, смех, гвалт, после прыжка с трамплинчика куча мала. Студенты баблуют, пединститут или политехнический.

О Мирожке, впрочем, особо. Не о той речушке с незамерзающей запрудой, где зимуют стаи диких уток с окрестных лесов и болот. Но о Мирожском монастыре, стоящем при впадении речушки в Великую, о его Спасо-Преображенском соборе, древнейшем псковском сооружении, расписанном дивными фресками. Фрескам этим восемь веков. Достаточно времени, чтобы полностью скрыться под копотью, штукатуркой,

мутными поздними подрисовками. Не знаю того молчаливого Мастера, плохо знакома с живописной техникой — но помню себя, вошедшую однажды с жары, босиком, под каменные своды. Мгновенная прохлада, тишина... к горячему лбу будто кто-то ладонь приложил и успокоил... Стояла так, боясь дыханием замутить эту первозданную чистоту.

Не упомянешь, сколько же людей трудились над послевоенным разрушенным Псковом, подлежавшим в числе пятнадцати древнерусских городов первоочередному восстановлению. Архитекторы, каменщики, художники, плотники, инженеры, кузнецы. Но первым всегда вспоминается имя Ю. П. Спегальского. Славное имя! Коренной пскович, проработавший большую часть жизни в Ленинграде (сохранился снимок архитектора в надвинутой ветром штормовке в реставрационной люльке, вознесенной на высоту адмиралтейского шпиля), он вернулся под конец жизни в родной город и отдал ему всю любовь свою, знания и мастерство. Это по его рисункам и чертежам восстанавливались заново или обретали свой первоначальный вид древние храмы, палаты, амбары. С любовным тщанием он воссоздавал могучую алтарную апсиду и веселый печный изразец, монументальный купол, крытый серебристо-черным осиновым лемехом, будто чешуей на панцире воина, и махонький, с женскую сережку, красный завиток на деревянном блюде. В его квартире, где почти все, от ложки до люстры, сотворено его руками, скоро откроется музей.

Да, честь и хвала реставраторам за их великий труд, за точный слепок Пскова со времен минувших. Спегальский, Смирнов... Вот как раз перед глазами реставрированная Смирновым знаменитая Покровская башня-арсенал. Воображение вновь во глубинах отечественной

КАКОЙ ЖЕ ПРАЗДНИК ПРОВОДОВ РУССКОЙ ЗИМЫ
БЕЗ РЕБЯТИШЕК!

СОСТЯЗАНИЕ
ДЛЯ САМЫХ ЛОВКИХ.

ЗИМА РУМЯНАЯ.

истории, на сей раз заволоченных пороховым дымом.

...Год 1581й, время Иоанна Грозного. Ливонская война. Польский король Стефан Баторий, по народному прозвищу Абатур, врезался в Русь, как в масло. Огромное воинство, конное и пешее, наилучшая пехота в Европе. Пали Полоцк, Великие Луки, Опочка, Остров. Оставалось взять Псков.

«Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться». Это из вражеской летописи. А вот уже своя, псковская:

Войско неприятеля «со стены града, с Покровския башни и со всего пролома с руским воинством бьющесе. Тогда же и все, еже во Пскове жены... оставивши немощи женские и противу своея силы оружие носяще... и камение воинном приношаху... и от жажды изнемогшим воду...» Больше всего трогают эти «псковские жены». Летопись ли читаешь, или уже синодик с именами погибших: «Кузьма, Иона, Димитрий... Васса...»

Два месяца тяжелейшей обороны, но не содрогнулись псковичи — и непобедимый Стефан Баторий подписал мир с Москвой.

Русские победы никогда легкими не бывали. Думаешь об этом у высокого холма над братским захоронением защитников Пскова. Думаешь об этом уже у другой могилы — Неизвестного солдата, которая тоже здесь, около стены Окольного города. Над первой могилой крест, над этой — строгая безмолвная вертикаль орудийного расчета, их раз-

деляют четыреста лет, но они — навсегда рядом.

Есть в Пскове, при въезде с Ленинградского шоссе, еще один памятник воинской славы — монументальный красноармейский штык в окружении символического горельефа, поставленный на месте самых первых боев и первых побед Красной Армии.

Две эти даты — 23 февраля 1918 года и 23 июля 1944 года — в Пскове чтутся особо. Первая, известная всем, имеет к Пскову самое прямое отношение. Здесь, в заснеженной долине реки Черехи, впервые приняли бой с кайзеровскими интервентами революционные добровольческие отряды и остановили вымуштрованные германские войска, стремившиеся в красный Петроград.

Все повторилось менее чем через

**СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ
МИРНОГО ГОРОДА.**

четверть века. Снова Псков встал на пути интервентов. «Ключом к Ленинграду» назвало его самодовольное гитлеровское командование, имевшее, как известно, неодолимую тягу к образности. На целых три года область была оккупирована. И тогда пришли на помощь моим землякам вековые боры и молоденькие перелески, высокие холмы и топкие болота — живая природа Псковщины оказалась идеально приспособленной для ведения партизанской войны. Н. Г. Васильев, А. В. Герман, Клава Назарова, Леня Голиков... Двадцать партизан и подпольщиков стали Героями Советского Союза, а всего в годы Отечественной войны в партизанском

**ПРИЗЕМИСТАЯ
И ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА СЕДОГО ПСКОВА
ПОЛНА ОСОБОГО ОЧАРОВАНИЯ.**

движении участвовало более пятидесяти тысяч псковичей.

Псков так и не стал ключом к дверям Ленинграда. Из железных челюстей гитлеровской «Пантеры» он был вырван 23 июля 1944 года, как раз накануне того дня, что издавна зовется в народе «Ольгиным».

Ну что ж, спасибо, Псков, Плесков! В который раз развеял, укрепил, вот только усталость... Самое время сесть на «семнадцатый». Кончилась смена, едут люди домой, молчаливые, уставшие. В

**НЕИЗМЕННОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ
ПОЛЬЗУЕТСЯ СПЕКТАКЛЬ
«ПСКОВИТЯНКА»
НА СЦЕНЕ ОБЛАСТНОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА.**

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ.

это время не будешь мудрствовать с определениями, сразу скажешь, что Псков — рабочий город. До войны здесь только обработка льна и была, а теперь выросли мощные предприятия новых отраслей промышленности. Радиодетали, телефонная аппаратура, тяжелое электросварочное оборудование — более чем в тридцать зарубежных государств поставляет Псков свою продукцию.

Еду в «семнадцатом», зажата земля-

ками, ничего, дружно терпим. Рядом две женщины в серых пуховых платках, одна не отрывается от окна:

— Ой, смотри, а тут-то!.. Честно, если б не ты, не узнала б никогда.

— Что ж ты хочешь, столько лет не была.

Женщины переговариваются тихо, сердечно:

— Ты довоенное время помнишь ли?

— Ой, хорошо помню. Бывало, трамвай идет, а ему куры наперерез. А в Кремле козы навязаны, трава большущая. Небольшенький Псков был, за час весь обойдешь. А сейчас что... нет, нет, не узнала бы ни за что!

— Слушай, а ты когда уехала, в пятидесятом?

— Ну. Самое строительство пошло. Помню, придешь на собрание: «Сделаем Псков краше, чем до войны был!» Руки хлопают, а в голове одно: да разве получится? Все ведь порушено в обломочки... А день за днем, день за днем... Там, глядишь, расчистили, туда каменщиков снарядили, я сама на штукатурных работах, все больше по потолкам, один потолок белишь, другой скребешь... батюшки, тронулся Псков-то! Но что такой вымахает, никогда б не поверила. Потянулась за Юркой, что нитка, теперь и жалко маленько, что без меня обошлись...

Женщины скоро выходят, одна берет другую под руку: две пожилые товарки, две псковитянки, встретившиеся после долгой разлуки.

...А садится солнце в Пскове всегда на Завеличье. Если идти из города пешком, то и это всегда по пути. Смотришь всю дорогу, но бедный глаз теряется, никак ему не схватить самый момент перехода пурпура в золото, золота в медь... Потом на остывшее небо медленно наплывает с Балтики фиолетовая громада туч и облаков, будто занавес задергивается надо Псковом. А продолжение, как и всюду, наутро... так вот и засыпаешь, будто в детстве, на полумысли: «Скорей бы завтра!..»

Наш корреспондент Сергей МИХАЙЛОВ встретился с народной артисткой СССР Алисой ФРЕЙНДЛИХ и записал ее размышления о музыке на сцене и киноэкране.

В мою жизнь музыка вошла рано: бабушка и дед были очень музыкальны, играли на скрипке. Тетя моя училась в консерватории, и музыка у нас звучала постоянно. И как бы зацепилась во мне. Без нее я теперь не мыслю ни творческого процесса, ни конечного результата моей профессиональной работы. Обязательно и даже неизбежно, почти подсознательно ишу музыкальный камертон образу моей новой героини. Ничто для меня не способно так точно передать суть характера человека, как его музыкальный эквивалент.

Первый раз я запела для публики в три года. Моя тетя заканчивала консерваторию, пела в дипломном спектакле, это были «Корневильские колокола». Мы ходили на спектакли всей семьей, меня девять было некуда. Я слушала, а потом во дворе пела ребятам. Так начались мои творческие вечера. А на сцене запела в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской, в спектакле «Светите, звезды!» И. Микитенко, где я играла мальчишку-беспризорника Котьку и по роли пела жалобную песенку. В «Раскрытом окне» Э. Брагинского я тоже пела — моя героиня после школы собиралась поступать в театральный институт, а потому без конца «шлифовала» опереточный репертуар. Наконец, в спектакле «Время любить» я спела песенку «Это так интересно» — в ней был такой рефрен, — и песня вышла за театральные рамки. Не знаю, моя ли была в том заслуга. А может, просто

жанровую амплитуду: от фарса до трагедии, от патетики до лирики. А вот Бреговдзе — это совсем иной песенный мир, стиль другой. Особенно близка она стала мне в ее теперешний, «романсовый период». И тут я нахожу далеко не общее выражение лица. Сказать по правде, я сама, хоть и люблю городской романс, перед ним в большом долгу. На публике пела романс, как певица, а не театральная актриса, впервые только пару лет назад, когда мне предложили сняться в фильме «Я помню чудное мгновенье», целиком посвященном романсу. Аудитория была небольшая, можно сказать, вполне в стиле жанра. Интересно и почетно было работать в одной картине с Высоцким и Окуджавой. По-моему, этот фильм еще и потому получил широкое признание, что в нас самих сейчас очень сильна тяга к той цельности, которая есть в русском романсе.

И еще одна важная вещь. Нередко слышишь вопрос: что вам важнее — музыка или текст песни? В городском романсе такое разделение вообще невозможно. Вообще музыка и песенный текст должны существовать в гармонии. Мне кажутся одинаково неверными уклон в ту или другую сторону, предпочтение смысла в ущерб мелодии или наоборот. В тех же случаях, когда эта желанная гармония достигается кем-то, я сама испытываю радость за артиста. Совершенное исполнение меня не подвигает на собственные поиски, потому что лучше сделать трудно, а хуже — стыдно. А вот если я вижу, как интересные возможности пропадают или не реализуются, тут я уже думаю о том, как сделаю это сама. Возвращаясь к Нани Бреговдзе, скажу, что это тот именно случай, когда лучше не сделаешь, а хуже — постыдишься...

На сцене же мои любимые героини, не просто драматические, а еще и поющие, — это прежде всего Дульсиня из спектакля «Дульсиня Тобосская» по пьесе А. Володина. Я играла ее десять лет, недавно сыграла в последний раз. А любила и люблю ее все за ту же гармоничность в сочетании драматического и музыкального начал, за удивительную слаженность Володина и Гладкова. Из более поздних работ — мой сквозной персонаж из спектакля «Люди и страсти» и в особенности финальная песня на стихи Гейне «Она угасла». И снова Гладков. Композитор, не гонящийся за модой на мелодии и ритмы, а стремящийся выразить авторскую мысль, стиль его, интонацию. По-моему, любой другой путь, какой бы жаждой самовыражения его ни оправдывали, никогда не приведет к подлинности и гармонии.

Недавно я перешла в БДТ имени Горького, и Георгий Александрович Товстоногов предложил мне для дебюта небольшую роль в готовящемся сейчас спектакле. Он ставит оперу-фарс А. Колкера «Смерть Тарелкина» по известной пьесе Сухово-Кобылина. В ней все будет только петь. Персонаж, мне предложенный — одна из дочек Брандахлыстовой, — поет что-то в стиле «вагонных песенок», какие пел мой Котька еще в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской. Как будто возвращаюсь к истокам.

Петь мы будем «в живую», без фонограммы. Я вообще резко отрицательно отношусь к пению под фонограмму. Сама делала это крайне редко, когда бывала вынуждена — болела, не было голоса. В такие моменты я чувствовала, что у меня краснеют уши и зритель это видит. Фонограмма рубит актерский образ под корень, я уже не говорю об этической стороне. Голос певца в таких ситуациях, записанный на пленку, несет одну эмоциональную окраску, а пластический образ — иную, да и самочувствие иное. Лучше извиниться перед зрителем и петь своим подлинным голосом, чем прикрываться техникой. Потому что зритель ждет от нас именно подлинности, хочет видеть, как мы на его глазах создаем другого человека, ему нужен акт творчества, а не имитация его, не подделка.

И музыка для меня — в каждой роли!

«МЕЛОДИЯ ДЛЯ АКТРИСЫ»

Алиса
ФРЕЙНДЛИХ:

АКТРИСЫ»

Модест Табачников написал хорошую музыку, мелодия, может быть, запомнилась или рефрен — теперь уже не помню, больше двадцати лет прошло.

Я твердо убеждена, что в драматическом театре роль музыки хоть и очень важна, но вторична. И ключ к образу героя надо искать прежде всего в его поступках, в его речи. Так всегда у меня и происходило: сначала пьеса, потом музыка спектакля. Сами понимаете, репетиционный процесс — это время созреваания спектакля. Были случаи, и часто, когда музыка, приходившая ко мне на какой-то определенной ступени работы, вдруг словно открывала некий клапан, и роль получала нужный объем. Я сама обретала второе дыхание. Но это все к вопросу о кухне театра, о путях к образу. Что же касается результата, то в сегодняшнем театре роль музыки необычайно возросла. Музыка давно уже перестала быть этакой бытовой красочкой, ее сценические возможности расширились. Мне лично очень помог Геннадий Гладков. Я считаю его самым, что ли, театральным композитором. Он умеет очень точно чувствовать авторскую интонацию и блестяще переводить ее на язык музыки. Как-то я говорила в одном интервью по этому поводу и назвала это умением создавать «музыкальную кардиограмму спектакля». Хочу повторить такое определение еще раз, потому что, на мой взгляд, оно верно. Музыка Гладкова способна вести спектакль по своей линии, по своим опорным точкам, тут и возникает необходимая, впрочем, любому спектаклю, амплитуда эмоциональных, ритмических колебаний. Из других композиторов назову Александра Колкера и Алексея Рыбникова. Их спектаклям, мюзиклам или современным операм присущи те же свойства, какие я называла, говоря о творчестве Гладкова.

Если же говорить о современной эстраде, то здесь у меня два... кумира не кумира... В общем, самый большой интерес вызывают Алла Пугачева и Нани Бреговдзе. Разумеется, это разные индивидуальности, разные личности, которые каждая по-своему реализуют свой духовный потенциал на эстраде. В Пугачевой меня пленяет ее одаренность, какая-то стихийная, что ли. Есть, конечно, к ней претензии, счет по линии вкуса, но... Это настоящий художник, самостоятельный, ни на кого не похожий. А претензии — так у кого и к кому их нет?! Многие — это сколки с кого-то, неисчислимы тираж одного образца. А она одна. Чтобы заинтересовать миллионы, надо так подняться над ordinаром, как она, надо обладать душевным богатством и силой и возможностями это богатство выразить, воплотить. Вы вспомните ее

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

Был талантлив вопреки всему

«Уважаемая редакция! Я — постоянный читатель клуба «Музыка с тобой». И вот хочу высказать предложение. Не так давно «Смена» рассказала о композиторе доглинковского периода Фомине — ярком, интереснейшем музыканте с трагической судьбой. Но ведь была целая плеяда российских композиторов, имена и произведения которых знают теперь разве что профессиональные музыканты. Я считаю, что Бортнянского, Березовского, Хандошкина, Ведела должны знать все, особенно молодежь. Пожалуйста, продолжайте знакомить нас с композиторами прошлого».

Лена ВАСИЛЬЕВА,
Лопатино Московской обл.

Мы выполняем просьбу нашей читательницы и рассказываем в этом выпуске музыкального клуба «Смены» о Максиме Березовском.

Аркадий ПОЛЕХИН

Самым загадочным в истории русской музыки до нынешнего дня остается, пожалуй, имя Максима Березовского. Многие его произведения, документы и даже факты биографии утеряны. Россия XVIII века чрезвычайно молчалива, та пора хранила многие духовные ценности плохо.

Устоявшаяся дата рождения Березовского — 16 октября 1745 года. Родился он в Глухове Черниговской губернии и, вероятно, обучался в местной певческой школе, основанной в 1738 году.

Открытие певческой школы именно в Глухове не случайно — этот край славился богатыми песенными традициями. Вне сомнения, Максим Березовский с детства был хорошо знаком не только с украинским фольклором, но и с русским, если учесть, что Черниговская область граничит с не менее песенными областями России — Брянской и Курской. Некоторые ученики этой школы свое дальнейшее обучение продолжали в Киевской академии, считавшейся крупнейшим учебным заведением Украины. Многие своих воспитанников — ученых, писателей, музыкантов — она посылала в Россию.

Известно, что в академии изучали музыкальную грамоту, обучались пению по нотам и игре на музыкальных инструментах. К концу XVIII века хор Киевской академии насчитывал более трехсот человек, а оркестр — свыше ста, что было необходимо для постановок ученических спектаклей — «школьных драм». Для подобных «драматических действий» писал музыку и Березовский. Сохранились сведения, что его композиции на два, три и восемь голосов пользовались успехом у преподавателей и воспитанников. Разножанровость музыки школьных драм — светский кант, церковные хоры, партесные композиции, песенный фольклор — способствовала художественному развитию начинающего композитора. Позже единение этих жанров выявится в творчестве Березовского на высочайшем профессиональном уровне европейски образованного мастера.

Многие историки сообщают, что в академии Березовский учился «игре на скрипке», но более всего «преуспел в пении».

До последнего времени точно не знали, каким вокальным голосом обладал Березовский. После целого ряда уточнений и сопоставлений документов подтверждено научное провидение профессора Ю. Келдыша, что у Березовского был высокий голос, или, как писал Н. Кукольник в повести о композиторе, «серебряный тенор». Именно поэтом 29 июня 1758 года Березовский зачислен в штат престолонаследника Петра III пев-

цом. Обычно Петр III, выезжая из Петербурга в Ораниенбаум, брал с собой весь штат музыкантов и танцоров, дабы они его увеселяли и развлекали.

В 1762 году, вскоре после дворцового переворота, Екатерина II переводит всех «ораниенбаумских артистов» в итальянскую труппу. Иностранцы музыканты, приглашаемые ко двору, не всегда знали национальную культуру России, однако способствовали подготовке и воспитанию русских музыкантов. Учителями Березовского были итальянцы, оценившие его одаренность. Юный певец исполняет ответственные партии в операх Ф. Арайи «Александр в Индии», В. Манфредини «Узнанная Семирамида», а в 1764 году, вероятно, совместно с Д. Бортнянским участвует в опере «Альцева».

В личной жизни восемнадцатилетнего музыканта происходит перемена: он женится на танцовщице Франциске Ибершер. «У певчего Максима Березовского Российской школы италийской компании состоялось 19 октября 1763 года бракосочетание с танцовальной девицей той же компании Франциске Ибершер, состоящей в католическом законе». За два месяца до этого события, 11 августа 1763 года, был издан «Указ о Березовском М.», вероятно, в ответ на прошение композитора, который гласил о разрешении «дозволить жениться» и именем «ея императорского величества» невесте женовалось платье. Указ лишний раз подчеркивает то низкое социальное положение, в котором находились российские музыканты XVIII века, часто зависимые от прихотей царствующих особ.

Одновременно с участием в опере и пением в придворном хоре Березовский много сочиняет. 22 августа 1766 года, по сообщению камер-курьерского журнала, музыка Березовского звучала для «ея императорского величества», когда она «...пополудни в обыкновенное время изволила выходить в янтарную комнату и забавляться в карты; и в то время, для пробы, придворными певчими пет был концерт, сочиненный музыкантом Березовским». Скорее всего, что в это время и решился вопрос о направлении его за границу для «совершенствования».

В Италии Березовский мог заниматься под руководством крупнейшего теоретика и педагога падре Мартини, который воспитал многих итальянских и иностранных композиторов. У него учились И.-С. Бах, В.-А. Моцарт, чех И. Мысливечек, русские П. Скоков, Д. Бортнянский... Д. Мартини обладал обширной библиотекой, в доме его бывали крупнейшие певцы, композиторы, писатели.

Березовский держал испытание в академии одновременно с «божественным божеством» Мысливечком. Первым представил свою работу Мысливечек и после голосования был принят в число композиторов — членов академии. Затем «...синьор Максим Березовский

представил свою работу, которая была рассмотрена членами жюри, оценена и признана тайным голосованием положительной, и он был принят в число композиторов иностранным членом Академии» Болоньи. Ныне обнаружена авторская рукопись экзаменационной работы Березовского, состоящая из темы и семнадцати тактов.

Березовский, находясь в Италии, объявлен был, как и все будущие «пенсione-ры» российского государства, высылать на родину отчеты в виде написанных хоровых произведений. К сожалению, большинство из них до сих пор не обнаружено. Из всех хоровых сочинений композитора нам известны, кроме названного экзаменационного антифона, концерты «Господь воцарися», «Не отвержи мене во время старости» и обнаруженный автором этих строк цикл разномасштабных хоров, образующих Литургию. Перу Березовского приписывается еще и концерт «Das Vaterunser». Все хоровые произведения композитора не имеют точных дат в отличие от светских сочинений, созданных Березовским после принятия его в члены Болонской академии.

Газета «Новостисвета», выходящая в Ливорно, 27 февраля 1773 года писала: «Среди спектаклей, показанных во время последнего карнавала, надо особенно отметить оперу, сочиненную (...) синьором Максимом Березовским, который соединяет живость и хороший вкус с музыкальным знанием». Состоялась премьера оперы Березовского, из которой до нашего времени дошло четыре арии, свидетельствующие об отличном ощущении композитором вокальных особенностей голоса.

Можно предполагать, постановка оперы состоялась потому в Ливорно, что в этом порту приветствовали русский флот, принимавший участие в русско-турецкой войне 1768—1774 годов. Заказать ее мог и граф А. Орлов, который в 1770 году снова вернулся в Италию, но уже как герой сражения под Чесмой, где он возглавлял русскую эскадру.

В обнаруженном нами «гроссбухе» канторы придворного театра есть записи, связанные с именем Березовского. Из них мы можем узнать, что его жалованье в Италии составляло «за два года—1000» рублей, а также (по этим записям) можно более определенно говорить, что в 1774 году Березовский уже возвратился в Россию.

Что могло ждать М. Березовского, который вернулся в «северную столицу» членом Болонской академии, признан-

ным композитором в Италии? Он оказался без должности в певческой капелле. Фаворит Екатерины II Потемкин собирался открывать музыкальную академию в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск) и предложить место директора Березовскому, но талантливый композитор этого не дождался.

Березовский почти три года живет надеждами, что его знания, мастерство, талант все-таки понадобятся России. Скорее всего именно в эти годы отчаяния и горечи могли появиться трагические «нотки» в его творчестве. Кульминацией можно считать хоровой концерт, передающий трагическую судьбу композитора, — «Не отвержи мене во время старости», состоящий из четырех частей: «Не отвержи», «Яко реша вразей:» («Ибо враги мои говорят против меня»), «Боже мой, не удалися от меня», «Да постыдятся и исчезнут враждующие против души моея». Все части объединены начальной интонацией концерта, что придает произведению целостность и особую выразительность. Ощущается и влияние оперной эстетики на драматургическое развитие: вторая часть, например, приближается к форме и образности оперной сцены, вызывающей в памяти сцену Орфея с фуриями из оперы К. Глюка «Орфей» (1762 г.). Но возникает образ не мифологического, а русского Орфея, познавшего поддержку и одобрение итальянских «богов», испытывавшего надежды служения искусству на родине, но царствующий Харон лишил его не только всего этого, но и жизни.

Высоко трагически врывается напряженность последнего раздела концерта, написанного (впервые в России) в форме фуги. Не менее важно и то, что Березовский в концерте «Не отвержи» соединил народное с трагическим, и базой явились хоровой жанр и фольклор, знаменное пение и кант. Концерт Березовского по праву можно считать одним из вершинных достижений отечественной хоровой музыки XVIII столетия и классическим образцом. Под его воздействием находились и современники Березовского и многие композиторы последующих поколений.

Тяжелая жизненная ситуация подтолкнула Березовского «в припадке безумия» покончить с собой.

Сохранился удивительный документ, который проливает свет на трагическую судьбу и Березовского и целого ряда одаренных людей России XVIII века: «Композитор Максим Березовский умер сего месяца 24 дня; заслуженное им жалование следовало б по сей день и выдать, но как по смерти его ничего не осталось и погresti тело нечем, то извольте (...) выдать по 1 число мая его жалование... Март 25 дня 1777 года».

Так обрывается жизненный и творческий путь русского композитора, выходца с Украины, Березовского, прожившего немногим более 31 года; композитора, который создал новый тип хорового концерта и тем самым открыл дорогу музыкальному классицизму в России.

Поэтический аккорд

Дорогие читатели! Наша рубрика «Поэтический аккорд» — это творческое состязание профессиональных и самодеятельных поэтов, пишущих стихи о музыке.

Ждем ваших писем. Пожалуйста, помечайте на конвертах: «Поэтический аккорд».

Владимир КУКОВЯКИН, Ялта

Проснитесь в пять,
когда еще темно
и каждый лист
на ветках не просвечен,
и мир еще доверчив и беспечен,
и певчие распахнуто окно.
Виновен несмолкающий солист,
что небо и рассветная прохлада,
и зелень проступающего сада
в единую мелодию слились.

Лишь пением
и шорохом листвы
заполнена открытая страница,
но музыка рассвета не сравнится
с дневным многоголосьем суеты.
Пока гуляет лето вдоль домов,
высвечивая улицы и парки,
природа не скупится на подарки —
на щедрые семь нот
и семь цветов.

К 175-летию со дня рождения

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ГОГОЛЬ

Игорь
ЗОЛОТУССКИЙ

Гоголь являет собою пример удивительно цельного человека. Он, кажется, уже с детства знает, чего хочет, к чему должны устремиться его силы и в чем его призвание.

Любимое слово Гоголя — «поприще». Поприще — это и место, на котором стоит человек, и твердость, основательность его положения на этом месте.

Поприще Гоголя — писательство, хотя, если его понимать шире, — служение добру. Для Гоголя это не общие слова. Он не мыслит себе своего существования без оказания помощи человеку. «Я весь сгораю добром», — сказал он как-то о себе. Сказал, между прочим, подумавши и поживши, а не в азарте юношеского самоотвержения, когда мы все горим желанием быть полезными миру, но идет время, иные, бывает, уже хотят пользы не обществу и не ближнему своему, а себе, и не всем дан дар не остыть.

Гоголь из этих немногих. Он, как и Пушкин, предчувствует возможность потухания, остывания сердца и, как Пушкин, писавший: «Пока свободною горим, пока сердца для чести живы...» — говорит: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом!»

Гоголевское горение нарастает с годами и в конце концов сжигает его, и это самосожжение предшествует сожжению второго тома «Мертвых душ».

Секрет и загадка Гоголя в том, что он предан одной идее и одному делу, предан настолько, что не способен делить их с кем-либо еще, даже с обыкновенною жизнью, которая кажется ему праздной, если она просто течет, а не пылает, как факел.

С Гоголем нельзя было шутить любовью, говорил Чернышевский, с ним нельзя было шутить и идеями. Если уж он начинал веровать во что-то, то тут не было середины, оговорок, топтаний — он шел навстречу своей судьбе, не страшась последствий.

С детства его воля проявляет себя во всем. И в минуты горя из-за смерти отца, когда семья Гоголя сиротует и он остается единственным мужчиной в доме, и в своих занятиях литературой, которые скрываются до поры до времени, пока не предстанет пред очи близких и света и, может быть, всего мира их результат.

Во время пасхальных каникул в Нежине он запирается в классах, отказывает себе в удовольствии повидать маменьку и родных и нагоняет своих однокашников по всем предметам. Отставши, и отставши сильно, он в короткий срок добивается того, что становится в ряд с теми из гимназистов, кому учителя ставили высшие баллы.

В натуре Гоголя есть это желание быть лучшим, высшим. Но оно не распространяется на внешние отличия и успехи, хотя ими, как и всякий человек, он привык дорожить. Он внутренне самолюбив и честолюбив, и тут судия его поступков и дел — он сам, судия неподкупный и беспощадный.

С самых ранних лет Гоголь таится, скрывает себя, играет в другого, чтоб

прикрыть свои тайные желания и помыслы. Он хочет казаться серьезным, когда смех просится на уста, он неприступен в те минуты, когда душа его жаждет поощрения и ласки. Рано оставшийся без отца, он рано мужает и избирает себе в опору себя — отсюда его самостоятельность и привычка к одинокой жизни. Вместе с тем его постоянно влечет к людям, он ищет их общества, их дружбы и в ответ на проявление дружеских чувств готов отзываться всем, что есть в нем доброго.

В Нежине он раздаёт деньги нищим, и дядю Симон, приставленный ходить за ним, укоряет его, потому что денег мало, родители отказывают себе, присылая их своему сыну, но ни просьбы, ни угрозы пожаловаться на мотовство Никоши (так звали Гоголя дома) не помогали. Гоголь до конца дней останется склонным более отдать, нежели взять — исключая, конечно, его писательство. Ибо в писательстве надо прежде всего взять и лишь потом — по преобразованию взятого — вернуть обратно. В литературных делах Гоголь, как и всякий поэт, сначала эгоист, а потом альтруист; в жизни эти качества в нем меняются местами.

В юности он был склонен перенести свое хотение служить на службу государственную, позже на учительство (он преподавал в Патриотическом институте, был адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории, в Санкт-Петербургском университете), но и тогда, и раньше, и еще в пору своего учения в Полтаве и Нежине он — поэт, хотя страшится признаться в том не только близким, но и себе.

Гоголь мог бы быть и министром, и профессором истории, и советником при царе (об этом назначении поэта он писал в статье «Аль-Мамун»), но судьба назначила ему быть «вождем своего народа», как писал о нем Чернышевский.

Гоголь часто повторял мысль Пушкина, что слова поэта суть дела его, и относился к слову как к деятельности, как к той широкой возможности влиять на жизнь, которую не дает никакая должность.

Гоголь, как и Пушкин (которого он во всех сферах жизни ставил на первое место), был государственный человек, чувствующий ответственность за все дела России, а не только за успехи (или неуспехи) словесности. Поэтому, как казалось его поклонникам, он взваливал на свои плечи груз, непосильный для плеч литературы. Он слышком, как считали они, обременял слово, слышком ставил на него, забывая, что есть жизнь, инерция, материальные обстоятельства, правительство, наконец, которое само распорядится там, где поэту делать нечего. В книге своих писем он давал советы всем в государстве — начиная от государя и кончая женой губернатора.

Советы царю, как предполагала «Табель о рангах», могли давать только тайные и иные советники (они для того и носили эти звания), а никак не коллежский асессор, каким был, согласно той же «Табели», Гоголь. На это он не имел никаких прав.

Но эти права давал ему его дар. Гоголь принадлежал к тому поколению дворянских интеллигентов, которое ни один из отпущенных ему природой талантов не считало личной принадлежностью, а рассматривало каждое звание и каждую должность как звание и долг гражданина.

Это поколение было воспитано победами Суворова и Кутузова, а также

стихами и прозой Державина и Карамзина. «Карамзин первый показал, — писал Гоголь, — что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именнейший гражданин в государстве».

И не только книга писем, но и все творчество Гоголя, все его чисто поэтические создания, в которые, казалось бы, не подмешалась никакая злободневная мысль, были попыткой учить и научить, оказать воздействие на современное состояние умов и вывести их на верную дорогу.

Хлестаков в «Ревизоре» уносится под звон бубенцов бог знает куда. Он отбывает, как говорила его подорожная, в Саратовскую губернию, но вместе с тем тройка исчезает в пыли, не оставляя по себе никакого следа, как и воображаемая тройка героя «Записок сумасшедшего» и как птица-тройка в «Мертвых душах», преобразенная в птицу-тройку из тройки Чичикова.

Гоголевская дорога, будь это обыкновенный почтовый тракт или проселки, всегда перерастает в путь, который ведет уже не от города N к городу NN или от деревни к деревне, а от них до столицы губернии, но и от заблуждений к «великолепной храмине» идеала.

Так пишет Гоголь в своей поэме. Принято считать, что Гоголю более всего удалось в ней помешки, город, быт, бал, дамы «приятная во всех отношениях и просто приятная», а «лирические отступления» (получившие это название в оправдание своей нехудожественности), произвол автора по отношению к картинам и живописанию и их надо, стало быть, рассматривать отдельно от картин. Но это не так. Преобразование тройки Чичикова в птицу-тройку у Гоголя факт поэзии, в котором частное обращается в общее, не теряя своей поэтической природы.

Птица-тройка родилась из любви к быстрой езде, которая живет в душе Чичикова, как и в душе всякого русского, она вынеслась на дорогу, оставив позади мошенничества, ложь, обман, смерть (умерший от испуга прокурор, мертвые крестьяне, купленные Чичиковым у помещиков, мертвые тела на дорогах губернии, мертвый заседатель Дробяжкин, убитый крестьянами сельца Шивая Спесь и Задирайлова тож), старость (Плужкин) и пешехода в лаптях, бредущего куда-то за 800 верст.

Она сама собой преобразовалась в тройку-Русь, несущую с собой все, что увидел глаз автора в поэме, включая безумство, азарт, сделки и махинации Чичикова и вихрь страха, отчаяние надежды на авось и саму надежду.

«Город был решительно взбунтован», — пишет Гоголь, и птица-тройка, порожденная бунтом, волнением, смещениями стихий, сама став стихией и «ветром», как бы взбунтовывает окружающее пространство. Ибо, «косясь и посторониваясь, дают ей дорогу другие народы и государства».

Сюжет жизни Гоголя и сюжет жизни его героев — дорога. Всем им нужно куда-то переместиться, что-то поменять, от чего-то оторваться и вырваться.

С тех пор, как тройка лошадей, запряженных в «нехитрый дорожный снаряд», вывезла Гоголя из родных мест Украины и доставила в Петербург, он меняет свой дом в Васильевке — дом отца и матери, дом своего детства, — на дом на колесах. Не успев обжиться в столице, он бежит в Любек, колесит по Германии

и, вернувшись обратно, ненадолго заживается в Петербурге.

Его манят Италия, Европа, и отныне паспорт Гоголя становится свидетелем его привязанности к путешествиям. Гоголевские поездки всегда по виду случайны, внезапны и хаотичны, но в них есть порядок, есть идея и цель — и идея и цель этих странствий одна: жизнь и освежение жизни за счет освежения впечатлений.

Кажется, это противоречит его ставке на капитальность, его привычке основывать все свои предприятия прочно, ставить их на «баз», как любил он говорить. Но «баз» Гоголя всегда при нем. Это его портфель, его рукописи, в которых, как и в шкатулке Чичикова, обитает его душа.

В этом смысле Гоголь мономан, и его идеал — монашеская келья («Я живу совершенным монастырем», — признавался он), предназначенная не для молитв и поста, а для писания, писания, писания — и переписывания.

Никому нет доступа к его бумагам, полное уединение потребно ему в минуты творчества, и он, как и живописец А. А. Иванов, всю жизнь отдавший одной картине, знает только свои краски, свой мольберт и свои холсты.

Как и А. А. Иванов, он отказывает себе во всем, в том числе в возможности иметь семью. «Если вы подумали о каком домашнем очаге, о семейном быте и женщине, то... вряд ли эта доля для вас!» — писал Гоголь художнику, и сквозят эти строки можно было прочесть: эта доля не для меня.

Гардероб Гоголя невелик, его пожитки тощи — чемодан и портфель, у него нет никакой недвижимости (свою долю в наследстве он оставил матери и сестрам), а одна движимость. Все свое он берет с собой — и так всюду, где бы он ни ездил: из Москвы в Одессу, из Парижа в Рим или из Рима во Франкфурт-на-Майне.

Жизнь Гоголя не противоречит его учению о жизни. В ней нет джи по отношению к слову, а есть верность слову. Смеясь над пороками других, говорил он, я смеюсь над собственными пороками и как бы изгоняю их смехом из своей души. «И не вздумайте говорить, что Гоголь только других учил страдать», — писал Чернышевский. Будучи последовательным, Гоголь, по мнению Чернышевского, довел свою идею жизни до конца и сам стал «причиной своей смерти», поняв, что не может более писать.

Святая максима Гоголя прекрасна тем, что она святая, что она направлена на него так же, как и на тех, с кем великий «бичеватель» пошлости человеческой суров в обращении. Смех Гоголя, кажется, не щадит человека, но он и к самому автору весьма строг. Майору Ковалеву («Нос») Гоголь отдал свое славолюбие, Пискареву («Невский проспект») — безумную мечтательность, Хлестакову — хвастливость. Он не убоился выставить в них на свет свои смешные черты. Гоголевский взыскующий взгляд и гоголевский спрос одинаково взыскующи для читателя и для автора.

И это касается не только отношения Гоголя к собственным творениям (никто не судил их так строго, как сам Гоголь), которые он привык мерить лишь высшею мерой в искусстве, но и отношения к жизни, ибо жизнь и писание неразделимы для Гоголя: он хотел бы жить, как пишет, и писать, как живет.

Идеал чист, идеал прекрасен. Так же, по мнению Гоголя, должен быть высок и творец. Не изгнавши из себя дурного, не

проделав этой, как он считал, черновой работы по просветлению души, нельзя и слово сказать чистое.

Глядя на Гоголя со стороны, думаешь, что в нем есть что-то неприступное. Что этот максимализм отдает холодом горной вершины, на которой лежат вечные снега. Гоголь для внешнего взгляда аскет, строгий пастырь, не очень-то жалующий свою паству. Его дар все видеть, выхватывать из «тины мелочей» то, что хотело бы быть скрытым, неузнанным, не выставленным на всенародные очи, пугает, страшит.

Но «сердце этого ангела,— писала мать Гоголя Мария Ивановна Гоголь,— было полно нежнейших чувств...». «Прекрасное сердце»,— сказал о Гоголе Лев Толстой.

С детства жалость и участие к слабому, нуждающемуся в поддержке, питают душу Гоголя. Он шлет матери деньги для раздачи крестьянам, сестрам — для лечения тех же крестьян. Он откладывает часть вырученных за его сочинения денег для вспомоществования бедным студентам. Некоторые знакомые ропщут на эту его благотворительность, называют ее забавой и советуют обратить внимание более на себя и своих близких, но Гоголь настаивает на своем решении. После смерти Гоголя от него остались ничтожные наличные деньги, зато на руках у С. П. Шевырева — его поверенного в финансовых делах — была сумма в две с лишним тысячи рублей, предназначавшаяся для тех же студентов.

Гоголь в Риме устраивает платное чтение «Ревизора» в пользу художника Шаповалова, пишет статью «Исторический живописец Иванов» и печатает ее в «Выбранных местах из переписки с друзьями». В ней он хлопочет о продолжении пособия, которое предназначалось Иванову от Академии художеств и которое перестали выплачивать ему из-за затянувшейся работы над «Явлением Христа народу». «...Нечего долго рассуждать,— настаивает Гоголь, обращая эту статью к одному из сильных мира сего,— а нужно дать ему средства работать, незачем также торопить и подталкивать его — оставьте его в покое: подтолкнет его бог без вас; ваше дело смотреть за тем, чтобы он не умер с голода».

Гоголь не умел просить за себя — хлопоты такого рода чаще оканчивались неудачами, — но умел просить за других. Не без влияния Гоголя и его ходатайств сам царь, будучи в Риме, посетил мастерскую Иванова, и последнему была оказана денежная помощь.

Как известно, после смерти Гоголя был отпущен на волю его слуга — мальчик Семен. Мальчик этот исчез, след его затерялся, а он был последним, кто видел в руках Гоголя готовый второй том «Мертвых душ». Сожжение рукописи произошло у него на глазах.

Этот крепостной семьи Гоголей был одним из тех людей из народа, который близко стоял к Гоголю, как прежде занимавшие его место дядько Симон (в Нежине) и Яким Нямченко (в Петербурге). П. В. Анненков писал, что с Якимом Гоголь обращался запросто, говорил иногда: «Я тебе рожу побыю», — но никогда, конечно, не исполнял своей угрозы и вообще жил со своим слугой душа в душу.

Это отношение Гоголя к слугам, к дворовым, то есть к тем крепостным, которые, по существу, живут с баринами бок о бок, наблюдают его жизнь и соучаствуют в ней, равно далеко и от идеализации и от высокомерия. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки», действие которых происходит в украинских селах и хуторах, мужики как таковые отсутствуют. Там веселятся, пьют горилку, торгуют на ярмарках, ссорятся с чертями и преследуют прекрасных Оксан, Ганн и т. д. козаки — вольное племя, особый род малороссийского крестьянства, не состоящего в крепостной зависимости.

Крепостные, слуги являются у Гоголя в повестях «Миргорода», а затем в «Портрете», «Носе», «Невском проспекте», в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Они и есть, по тогдашним представлениям, простой, или «черный», народ.

Как показывают их Гоголь? Они не похожи на слуг Мольера, которые все хитры, и смеются над своими господами, и устраивают за их спиной свои дела. Они гораздо менее расчетливы и гораздо более оппозиционны, хотя иронический взгляд на барина выражается у них по преимуществу в молчании.

Много ли слов говорят слуги Пискарева и Ковалева, слуга Чарткова или Петрушка в «Мертвых душах»? Несколькими репликами. Петрушка и вовсе не издает ни слова, а про себя лишь что-то думает, и автор не берется объяснить или разгадать, каковы в точности его мысли.

Мужик в «Мертвых душах» лишь почесывает у себя в затылке — и Гоголь отдает этому почесыванию дань, говоря, что оно много значит у русского человека.

Осип в «Ревизоре», правда, разговорчив, но разговорчив лишь в начальных сценах, после он уверенно действует, памятуя, что слово — серебро, а молчанье — золото. Осип — философ и резонер, как и Селифан, кучер Чичикова, как лакей в «Лакейской», но он и плут, подобно Мишке — слуге Ихарева в «Игроках». Мишка вступает в союз с шулерами и попросту продает своего барина.

Разврат лакейства и прислуживания лишает выходца из крестьянства достоинств трудового человека, делает его похожим на своего господина. Он зеркало, в котором отражается барин, и часто кривое зеркало. Поэтому он другого барина, который ниже чином его барина, почитает за низшего, он ему дерзит, зная, что собственный барин в обиду его не даст.

Таковы слуги в «Лакейской», таков и Осип. Не барин, а мужик правит в «Ревизоре» бал. И когда Хлестаков завирается, уносится в эмпиреи и готов парить там до бесконечности, Осип говорит ему: пора ехать. А иными словами: пора сматывать удочки. Потому что Хлестаков, как замечает Гоголь, может дожидаться и того, что его вытолкнут врознь.

В слугах у Гоголя есть и разврат лени и есть то, что ставит их в самостоятельную позицию по отношению к барину: барин гнет свое, а они гнут свое. Как ни спешит Чичиков, как ни хочет он поскорей убраться из города, но без мужика он не поедет. Пока не обтянут новую шиню колесо, о поломке которого Селифан по каким-то своим соображениям доложил Чичикову в час отъезда, бричка не стронется с места. И так всюду. Не надоумь Осип Хлестакова убраться восвояси, были бы у того большие неприятности. Пожалуй, и посекали бы, по словам почтмейстера, как мальчишку.

Гоголь чит умного мужика, работающего мужика (Селифан, например, из таких мужиков, хотя и пьяница), но не чит Осипа, который, живя на объездах, смеется над тем, за кем подъезжает. Все силы Осипа брошены на хитрость и обман, и он уже мизантроп: он не только Хлестакова ни в грош не ставит (чего тот, впрочем, заслуживает), но и целый свет готов съесть.

Словом, народ и лакеи у Гоголя — это разное.

Народ же у Гоголя как бы привык терпеть и смирился со своим положением, и народ до поры молчит, а потом скажет свое слово.

Не щадя темных сторон жизни, Гоголь верует именно в народ, и отсюда его гимны строителям, плотникам и бурлакам в «Мертвых душах», воинам-запорожцам в «Тарасе Бульбе». Из этого чувства рождается «лирическая выюга вдохновения», бушующая между страниц, где смерть, кажется, властвует и над мертвыми и над живыми и где сама застывает типов, пороков, привычек, вырубленных навечно лиц (вспомним Собакевича) говорит об остановив-

шейся крови, о бездыханности. Эта выюга поднимается из души Гоголя и с полей России, с ее необъятных пространств, заселенных по преимуществу бабами и мужиками. Пустынный дорожки сменяется в «Мертвых душах» жизнью и оживленностью: бредет по обочине мужик с бревном на плече, несутся навстречу экипажу Чичикова тройки, мелькают лица на завалинках, молодые бабы, ловящие бреднем рыбу, дядя Митяй и дядя Миняй, трактиры, деревни, заставы с будочниками, лавки с приказчиками.

Гоголевский простор заселен, очеловечен, он из русского пейзажа с шлагбаумами, колокольнями, ямщиками и верстовыми столбами способен перерастать в пространство мира...

Гоголь — писатель всемирного замаха. Он не только способен самую низкую действительность возвести в ранг высочайшей поэзии, но и дать этой действительности крылья, пустить ее в полет.

Тройка Чичикова не зря сравнивается с птицей. Взгляд Гоголя на жизнь — взгляд с высоты. Он свободно взмывает от земли высь — и оттуда, откуда крупное кажется мелким, а мелкое, частное выборочно выхватывается глазом и укрупняется, озирает жизнь. Финал первого тома «Мертвых душ», кажущийся некоторым не вытекающим из предшествующего повествования и даже чужеродным ему, — тому подтверждение. Тройка Чичикова, отрываясь от земли, летит уже в поднебесье, а сами кони, разрывая на куски воздух, превращаются в «одни вытянутые прямые линии».

Мысль Гоголя на этих страницах, кажется, вырывается из оболочки слова.

С ранних лет чувствуя свое призвание, Гоголь чувствовал и масштаб этого призвания. Он часто давал повод для недоумения и удивления, высказываясь о себе и о своем будущем чересчур гиперболически. Он мыслил это будущее как принадлежащее не только Васильевке или Полтаве, а по крайней мере всей России. Уезжая учиться в Петербург, он сказал Софье Васильевне Скалон: «Вы обо мне или ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее».

Или — или: эта постановка вопроса чисто гоголевская. Среднего не дано. Как и герой его юношеской поэмы «Ганц Кюхельгартен», Гоголь не хочет быть «миру неизвестным».

И это не только амбиция и характер, сознание гением своей гениальности, которая превышает возможности обыкновенного человека, но и поэтическая вера в то, что человек — хозяин своей судьбы.

Конечно, над ним есть высшие силы, но в вопросах чести, практической деятельности, определения пути он волен настоять на своем. Человек, по Гоголю, не может противостоять року, если почитать рок как проявление высшей воли, но в конечном счете и сам рок находится в зависимости от человека.

Если герой у Гоголя после смерти как бы становится выше ростом (как Акакий Акакиевич) или преобразается и делается из незаметного заметным (как прокурор в «Мертвых душах»), это значит, что он таким и был. Он только не знал этого, он этого не видел, как не знали и не видели этого те, с которыми он жил, но это видит и знает писатель.

В маленьком человеке, по убеждению Гоголя, таится недоужинная сила. Он никакой не «маленький человек», он великан. Он «богатырь» — сродни богатырям-рыцарям из «Тараса Бульбы». Для этого необязательно обладать богатырским ростом; тут сила измеряется не величиной кулака (хотя кулак у Акакия Акакиевича после смерти делается размером с детскую голову), а силою духа.

Конечно, это посмертное торжество Акакия Акакиевича вызывает печаль: что же за жизнь после смерти? Мертвые крестьяне в «Мертвых душах» тоже

становятся «богатырями», но кого это может утешить?

Продлевая жизнь своим героям, заставляя их жить и за смертной чертой, Гоголь как бы отдает дань своему чувству бесконечного. Это тоже максимализм, но перенесенный уже не на географическое пространство, а на саму жизнь.

Посмертное существование дается Башмачкину, панночке в «Вие», героине «Майской ночи», ростовщичу Петромичу в «Портрете» и, наконец, почти целой губернии в «Мертвых душах». Жизнь остаются грешные и святые, добро и зло. Но бессмертие даровано не всем. Зло, как считает Гоголь, недолговечно, добро, наоборот, обретает вечную жизнь. Беспредельно, безгранично только одно доброе чувство — колдун в «Страшной мести», панночка-ведьма, ростовщик должны навсегда исчезнуть. Глаза старика ростовщика, доведшие до гибели живописца Чарткова, изгоняются Гоголем с портрета. И происходит это тогда, когда на стене храма появляется написанное тою же рукой, что и лицо ростовщика, иное лицо. Это лицо богоматери.

Мир невидимый, нематериальный не имеет у Гоголя границ. Зло, как и добро, — это и горячка сердца и идея сердца, только идея отрицательная. Имя этой идеи — чувство — страсть.

Вспомним монолог о страстях в «Старосветских помещиках». Там страсти отдана минута, мгновение. Она разрушается (и разрушает) и гибнет. Живет не любовная страсть, а жалость в любви — чувство, соединяющее Пульхерию Ивановну и Афанасия Ивановича.

Максима Гоголя, таким образом, имеет свои постулаты, которые ставят ее на твердое основание меры и равновесия. Мир качается — зло силится перетянуть его на свою сторону и низринуть во тьму, но поэтическое усилие Гоголя возвращает миру устойчивость.

Чернышевский писал, что Гоголь первым среди русских авторов, пишущих прозу, был назван поэтом. Проза Гоголя — это поэзия, и здесь не только ее жанровое определение, но и трактовка ее существа. Гоголь — поэт во всех отношениях. Он поэт в жизни (хотя видит нас сквозь прозу ее мелочей), он поэт в исторических своих занятиях (если уж собирается писать историю, скажем, малороссийских козаков, то всю историю и «томиков эдак на девять»), если садится за журнальную статью, то захватывает в поле обзора всю текущую словесность, если пишет роман, то это не роман, а поэма, подобная поэмам Данте или Гомера.

«Укажите мне человека, — писал Чернышевский о Гоголе, — с такою жаждою совершенства, и я вам скажу: он или не создаст ничего, или создаст нечто великое, он или Тantal, или Прометей».

Сравнение с Прометеем не кажется преувеличением. Гоголь действительно приковал себя к труду и сумел добиться наивысшего результата, на который может рассчитывать писатель.

Слово, по мнению многих, бессильно совладать с действительностью, переделывать ее: материальная сила всегда наглядна и в наглядности своей могущественна, а слово — звук, движение воздуха или буква на бумаге. Но нет силы сильнее силы слова, и история, что называется, это подтвердила. Именно она внесла в сознание русского общества те идеи, которые, овладев умами, качнули маятник истории. Гоголевский смех докатился до наших дней, гоголевская печаль и жажда идеала и поныне зовут нас высь. Слово способно разрушать, но оно в силах и оборечь, защитить, излечить, построить.

Уроки Гоголя — жизненные и литературные — воплощены в его слове. Приложите ухо к слову Гоголя — и вы услышите стук его сердца. Вы услышите гул земли. Подземные сотрясения, на которые мы, торопясь жить, не обращаем внимания, о которых забываем, как о не касающихся нас возмущениях стихии, есть голоса будущего.

Гоголь — один из этих голосов.

НЕ ОПОЗДАТЬ С ВЫБОРОМ

Предложенная писателем Диасом Валеевым дискуссия «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?» («Смена» №2) вызвала оживленный отклик читателей. «...Мы часто рассуждаем о таких, казалось бы, азбучных истинах, как долг человека перед обществом. Но осуществим ли он, если человек, достигший уже совершеннолетия, не чувствует долга и ответственности перед самим собой?» — размышляет читатель из г. Чугуева Харьковской области М. Воропаев. Резко критикуя позицию «Я — как все» Юрия Качалина, антигероя очерка Диаса Валеева, рабочий из Нижневартовска Алексей Суханов восклицает: «Легко, конечно, и просто прожить всю свою жизнь по инерции, как трава растет. Но тогда зачем, для чего, спрашивается, ты родился?»

Во многих письмах повторяется мысль о том, что сегодня, как никогда раньше, важно воспитывать в человеке чувство, определяющее зрелость личности. — это чувство ответственности. Ответственности за свои поступки и помыслы, за окружающих тебя людей, за события, свидетелем и участником которых ты являешься.

Публикуя сегодня новую подборку откликов, мы ждем от читателей не только анализа жизненной позиции Юрия Качалина и Николая Дружинина, но и ваших собственных конкретных примеров и историй, отвечающих теме дискуссии «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?».

ОТ ПРИНЦИПОВ НЕ ОТСТУПЛЮ

Дорогая редакция «Смены»!
Вы начали очень полезную и интересную дискуссию. Летят чередой годы, становясь историей. На смену одному поколению приходит другое, появляются новые направления в моде, новые традиции, и то, что раньше казалось раз и навсегда устоявшейся нормой, лет через 20 становится уже совершенно устаревшим, не отвечающим требованиям современности. Но вопрос «Как жить?» — это вопрос чисто нравственный. — мне кажется, всегда будет волновать людей. Что хорошо, а что плохо? Что можно делать, а что нельзя? Ведь то, что в одном случае кажется хорошим и верным, в другом случае может оказаться совершенно неподходящим.

Что такое идея в моем понимании? Это определенное убеждение, норма поведения, это то, чему я никогда ни при каких обстоятельствах не изменю. Я твердо знаю, что никогда не изменю своему долгу, всему тому, что мне дорого, близко и понятно с самого раннего детства. Но это, так сказать, в глобальном масштабе. А ведь могут возникнуть такие ситуации, когда у тебя нет заранее сложившихся решений. По-разному же ведут себя люди на пожаре. Одни стоят и смотрят, а другие бросаются в огонь, чтобы спасти человека. Что это? — показная бравада перед собравшимися или поступок, обусловленный желанием прославиться и получить награду? Уверена, что нет. Разве думаешь о награде, когда рискуешь своей жизнью ради спасения другого? Вот такой человек в обычной жизни никогда не будет примыкающим, мягкотелым, не пойдет за главарем уличной «компаши».

А вот с «пластилиновым» человеком проще — лепи из него, что хочешь. Он на все согласен, на все пойдет, потому что у него нет своих твердых убеждений ни в чем. Такой ударит совершенно постороннего человека только потому, что сзади ему кто-то это посоветует. Уда-

рит, не задумываясь, что он делает. Качалин так и не сделал для себя выводов из происшедшего. Это видно из диалога между автором статьи и Юрием К.: «... Это будет брат. А сзади кто-то будет кричать вам в ухо: «Врежь ему, врежь!» Молчание.

— Вы даже не будете видеть того, кто кричит, вы будете слышать только одно: «Врежь!»

— Я не знаю, не знаю! Я как все... я всегда как все!..»

Это что, инстинкт животного, инстинкт, который движет стадом? Или это боязнь самому получить от своих «товарищей» за непослушание? Не понимаю я таких людей. Ведь этак под команду можно и мать родную ударить — самого светлого человека!

Чем скорее мы взрослеем и познаем мир, тем больше новых общественно значимых явлений открывается нам. И

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ: «КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИДЕЕ ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?»

очень важно уметь находить правильные решения в тех или иных обстоятельствах. Мы люди с разными характерами, разными мерками, всем нам иногда приходится ошибаться, в чем-то даже отступать от своих принципов (хорошо, если в малом). Я вспоминаю случай, который произошел недавно на моих глазах. На конечной остановке в автобус стали садиться люди. Те, кто помоложе и посильнее, забежали в салон первыми и сели на свободные места. Я встала у кассы, а напротив меня сел мальчик примерно 12 лет. Вошла старенькая бабушка с палочкой, оторвала билет и осталась стоять, потому что сестра уже было негде. Мальчик сидел с совершенно независимым видом и поглядывал в окно. Меня это возмутило до глубины души: «Мальчик, — говорю, — уступи место бабушке». А он таким спокойным голосом отвечает: «Нет, я буду сидеть, мне ехать до конца». Можете себе представить?! Тут и другие пассажиры не выдержали, стали делать ему замечания. Но мальчик продолжал сидеть с самым невозмутимым видом. Пришлось другому, пожилому человеку встать и посадить бабушку. Это тоже своего рода идея, которой мальчишка остался «верен» согласно сложившимся обстоятельствам. Можно со стопроцентной уверенностью сказать, что совесть его не мучила, ведь свой поступок он считал правильным. Вот это-то и страшно! Страшно, что до такого возраста родители не научили сына уступать место старшим, считаться с общественным мнением.

Не люблю людей-хамелеонов. Такой человек может, выступая на комсомольском собрании, говорить об активной жизненной позиции, а сам быть фарцовщиком. А как часто «раздваиваются» некоторые родители, говоря ребенку, что этого делать нельзя, это плохо, а сами тут же, на его глазах, делают это, считая, что ребенку достаточно и морали. Но мораль без подкрепления личным примером — всего лишь пустые слова.

Вопрос «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?», который поставил Диас Валеев, — вопрос сложный, о нем можно и нужно говорить, много спорить. Спорить, доказывать свою правоту, ведь в споре рождается истина. Лично для себя я твердо решила: пусть я один раз ошибусь, зато потом, получив урок, поступлю правильно, не буду подделяться под обстоятельства, не пойду на поводу у тех, кто

ищет выгоды для себя. Я, конечно, не знаю, как именно буду действовать в экстремальных условиях, но знаю точно, что действовать буду с позиции гражданского долга и человеческой совести.

Елена НОВИКОВА,
студентка, Омск

НАЧИНАТЬ С СЕБЯ

Уважаемая редакция журнала «Смена»!

Только что прочел статью Диаса Валеева «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?» во втором номере этого года. Она меня здорово зацепила за живое. Решил поделиться своим мнением. Мне 22 года. Холост. Образование 10 классов. До этого не писал ни в журналы, ни в газеты, но сейчас чувствую острую необходимость

высказать свою точку зрения, может быть, даже прямо и не относящуюся к тому, о чем вы написали.

Не так давно я демобилизовался из рядов Советской Армии. Служить мне пришлось на Балтике, в морской пехоте. Должен признаться, что к армейской службе ни морально, ни физически я подготовлен не был. И потому служилось мне очень и очень тяжело. Но не в этом дело. Я хочу сказать, что служба лишь подтвердила мою уверенность в том, что ни один человек не знает да, наверное, и не может знать о своих, так сказать, внутренних потенциальных возможностях. Ведь мы, молодые, в подавляющем большинстве живем в более или менее спокойных, почти тепличных условиях. Учимся, работаем, любим, радуемся, печалимся, делаем успехи или ошибки, отдыхаем и т. д. и т. п. Все это так. А часто ли в нашей жизни случаются чрезвычайные обстоятельства? Те самые решающие, крайние обстоятельства, в которых с предельной обнаженностью и проявляется человеческая сущность? Даже если что-то экстремальное и происходит, то по большей части оно носит весьма локальный и относительно скоротечный характер. Схватка с преступником, противостояние стихийному бедствию, спасение погибавшего, умелое предотвращение тяжелых последствий пожара, землетрясения и т. д. — во всех таких чрезвычайных ситуациях заняты один или относительно небольшая группа людей. На более же полно, мне кажется, раскрывается личность, характер человека или всего народа в период больших социальных потрясений. Допустим, в военное время. Самый близкий нам пример — Великая Отечественная война.

Конечно, поступки человека зависят от того, как и кто этого человека воспитывал, формировал его характер и убеждения.

В 99 процентах из 100 обыкновенный человек не в состоянии дать полную гарантию того, что в каком-либо конкретном «крайнем случае» он не совершит либо величайшую доблесть, которая обессмертит его имя, либо величайшую подлость, которая его имя предаст забвению. Не думайте, пожалуйста, что я напрочь отбрасываю всякие понятия о совести, порядочности, рассудке. Они, эти качества, в той или иной степени присутствуют в любом человеке и постоянно влияют на его поведение. Я сейчас о другом. О том, что человек

мало знает самого себя. Ведь даже самый последний подлец в какой-то конкретный миг в состоянии разорвать порочные пути, точно так же и герой ненароком может трагически оступиться. В природе ведь нет ничего идеально-го.

Служба в морской пехоте научила меня многому. Я глубже узнал жизнь, стал более выдержан, непривередлив, менее самоуверен. Но я остался по-прежнему ленивым, вредным, неподъемным на перемены. По-прежнему не люблю преодолевать трудности, зато люблю вкусно есть, сладко спать и гулять с девушками. Мне малопонятны комсомольцы-энтузиасты (сам я тоже комсомолец), едущие куда-нибудь на ударные стройки: на БАМ, на Дальний Восток. Мне кажется, цель у них единственная — длинный рубль. Может быть, я и ошибаюсь. Но в то же время я хорошо, даже отлично понимаю Николая Дружинина. Иногда мне тоже хочется махнуть рукой на этот свой застоялый домашний уют и отправиться куда-нибудь в Никарагуа или Сальвадор. Но такие благие моменты сознания очень кратковременны — их тут же давят под собой серая обыденность и уютное благополучие. «От цивилизации — ни ногой!» — вот главный мой девиз.

В семье я единственный и поздний ребенок. В детстве меня изрядно баловали. Родителям — они у меня оба врачи, с высшим образованием — очень не нравится то, что я из-за своей несправливой лени не пошел учиться дальше, а стал работать на заводе. Одним словом, обычная история. Учиться в институте у меня пока нет никакого желания. Правда, и работа на заводе явно не для моего характера.

Самым ярким периодом моей жизни пока что остается воинская служба. Как род войск морская пехота для меня была самой подходящей средой: я хорошо познал службу и на суше и на кораблях. В первые месяцы «на гражданке» часто даже снилось, что меня снова взяли служить в морскую пехоту...

Уверен, что на статью «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?» придет много откликов. Мне хочется, чтобы мое письмо прочитал какой-нибудь умный человек. И, если это будет возможно, ответил. Ведь мы, молодые, нуждаемся в умном, неназидательном друге-советчике. Ищем такого друга повсюду и, бывает, не всегда удачно. Дискуссию, всевозможные диспуты, вечера... и в то же время какое-то дурацкое, тупоумное преклонение перед заграничными тряпками и музыкой. Часто нас за это бьют по рукам, удивляются: откуда, что, почему? И все-таки молодежь сейчас ничуть не хуже, чем 20 или 40 лет назад.

Ладно, хватит. Если опубликуете письмо, то сами и решите, что здесь заслуживает внимания, а что шелуха. Я писал откровенно, без утайки, так, как думал.

Алексей Н., Ярославль

От редакции. Как видит читатель, эти два письма — девушки из Омска и юноши из Ярославля — совершенно противоположны и по тону, и по мыслям, и по настроению их авторов. Мы намеренно поставили их вместе, ведь дискуссия — это спор, столкновение разных взглядов и мнений. Надеемся, что они вызовут приток новых читательских писем, соглашающихся или спорящих, ибо письма эти, такие разные, в сущности, об одном — об ответственности человека за свою жизнь, за ее цель и смысл перед самим собой и обществом.

Ждем ваших откликов, дорогие друзья!

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Эфиопия учится

Фотография на память... Выпускники Высшей политехнической школы вскоре разъедутся в разные уголки страны. Проблем множество, и одна из них, с которой успешно справляется молодая республика, — это ликвидация неграмотности. В 1974 году, в последний год монархии, в год революции, 93 процента населения страны было неграмотно. До настоящего времени основную школу окончили 50 процентов граждан Эфиопии. К 1990 году неграмотность будет полностью ликвидирована.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

СЕКРЕТ ЯПОНСКИХ ХРАМОВ

Землетрясения в Японии — самое страшное и слишком частое природное бедствие. Как же тогда памятники древней архитектуры — пагоды, возраст которых 1000 лет, — до сих пор стоят неповрежденные? Секрет в способе их постройки, одновременно простом и гениальном. Японские храмы имеют деревянный остов, опирающийся на широкое и солидное основание. В самой высокой точке внутри пагоды подвешена длинная и тяжелая балка. Ее свободно висающий конец утяжелен несколькими поперечными балками, число которых тем больше, чем выше храм. Вся конструкция балок представляет огромный маятник. Подземные толчки приводят его в движение, перемещая центр тяжести пагоды, и таким образом баланс непрерывно сохраняется.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

Голубь — возмутитель спокойствия

«Фантазия» одного дикого голубя, который облюбовал для своего гнезда мощный электрогенератор, привела к тому, что свыше 80 тысяч помещений в различных учреждениях и жилых домах в английском городе Саутгемптоне остались без света, было нарушено железнодорожное сообщение, остановились троллейбусы. Голубиное гнездо упало на центральную проводку, что вызвало сильный взрыв и пожар. Сработала аварийная система, которая полностью отключила подачу электроэнергии на несколько часов.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

НИКОТИНУ — БОЙ!

Муниципалитет города Сан-Франциско и его мэр Диана Файнштейн издали постановление о «Правилах курения в конторах и офисах», согласно которому курить в конторе разрешается только в том случае, если против этого не возражают некурящие служащие. Если же некурящие против, то заведующий или владелец конторы обязан запретить курение. Новое постановление, как заявила мэр, направлено на защиту права некурящих «охранять свое здоровье». Она сказала, что существуют убедительные доказательства, что производительность труда растет там, где атмосфера свободна от табачного дыма.

За нарушение постановления с владельца конторы взимается штраф до 500 долларов. Постановление не охватывает такие общественные заведения, как рестораны, театры, спортивные арены, но в нем особо выделяются библиотеки, музеи, больницы и частные лечебницы.

Сан-Франциско — единственный город в США, принявший подобное постановление.

«ИНТЕРНЭШНЛ
ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»,
США

Собачьи рекорды

Таковых, разумеется, великое множество — самых разнообразных. Упомянем о некоторых, особого свойства. Они принадлежат собакам, находящимся на полицейской службе. Английский полицейский пес Генерал, натренированный на тайники с наркотиками, за два года обнаружил и помог разоблачить 220 «торговцев снами». А Треп, американская полицейская собака, держит рекорд, так сказать, на общую сумму (в которую оцениваются обнаруженные наркотики): 63 миллиона долларов.

«КНИГА РЕКОРДОВ
ГИННЕСА»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

КИТ В НЕВОДЕ

Белый кит длиной 4 метра и весом 500 килограммов, обитающий в водах Северного Ледовитого океана, проплыв через Ютландский пролив, нашел себе убежище в датском заливе Лимфиорд, где и пребывал, приспособившись к необычным для себя условиям мелководья: глубина фиорда не превышает трех метров, а температура воды довольно высокая. Найти обратный путь в открытое море кит уже не мог и почти три месяца провел в положении затворника. Каждый день утром и вечером он приближался к берегу, получая обильные лакомства от местных жителей и экскурсантов. Чтобы спасти животное, было решено заманить кита в ловушку и «отбуксировать» его в родную океанскую стихию. Случай помог выполнить это намерение гораздо раньше, чем предполагалось: кит запутался в неводе, который рыбаки поставили на горбушу. Взятый «на буксир», морской исплин со всеми предосторожностями был доставлен «домой» — в открытое море.

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК»,
ДАНИЯ

Многострадальная картина

В Лондоне из картинной галереи Дэлвич в четвертый раз украли портрет Якоба Гхейма, голландского бюргера из Утрехта, созданный в 1632 году гениальным Рембрандтом. Когда-то за этот портрет размером 10 на 12 дюймов художник получил гроши, теперь же картина оценивается в пять миллионов долларов.

Долгое время портрет вместе с двумя другими картинами Рембрандта висел спокойно на стене одного из залов. Но вот наступил 1967 год. Именно тогда портрет был украден в первый раз, однако вскоре возвращен назад. Потом кража повторилась, но картину опять нашли и вернули. Когда в 1981 году картину украли в третий раз, а потом обнаружили в одном лондонском такси, то после этого «Якоба Гхейма» чуть ли не намертво привернули к стене болтами и подключили автоматическую сигнализацию, дистанционно связанную с отделением полиции. Но, увы, и это не помогло. Портрет опять украли.

Музей Дэлвич, один из старейших в стране, открыт для публики, но поскольку он содержится на частные пожертвования, то настолько беден, что не имеет средств даже для того, чтобы нанять ночного сторожа. И вот результат. Предполагается, что кражу совершил кто-то из прежних почитателей. «Официально» картину продать невозможно из-за ее известности, но она может попасть в руки какому-нибудь богатому частному коллекционеру, который и будет наслаждаться полотном, считает Уотерфилд, директор музея.

«ТАЙМ»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Парусник без парусов

Известный французский ученый и исследователь моря Жак-Ив Кусто построил необычное судно — движимое ветром, но... без парусов.

Экспериментальный катамаран, названный «Ветряная мельница» и уже прошедший первые испытания, приводится в движение специальным цилиндром, установленным на палубе. Этот цилиндр вращается, занимая нужное положение в зависимости от направления ветра. Воздушный винт на вершине цилиндра засасывает воздух через отверстия и движет судно. По мнению Кусто, новая система в сочетании с обычными двигателями сможет действовать и на больших судах, включая супертанкеры. Она будет экономить около 35 процентов топлива.

Система Кусто — самое успешное сооружение для использования ветра. Цилиндр вчетверо эффективнее самых лучших парусов. Максимальная проектная скорость катамарана с новой системой — девять узлов. Испытания показали, что он устойчив и легко управляем.

Одно из немаловажных достоинств «Ветряной мельницы» — то, что она не наносит ущерба окружающей среде.

«НАУКА И ТЕХНИКА»,
БОЛГАРИЯ

Пустые парты Альтенхагена

Учителя средней школы в Альтенхагене (ФРГ) нашли свои классы совершенно пустыми. Ни один из 396 учеников не пришел на занятия. Причина — забастовка школьников. Шесть лет ученики ютились в невыносимой тесноте, нормальное проведение уроков было практически невозможно. На все требования и протесты школьников и их родителей городские власти отвечали лишь обещаниями. И вот терпение лопнуло. Школьники надеются, что их двухдневная забастовка наконец-то заставит администрацию Альтенхагена перейти от слов к делу...

«ЭЛАН», ФРГ

ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ

8

На Бергманиса было возбуждено уголовное дело. Оперативной группе, которую возглавил майор Савин, была дана задача установить личность второго нарушителя границы. Сроки для выполнения задачи давались минимальные.

Единственным источником сведений по-прежнему оставался Бергманис.

Находясь под стражей, он начал волноваться: почему, после того, как сделано такое важное признание, раскрыто значение цветных открыток, им вдруг перестали интересоваться, забыли на целых два дня?

Но эта «внезапная утеря интереса» была умным психологическим ходом следователя. Опыт подсказал майору Савину, что нарушитель границы Бергманис не относится к той категории отлично управляющих своими эмоциями, прошедших всестороннюю подготовку диверсантов, на обучение которых западные разведки тратят немалые средства. Сырьем для тех «кадров» являлись либо молодые люди с авантюристическими наклонностями, к которым разведка присматривалась еще в колледже, либо отпетые уголовники, ради денег готовые на все.

В последнее время, правда, сюда прибавились и отщепенцы, люто ненавидящие свою недавнюю родину и готовые напасть на нее всеми средствами. Формально к этим последним можно было отнести и Бергманиса, если бы не один момент, не укладывающийся в рамки сложившихся представлений.

Бергманис, как уже было известно майору, действительно в позапрошлом году приезжал к своей сестре. Она уважаемый человек в колхозе. Долгие годы заведовала молочной фермой. Награждена орденом. Сейчас на пенсии. О брате отзывается исключительно тепло. Сказала, что в колхозе брату очень понравилось и что он всерьез делился с ней планами о возвращении на родину отцов.

О том, что Бергманис вернулся и каким образом, сестра, естественно, не знала.

Вторым сомнением в пользу Бергманиса была та его поистине шоковая реакция на внезапное появление акватандема, которую наблюдали все присутствующие в кабинете начальника погранотряда полковника Бондаренко.

Скептик возразил бы, что опытный, выдрессированный диверсант может разыграть еще и не такую реакцию.

Для возражения скептику в запасе оставался аргумент, связанный с пачкой денег, которая была спрятана в лесу.

К встрече с Бергманисом, от которой зависело очень многое, майор Савин готовился очень обстоятельно и даже не спеша. Это могло показаться удивительным в условиях, когда дорога каждая минута.

Майор пошел обедать домой. До дома было недалеко, пятнадцать минут ходьбы. Оказалось, что эти пятнадцать минут могут стать очень приятными, если ты всем существом своим, всей кожей чувствуешь: идет весна!

Пообедали вдвоем с сыном-десятиклассником. Мать заведовала заводским парткабинетом в соседнем большом портовом городе, с работы возвращалась под вечер. После обеда майор прилег на диван с газетой в руках. Старался не думать о предстоящем допросе. Это было необходимо — думать о чем угодно, только не о главном. Нужно было снять напряжение.

Так расслабляется бегун перед стартом, солдат перед атакой, хирург перед тем, как лицо его закроют

стерильной повязкой и натянут на руки тонкие резиновые перчатки...

Когда арестованного ввели в комнату для допросов, он увидел, что человек, в чьи руки, как можно было догадаться, передана его, Зигурда Бергманиса, судьба, сидел за столиком и улыбался.

Кивком головы отпустив конвоира, майор обратился к Бергманису.

— Садитесь... Вы удивлены, что я улыбаюсь?

— Да,— промямлил Бергманис, с опаской усаживаясь на приготовленный стул.

— Я думаю о странностях человеческой судьбы. Конкретно о вас... Ведь вы, если вы верующий, должны благодарить бога за то, что попали в руки пограничников, теперь вашей жизни ничто не угрожает... А если бы не пограничники, если бы все прошло гладко, как было задумано, без отклонений от плана, разработанного там, за советской границей, вы не остались бы в живых.

— Почему?— с недоумением протянул Бергманис.

— А потому, что вы — пешка в большой игре. И по правилам этой жестокой игры вас после отведенной роли надлежало уничтожить... Сколько денег было в пачке?— вдруг изменил тон, быстро спросил майор.

— Два... Двадцать тысяч рублей,— по-прежнему растерянно ответил Бергманис.

— Вы их видели? Считали?

— Нет. Эту пачку мне дали уже в чехле, расписанном под бересту... Правда, было сказано, если я попаду не в березовый, а в сосновый лес, нужно, вытаскивая на время деньги из чехла, вывернуть его наизнанку: обратная сторона разделана под сосновую кору.

— Та-ак,— пропустив мимо ушей пояснение насчет сосновой коры, сказал майор.— Значит, вы денег и не видели и не считали.

— Не видел и не считал.

— Сколько там было ваших?

— Десять тысяч.

— А вторая половина?

— Ее надо было отдать тому, кто объявится... Это связано с открытками,— вдруг заторопился Бергманис, обрадовавшись, что у него наконец-то появилась возможность сказать что-то об себе.— Я про открытки изложу все подробно-подробно.

— Пока не нужно,— остановил майор.— Пока продолжим с деньгами... Интересно, каким образом вы смогли бы истратить эти деньги?— Майор выдвинул ящик письменного стола, вынул знакомый Бергманису туго наполненный чехол, приоткрытый с одной стороны, бросил его на стол.

— Вот, берите свою половину.

Бергманис машинально протянул руку к чехлу, с трудом извлек оттуда толстую пачку денег, упакованную по банковским правилам шнурком с печатью. Осмотрел. Сверху и снизу были знаки по сто рублей.

— Попробуйте вытянуть сотню,— сказал майор.— Нет, дайте я сначала разрежу шнурок.

Маленькими ножницами майор разрезал шнурок, опять бросил пачку на стол. Она слегка подпрыгнула, оставаясь по-прежнему единым целым.

— Вы еще не догадываетесь?

— Нет.

— Это самая обычная вульгарная «кукла».

Все еще не веря, Бергманис попытался было отнять от пачки хотя бы одну из верхних сотенных. Ничего не получилось. Купюра была приклеена. Он попробовал ногтями разделить пачку на части. И это сделать не удалось.

— Ничего не выйдет. Я уже пробовал. Эта «кукла» с удивительной правдоподобностью отлита из пластмассы. Что же касается верхнего и нижнего денежных знаков, это тоже «липа». Понимаете, что вы заранее, еще там, на острове, были обречены. Потому что фактически вам не дали ни копейки, и «представитель угнетенной религиозной общины»,

который должен был прийти за деньгами, тоже «липа»! Но для чего же все это затевалось? А для того, чтобы прикрыть Бергманисом другое действующее лицо. Прошу точно и тщательно описать внешность вашего спутника, второго аквалангиста.

— Ах, господи, да я бы с радостью,— встрепенулся Бергманис,— с большой бы радостью, но ведь это подлинная правда—я его почти не видел, что же теперь делать-то? Я бы с радостью!

— Почти не видел,— повторил майор.— Значит, что-то все же видел. Говорите.

— Сейчас, сейчас,— опять заволновался Бергманис.— Это значит, когда он, второй то есть, вышел на палубу без маски и, увидев меня, сразу шмыгнул обратно в каюту, вот тут только я его и разглядел... Меньше полминуты.

— Его возраст?

— Да нестарый еще человек, моложе меня... Мордастый. Смуглый, вернее, загорелый. Небритый. Рост повыше среднего. Крепкий. Юркий: увидел меня, повернулся—и нет. А вход в каюту низкий.

— Это все, что вы знаете о нем?

— Нет, не все,— расхрабрился Бергманис.— Уже в самую последнюю минуту, когда я подошел к трапу,— мы на аппарат с трапа садились,— евангелист вдруг занервничал да как рявкнет: «А где же Арвид? В чем дело?» Вот тут я узнал, как зовут второго. В ответ на нервные крики он вышел из каюты не спеша, важный, полностью одетый. Разлапистый, круглоглазый, как здоровенная черная лягушка.

Майор записывая. Вскинув голову, спросил: — Ну, а как вы действовали у места высадки? У советского берега?

Бергманис медленно вспоминал.

— По сигналу Арвида я заглушил мотор... Это было уже недалеко от берега... Аппарат лег на грунт. Арвид подтянулся ко мне, заменил меня на моем месте, даже, помню, локтем толкнул, я два раза гребнул ластами, пошел вверх и, когда надо мной засветлело, медленно высунул голову. Огляделся, вижу—вот он, берег... И вдруг ударил прожектор...

— Дальше мне все известно,— остановил майор.— А теперь насчет метеообстановки. Может быть, что-нибудь знаете? Только не выдумывайте—нет так нет.

— Кое-что могу сообщить,— упрямо мотнул головой Бергманис.— Из гавани мы вышли вслед за штормом, сразу... Это я точно знаю, что вслед—мы ведь до этого часа три у пирса отстаивались.

— Значит, был шторм?

— Еще какой! Все свистело, ревели, снег, дождь, гавань, как рыжим одеялом накрыта. Помню, у меня живот схватило, я выполз на палубу, направился в галюн. Тут навстречу мне двое из команды, не разговаривают, а кричат. Один другому показывает на небо. «Началось,— кричит,— по графику, а вот когда кончится?» Второй тоже на крике отвечает: «Как кончится, сразу выйдем. Пойдем вприжимку к шторму, в тихой полосе у него за спиной!» И оба заржали.

Майор помолчал. Встал с места, сделал несколько шагов взад и вперед со своей стороны стола. Взгляд все время держал на Бергманисе, но думал о чем-то другом.

Если верить Бергманису, операция была продумана очень тщательно: на воде—судно с аквалангистами идет сразу вслед за штормом; на берегу—второй аквалангист выходит сразу вслед за первым, все рассчитано до мелочей. И то, что советский сторожевой корабль, занятый борьбой со штормом, на какое-то время отвлекается от нормального несения службы; и то, что пограничники, заметив первого аквалангиста, на какое-то время все внимание обращают на него. Время это—считанные минуты, однако второй нарушитель границы сумел ими воспользоваться.

Второй нарушитель...

— А ну-ка вспомните, Бергманис, что вы можете еще сообщить мне об этом вашем Арвиде? Может, тренер что-нибудь говорил, а может, вы его и на берегу встречали среди тех, кто вас окружал?

Бергманис долго силялся вспомнить.

— Нет. Больше ничего не знаю. А вот о куртке с шапкой могу рассказать. Вдруг пригодится.

— Говорите, говорите.

— Все те разы, когда мы уходили в море на тренировку, я переодевался в маленькой каюте на баке. Ну, и в последний раз я тоже, как поднялся на борт, пошел, конечно, в свою каюту. А там так: иллюминатор, под ним маленький столик, принайтовленный к полу, впритык к нему стул. А за стулом по той же стороне койка. Проход узкий. Я вошел, вижу на койке чей-то портфель темно-красный. Мы уже шли в море. Я переоделся, сел на койку, делать было нечего, решил посмотреть, что там, в портфеле. Может, он для меня предназначается. Раскрыл. Сверху — целлофановый пакетик. Маленький, в ладонь. В нем что-то лежит. Я потянул, а оно выпрыгнуло и превратилось в большую пушистую меховую шапку. Я ее сжал, и она вся в ладони уместилась. Сунул я шапку назад в пакетик, вижу: в портфеле черная нейлоновая куртка. Вытащил, развернул. Тоже какая-то непонятная. На подкладке — соска, как у спасательного жилета. Только было я решил ее надуть от нечего делать, как в каюту ворвался тренер. Выхватил у меня куртку, бросил ее в портфель, сунул его под мышку и убежал.

— М-да, — буркнул майор Савин. — Ну, что ж. Перейдем тогда к открыткам.

«Открыточная история», рассказанная Бергманисом, хотя и оказалась любопытной, но только усложнила положение дел. Если до этого майор Савин информировал своего начальника в общих чертах, то теперь наступила пора доложить обстоятельно. Нарушение границы было квалифицированным, дерзким, и майор по своему опыту знал, что работа предстоит сложная.

9

Виталий Иннокентьевич Сторожев принадлежал к молодому послевоенному поколению чекистов. Высокообразованные — полковник был кандидатом юридических наук, — воспитанные в традициях кристально честных соратников Дзержинского, наследовавшие опыт Великой Отечественной войны, эти чекисты успешно несли сложную службу по охране государственной безопасности.

Виталию Иннокентьевичу было едва за сорок. Характер он имел спокойный, в обращении с окружающими всегда был ровен, выдержан. Кабинет его был обставлен с той лаконичностью и простотой, которые всегда свидетельствуют о хорошем вкусе.

Майора Савина полковник встретил приветливо.

— Усаживайтесь, Александр Степанович. Вижу, вы прибыли с многообещающей папкой.

— Увы, папка пока только обещающая, — в тон начальнику ответил майор Савин. — Протокол допроса нарушителя границы Бергманиса и вот эти открытки, о которых вы уже знаете.

Полковник взял обе открытки. Сначала, держа их в пальцах, поднес к свету настольной лампы, затем положил на стол перед собой.

— Совершенно безобидные. На одной — новый микрорайон в Вильнюсе, на другой — хорошо знакомый рижанам уголок парка возле памятника Райнису. Вверху — по одному проколу, из чего можно сделать вывод, что открытки уже висели на стене.

— Очень похоже, но это не так. Проколы — элемент конспирации. Докладывайте.

— Как, показал Бергманис, — начал майор Савин, — он в случае удачного перехода границы должен был сразу направиться к сестре и признаться ей во всем. Вернее, не во всем, а только в том, что перешел границу нелегально. Сестра, которая до сих пор пользуется большим авторитетом и в колхозе и в районе, конечно бы, огорчилась и тут же приняла все меры к облегчению участи брата. Предполагалось, на ее хлопоты уйдет два-три дня. За это время Бергманис должен был успеть связаться еще с одним человеком.

— Ишь, как все гладко, — вставил полковник. Он снова взял открытки. — Ну, а что бы стало с этими штуками в случае провала?

— Ничего. Задержанный говорит, что в случае провала вопрос с открытками отпадает сам собой.

— Что-то уж больно просто... Однако, простите, Александр Степанович, что перебил. Продолжайте.

— Человек, с которым должен был связаться Бергманис, — некий Вадим Руйкович, культработник одной из городских здравниц Янтарного, что в тридцати километрах от нас. В показаниях Руйкович характеризуется как пустой, легкомысленный обыватель, падающий на заграничные тряпки. Познакомились они еще в ту пору, когда Бергманис гостил у сестры. Руйкович, прослышав об «иностранце», сам поспешил

завести с ним знакомство, — колхоз, как вы знаете, примыкает к городку. Лебезил, допытывался, нет ли продажного магнитофона или приемника. И был страшно обрадован, когда Бергманис продал ему пару заграничного нижнего белья, модного, с кальсонами до колен.

— Забавно, — опять вставил полковник. — Весьма красочная характеристика личности. Каким же образом возник на горизонте этот любитель коротких кальсон?

— Когда Бергманиса готовили к переходу советской границы, его долго и дотошно расспрашивали, нет ли в Янтарном какого-нибудь человека, хорошо знающего жителей городка, кто бы согласился за наличные деньги оказать пустячную услугу. Бергманис назвал Руйковича. Вот тогда-то они и дали открытки.

— Любопытно, — в раздумье произнес полковник. — Они же знали, что денег у Бергманиса не будет, и тем не менее обещали хорошо заплатить за услугу. Значит, платить должен был кто-то еще... Но, с другой стороны, если Бергманиса запланировали «отдать на съедение» пограничникам, тогда открытки с их таинственными проколами и вправду только выдумка для отвода глаз жертвы. Однако вернемся к культработнику. Если такой человек существует в действительности, надо узнать о нем побольше.

— Вот что говорит о нем сам Бергманис. Разрешите, я прочту показания? — Папка перед майором лежала раскрытой. Он взял один из листов протокола допроса, нашел нужное место. — «Руйкович иногда зарабатывал на пляже как фотограф», — читал майор Савин. — «Снимал своих отдыхающих и чужих. Готовые снимки приносил прямо папкой — люди подходили и выбирали. Я должен был попросить Руйковича, чтобы он сунул мои две открытки в папку своих фотоснимков и так выходил на пляж. Выходил изо дня в день, давая разглядывать снимки всем желающим. Это следовало делать до тех пор, пока не подойдет человек, который узнает Руйковича по проколотым открыткам. Человек обратится с просьбой. Попросит о пустяке, а заплатит хорошо».

— Сразу заплатит? — спросил полковник.

— Этого Бергманис не знает.

— А не крутит ли сам Бергманис? Вспомните, как он открывался вам. Понемножку, шаг за шагом. Спрятанные деньги — шаг, второй аквангист — еще один шаг, открытки — третий... Что, если все его признания — только оттяжка времени для того, чтобы дать понадежнее скрыться второму нарушителю границы?

— Я тоже об этом думал, Виталий Иннокентьевич. До того момента, как Бергманис увидел «липу» вместо денег. Это открытие его потрясло! На месте Бергманиса было бы резонно предположить: а не подменены ли деньги уже здесь? У него же не возникло и намека на подозрение. Из чего я сделал вывод, что пачечка-то в принципе, видно, уже знакомая. Наверное, до того, как запаковать, ему эту папку показали, даже дали потрогать.

— Отлично, тогда займемся изучением гражданина Руйковича, — сказал полковник. — К этому нужно приступить завтра же: и лучше будет, если в Янтарное поедете вы. На месте многое становится виднее. Кто знает, может быть, маленький курортный городок, а не Вильнюс и не Рига станет ареной главных действий. В маленьком круге, как и в большом, тоже триста шестьдесят градусов, именно так следует нам подойти к делу... Плохо, что у нас почти нет сведений о втором агенте, которого с полным основанием можно считать главным участником операции.

Но кое-что известно. Давайте попробуем на основании того, что мы уже знаем, вывести этого члена преступной группы. Только не будем усердствовать, чтобы не уподобиться одному из героев Достоевского, который в запале поклялся достопочтенному Порфирию Петровичу вывезти, что у Порфирия белые ресницы оттого лишь, что в Иване Великом тридцать пять сажен высоты, — с улыбкой закончил Виталий Иннокентьевич.

Майор Савин вежливо улыбнулся. «Преступление и наказание» он, конечно, читал, но эпизода подобного не помнил.

Виталий Иннокентьевич понял.

— Это Разумихин говорит... Итак, приступаем. Вопрос первый, может ли главный, кто нас интересует, быть тем, кто подойдет к Руйковичу?

— В принципе мог бы, — подумав, сказал майор Савин. — Конечно, при условии, если Руйкович включен в «игру».

— Этот вариант пока открыт. Может быть, включим его — не пропадать же открыткам! Вопрос второй: имеет ли какое-либо отношение тот, кого мы ищем, к городам Вильнюсу и Риге?

— Имеет в том случае, если один из этих равноудаленных от Янтарного крупных городов служит базой, штаб-квартирой, а городок — лишь аренной действующей.

— Читаете мои мысли, Александр Степанович...

Ставим вопрос третий и самый главный: зачем, с каким заданием перешли границу оба нарушителя?

— Предположительно — со специальным, приуроченным к началу скопления людей в Янтарном и в то же время срочным, потому что летом скопление больше, но лета дожидаться они не стали.

— Приятно работать с вами, не считайте это за комплимент, Александр Степанович, — удовлетворенно сказал полковник. — Итак, на самом трудном этапе мы уже можем сделать очень важный для нас вывод. Перед нами агент дерзкий, склонный к риску, достаточно хорошо владеющий латышским и литовским языками и наверняка русским. Вот такого мы и будем искать, конечно, с помощью наших товарищей в Риге и Вильнюсе. А теперь отдыхайте. Завтра же с утра в Янтарное. — И полковник встал, показывая этим, что доклад окончен. Майор Савин тоже поднялся с места, бросил открытки в папку, медленно закрыл ее.

— Виталий Иннокентьевич, разрешите задержать-ся на сутки. Завтра я хотел съездить на заставу майора Крастыня, побеседовать с его замполитом, с которым в ночь нарушения границы произошел несчастный случай, вы об этом знаете. Есть основания утверждать, что это было столкновение со вторым агентом. Думаю, что лейтенант Палагутин вспомнит подробности, на которые в ту ночь не обратил внимания. О моем приезде лейтенант уже предупрежден.

Немного подумав, полковник Сторожев сказал:

— Что ж. Довод резонный. Действуйте.

Майор Савин приехал с утра. Дежурный по заставе провел его на второй этаж в квартиру Палагутина. Больной лежал в первой комнате на диване, застеленном белоснежным бельем. Узнав майора Савина, Федор приподнялся, но Александр Степанович сделал знак рукой: лежите, лежите. Из соседней комнаты вышла Нина с Санькой на руках. Александр Степанович представился ей. Только успел он это сделать, вошла Софья Алексеевна, жена начальника заставы. Она помогла Нине ухаживать за больным. Софья Алексеевна была раза в два старше Нины и относилась к ней, как к дочери. После того, как ее познакомили с майором Савиным, Софья Алексеевна сразу увела Нину к себе: идем, идем, у них тут мужской разговор.

Подвинув к дивану стул, майор Савин попросил Федора рассказать о той злополучной ночи.

— Теперь, когда кое-что стало известно, — ответил Федор, — можно предположить, что я столкнулся со вторым нарушителем, который шел по той же тропинке мне навстречу. На нем наверняка был белый маскировочный костюм, иначе бы я его непременно увидел. А я не увидел. Только услышал скрип снега. Остановился оглядеться, а он и ударил. Видно, стоял рядом.

— Чем он ударил?

— Неизвестно. Если крови не было, может, даже рукой. Верней, руками. Я немного разбираюсь в этом.

— Да, слышал, что вы самбист.

— Возможно, отработанная быстрота реакции и спасла мне жизнь. В американской морской пехоте есть прием «хаммер-блоу» — удар молота. Пальцы обеих рук сплетены, удар наносится сзади наотмашь, по шейному позвонку. Результат — перелом или сотрясение мозга.

— А вы уверены, что это был человек? Это могла быть ночная птица или упавший сосновый сук — там их много валяется. Не смотрите на меня так удивленно, я говорю это потому, что собака не взяла след.

Их разговор прервали Софья Алексеевна с Ниной. Они принесли разогретый мясной пирог. Сварить кофе было делом нескольких минут. После завтрака Софья Алексеевна потащила гостя к себе. Майор Савин, которого обе женщины сразу же стали называть по имени-отчеству, с интересом всматривался в жизнь, которую он привык видеть и хорошо изучил с другой — суровой служебной стороны. У Софьи Алексеевны глазам его представилась удивительно домашняя, наполненная теплом и сердечностью обстановка. Она, казалось, была перенесена сюда, в этот дом среди сосен, из старой московской семьи. Он увидел пианино и спросил: кто у вас занимается этим? И услышал в ответ, что раньше занималась дочь, а теперь иногда играет Нина, она, оказывается, окончила Московский институт Гнесиных. Не заставив себя долго упрашивать, Нина села к инструменту и сыграла одну из веселых, брызжащих жизнью фортепианных сонат Моцарта, которые приводили в изумление современников композитора и продолжают изумлять нас.

Тишина, следовавшая за последним аккордом, вернула гостя к действительности.

— Что-то хозяина не видно, — сказал он, обращаясь к Софье Алексеевне.

— Хозяин почти не спал. Ночью проверял наряды, а теперь вот пошел на левый фланг. Мы ведь все еще живем «по обстановке», усиленный режим охраны границы пока не снят.

Начальнику заставы майору Крастыню предстояло ответить на очень важный вопрос: случайно вышли нарушители в стык двух застав или именно сюда метили? Взяв из сейфа крупномасштабную карту своего участка, майор направился по переднему рубежу охраны границы на левый фланг, в пути останавливаясь и отмечая особенности местности, годные для использования нарушителями в качестве броских береговых ориентиров. Ничего нового он не обнаружил, все такие знакомые распадки, холмики, отдельные островки леса уже были отмечены на карте, а сама карта мало чем отличалась от карт соседних застав: ведь в здешних местах на десятки километров вправо и влево тянулась одинаковая гряда высоких и крутых дюн, у подножия которых одинаково плескалось Балтийское море.

И тем не менее на месте, еще раз оглядевшись вокруг, соединив воедино данные, полученные к этому времени от специалистов различных служб, а именно: координаты подозрительной шхуны, которую засек сторожевик сразу после шторма; скорость движения тандема; время, проведенное аквалангистами под водой; поправку на снос аппарата прибрежным течением,— майор Крастынь, опытный практик пограничной службы, пришел к выводу, что попадание аквалангистов в стык двух застав было, несомненно, случайностью, но сориентированы нарушители были именно на этот район.

Вывод, который сделал майор Крастынь, дошел до полковника Сторожева и еще больше утвердил того в мысли, что нарушителей интересовал маленький курортный городок Янтарное. И полковник Сторожев поручил майору Савину, кроме Руйковича, заняться историей Янтарного. Пусть этот городок сегодня ничем не выделяется, он может быть интересен своим прошлым. А если так, то второй агент может приехать туда еще до начала курортного сезона, не для того, чтобы пробыть долго, а просто для рекогносцировки.

Городок, куда приехал майор Савин, был ему знаком как растущий и расцветающий год от года морской курорт. В памяти майора сохранилось газетное сообщение об открытии в Янтарном первого дома отдыха. Его построил для своих рабочих Шауляйский обувной комбинат. А теперь в окрестностях городка, прячась в густом смешанном лесу, стояли уже пять многоэтажных комфортабельных корпусов, и уже существовал курортный совет «Янтарное».

Поездка оказалась неудачной. Прошлой осенью Руйкович проворовался да еще притом смошенничал. Получил три года, теперь сидит. Правда, где-то не так далеко. Председатель курортного совета, лысоватый молодой человек с брюшком, даже не спросив у посетителя, кто он такой, начал жаловаться, что культработников не хватает, что он сам в недавнем прошлом культработник, что Руйкович, хоть он расхититель и мошенник, хорошо играл на аккордеоне и умел фотографировать.

— А где он работал?

— В бальнеологическом санатории «Дайна».

Преступное отношение гражданина Руйковича к казенному имуществу доставило немало новых хлопот майору Савину. Пусть из цепочки «Заграница—Бергманис—Руйкович—Неизвестный» выпало одно звено—Бергманис. Где доказательство, что цепочка не была продублирована вариантом «Заграница—Руйкович—Неизвестный»? Дублирование хода—не новость в практике западных разведок, в горькой практике провалов. Необходимо выяснить, что за тип этот Руйкович. Если агент, попавший по уголовному делу, то как он себя чувствует в столь пикантной ситуации? Нужно, нужно поговорить с ним!

По телефону майор доложил полковнику Сторожеву обстановку. Попросил узнать, в какой колонии содержится Руйкович.

— Позвоните к концу дня,—сказал полковник. Сообщение на счет Руйковича его, конечно, не обрадовало.—Я постараюсь побыстрее выяснить. А пока займитесь историей городка.

Оставив машину на базарной площади, которая в эту глухую пору курортного межсезонья была, пожалуй, самым оживленным местом, майор отправился бродить по улицам. Среди редких прохожих встретился прапорщик-пограничник. Майор вспомнил, а ведь в нескольких километрах отсюда—подразделение, куда в случае чего можно обратиться. Да, но с чем? Узнавать историю городка? Вряд ли там знают в таком объеме, какой ему нужен.

Улица за улицей, домик за домиком, майор приблизился к морю. Недалеко от береговой полосы, венчая небольшой холм, стоял среди вековых дубов малиново-красный костел, сложенный из старинного полуторного кирпича. Майор поднялся к нему по мокрому асфальту, перешагивая через весенние лужицы. Прочитал табличку у массивного портала: «Филиал исторического музея». Пожалуй, это было то, что нужно. Через несколько минут уже в сопровождении заведу-

ющего музеем майор Савин медленно шел по гулкому полутемному залу с высокими сводами и стрельчатыми витражными окнами, вглядываясь в фотографии на стендах, освещенные электрическими лампочками.

Оказалось, городок, носивший до войны другое название, имел славную боевую историю. В годы гитлеровской оккупации, особенно к ее концу, здесь храбро и дерзко действовали партизаны. Среди них был даже Герой Советского Союза, на фотоснимке—светловолосый парень с улыбающимся лицом и строгими глазами.

— Удостоен посмертно,—скорбно сказал тощекатый пожилой заведующий, заметив, что гость собирает что-то спросить.

— А живые участники остались?

— Из партизанских командиров только Антанас Марцинкявичус.

— Где он? Как с ним встретиться?—Майор вынул блокнот, приготовился записывать.

— Он все время жил в Янтарном. В прошлом году переехал в Тюмень. У него там сын—знатный буровой мастер.

Майор, не скрывая разочарования, записал все это. Сдержанно поблагодарил заведующего, повернулся было к выходу, но остановился.

— А другие жители? Может быть, из тех, которые тогда были детьми.

— Не знаю. Известно только, что на детей была устроена «акция». Немцы всех куда-то увезли.

— Но ведь война шла к концу! Везти детей было уже некуда!

— По некоторым данным, оккупанты очищали поселок.

— Зачем?

— Об этом у нас пока нет никаких сведений,—огорченно ответил заведующий музеем.

Узнав о зигзаге судьбы Руйковича, полковник Сторожев сказал так:

— Прошло уже двенадцать дней, а в нашем регионе второй нарушитель пока не замечен. Но он обязательно должен проявить активность. Если Бергманисом планировалось пожертвовать, значит, фамилия Руйковича наверняка была сообщена второму. Возможно, второй уже побывал в городке. И узнал, что Руйкович сидит. Что остается делать агенту? Как поступить? Первый вариант—выведал, где находит-

ся колония, в день передач постараться побывать там и поговорить с Руйковичем. Но что это даст? Неизвестно.

Второй вариант—дождаться тепла, а это будет примерно через месяц, затеяться в толпу отдыхающих и на пляже постараться познакомиться с преемником Руйковича, с тем культработником, который займет его место. Назваться старым знакомым Руйковича и попытаться сообщить свою просьбу новому культработнику. Ведь просьба—то пустяковая.

Что делать нам? Колонию не трогать. А вот когда агент появится на пляже, предложить ему такого культработника, которому он не побоялся бы доверить свою просьбу.

Увы, найти на эту роль подходящего человека не так просто. Конечно, проще всего послать своего. Например, лейтенанта Лактионова. Симпатичный, веселый парень. Но культработник из него, прямо скажем, как из меня солист Большого театра. К тому же надо помнить, что агент встревожен. Он может вообще не подойти.

— А если на пляже будет молодая семья, он подойдет,—улыбнувшись с хитринкой, заметил майор Савин.—Молодой папа фотографирует отдыхающих на фоне белоснежной яхты под названием «Надежда», которую возит за собой по пляжу на колесиках. Молодая мама трудится с аккордеоном утром на физзарядке, вечером на танцплощадке, а днем сидит рядом с папой на пляже и загорает.

—А знаете, Александр Степанович,—оживился полковник,—в этом что-то есть. Картинка идиллическая. Неужели вы ее прямо сейчас придумали?

— Придумал сейчас, а подсказала жизнь. Я вспомнил свою поездку к больному лейтенанту Палагину. Приятный, спокойный, хороший мужик. И жена совершенно очаровательная. А как она играет Моцарта! И малыш у них тоже замечательный. Санька. Мой тезка.

Полковник слегка нахмурил брови.

— Это не подойдет. Пограничников трогать не будем. У них своя работа, пусть границу охраняют. И ребенок тоже не годится. Вы сами понимаете, насколько это все опасно.

— Конечно, понимаю, Виталий Иннокентьевич. Я лишь предложил идею.

— А вообще в этой идее что-то есть,—подумав, согласился полковник.

Продолжение следует.

ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА

Проведенный в прошлом году конкурс знатоков спорта вызвал большой интерес у читателей «Смены», о чем можно судить не только по числу участников (их несколько тысяч), но и по тем пожеланиям, что высказаны во многих читательских письмах. Самое главное пожелание — обязательно провести подобный конкурс и в 1984 году.

Дорогие друзья! Мы выполняем вашу просьбу. Как и в прошлом году, «Турнир любителей спорта» пройдет в два тура. Победителей и призеров жюри назовет и по сумме очков, набранных в двух турах, и по итогам каждого тура. Будут также отмечены наиболее полные ответы на отдельные вопросы.

Обращаем ваше внимание на систему подсчета очков. За каждый правильный ответ присуждается очко; значит, чем подробнее вы ответите на вопрос, тем больше очков получите. Таким образом, можно набрать солидное количество очков, даже не ответив на все вопросы, при условии, конечно, что вы подробно ответили на другие вопросы. Например: отвечая на вопрос, вы правильно назвали одного спортсмена и получили за это очко, назвали двух, трех, четырех спортсменов — получили два, три, четыре очка.

Все отличившиеся любители спорта получат в награду дипломы «Смены», книги по спорту, а занявшие первые двадцать мест — еще и годовые подписки на наш журнал.

ПЕРВЫЙ ТУР

1. Кому из советских спортсменов, добившихся выдающихся результатов на внутрисююзных и международных соревнованиях, установлены памятники, конечно, не только за спортивные успехи?
 2. «Кожаный мяч», «Золотая шайба»... Какие еще всесоюзные массовые детские соревнования проводятся в нашей стране?
 3. Кто из советских футболистов вернулся в 1956 году из Мельбурна с золотой олимпийской медалью?
 4. Опросом спортивных журналистов признается ежегодно лучший хоккеист сезона. Кто становился лучшим в стране в 1968—1983 годах?
 5. Сколько весят легкоатлетические снаряды — диск, копье, молот, ядро?
 6. В каком году и кто из советских спортсменов выигрывал велогонку Мира (в личном зачете), когда победительницей становилась команда СССР?
 7. В каких видах спорта основное игровое время в матчах мужских команд равняется 90, 80, 70, 60, 40, 20 минутам?
 8. Назовите победителей трех первых соревнований на звание абсолютного чемпиона СССР по классической борьбе.
 9. В академической гребле есть лодки парные и лодки распашные. Какая между ними разница, какие суда бывают как парными, так и распашными?
 10. Кто, где и когда первым из тяжелоатлетов установил официально зарегистрированный мировой рекорд, подняв штангу весом более 200 кг?
- Письма с ответами на вопросы первого тура «Турнира любителей спорта» присылайте не позже 15 мая (по почтовому штемпелю). В левом углу письма не забудьте сделать пометку: «Турнир любителей спорта. 1-й тур».

Дорогие читатели! На предприятиях связи страны ваши письма сортируются с помощью автоматических письмообработывающих комплексов. Поэтому при отправке письма в редакцию журнала ставьте, пожалуйста, в левом нижнем углу стандартного конверта формата 114×162 мм в специальном кодовом штампе **НАШ ШЕСТИЗНАЧНЫЙ ИНДЕКС (101457)**. Индекс пишется стилизованными цифрами, чернилами или мастикой шариковой ручки любого цвета, кроме красного, желтого и зеленого. Образцы написания индексов имеются на клананах конвертов.

На бандеролях, посылках, ценных письмах шестизначный индекс можно писать обычными цифрами перед первым словом нашего адреса: **101457, МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПР., 14, РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА»**.

Не забудьте перед вашим обратным адресом на конверте разорочиво указать шестизначный почтовый индекс обслуживающего вас предприятия связи. Без этого индекса мы не сможем ответить на ваше письмо.

ПОВТОРЯЕМ УСЛОВИЯ КОНКУРСА «ЮМОР-84»

Изоконкурс, проводившийся редакцией в минувшем году, явно пришелся читателям по вкусу: получено 992 письма! И более пяти тысяч рисунков. Ничего не скажешь, «кладовая юмора», банально выражаясь, пока не иссякла.

Но приходится к вышесказанному добавить ложку дегтя: количество карикатур явно не в ладах с качеством. В самом деле, может ли, к примеру, называться юмористическим рисунком смятый клочок оберточной бумаги, небрежно исчерканный карандашными каракулями? Когда достает из очередного конверта замусоленную промокашку (бывало и такое), становится как-то несмешно. Что и говорить, шансы таких «работ» быть опубликованными в журнале равны нулю. Все же, к счастью, большинство участников конкурса «Юмор-83» правильно оценили его идею и основные требования, предъявляемые к рисункам.

Итого уже подведены, а лауреаты конкурса названы и премированы («Смена» № 24, 1983 г.). И редакции ничего не остается, как, на радость себе и — хотелось бы верить — читателям, организовать очередной «юмористический марафон».

Итак, на старте — изоконкурс «Юмор-84». Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие абсолютно все желающие, независимо от возраста и профессии. Кстати, на этот раз мы предлагаем нашим друзьям из социалистических стран также стать полноправными и активными участниками конкурса юмористов. Рисунки должны быть остроумными, оригинальными, выполненными на белой (по возможности — плотной) бумаге черной тушью. Примерный их размер: 15×20 см. На конвертах делайте пометку: «Юмор-84».

До встреч на страницах «Смены», друзья!

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Батарейные
заллы

Если одна или несколько дальнотойных фигур стоят в засаде за другой своей фигурой, то о них говорят **батарея**. Образное и точное название! Стоит прикрывающей фигуре отскочить в сторону, как батарея «стреляет» — проявляется действие дальнотойной фигуры на определенное поле или линию. В задачах огонь батарей направлен на неприятельского короля. В этюдах под обстрел батарей может попасть любая фигура.

Мат в 2 хода

В этой задаче во всех вариантах играет слоновая батарея. Она создается красивым первым ходом 1. Kpg6! с угрозой 2. Ce3x.

Этот же мат следует на 1... Kpg1, поменялись лишь функции фигур — шах объявляет слон, а ладья отнимает у черного короля свободные поля.

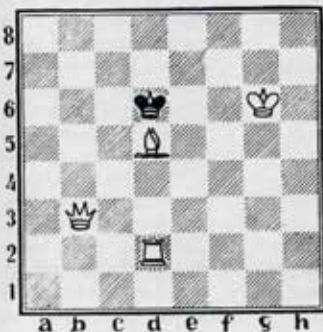
В первом случае мы имеем дело с прямой батареей, во втором — с косвенной.

Основные варианты: 1... g1F+ 2. Cg5x, 1... g1K 2. C14x.

В позициях сегодняшних заданий батареи уже «заряжены» и ждут лишь правильной команды участников шахматной олимпиады.

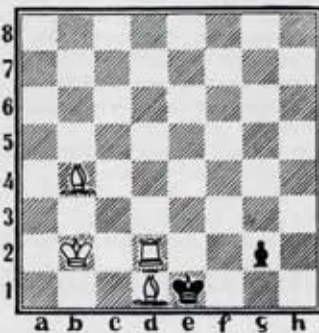
Шестой тур

Белые: Kpg6, Фb3, Ld2, Cd5 (4)
Черные: Kрb6 (1)
Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл)

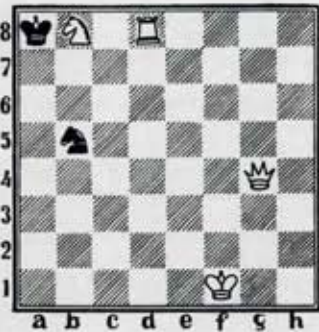

Белые: Kрb2, Ld2, Cb4, Cd1 (4)
Черные: Kрe1, n, q2 (2)

Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Kрf1, Фg4, Ld8, Kb8 (4)
Черные: Кра8, Kb5 (2)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 6-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 мая.

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Эндшпиль

В международных шашках нет принятого в игре на 64-клеточной доске деления окончаний на этюды, нормальные окончания и концовки. Все это объединяется под одной рубрикой — эндшпиль. Здесь есть термины, которые в русских шашках не встречаются: **двойной эндшпиль** — эндшпиль с двумя различными, примерно равноценными, решениями; **моти** — основная идея эндшпиля, представленная его финальной позицией; **зеркальное отображение** — позиция, которая получается из другой путем соответственного перемещения всех шашек с одного фланга на противоположный; **сдвиг** — соответственный перенос всех шашек вниз, вверх, вправо, влево или по диагонали; **хамелеон** — эндшпиль, в котором задание остается в силе после поворота доски на 180°; термины **западня**, **стеснение**, **самоограничение** знакомы вам по русским шашкам.

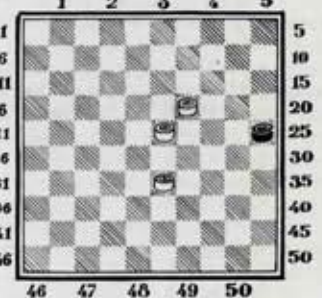
Характерной особенностью столеточного эндшпиля по сравнению с эндшпилем в русских шашках является то, что здесь для поимки одинокой дамки нужно, как правило, иметь четыре, а не три единицы. Этим объясняется наличие группы мотивов и эндшпиль, где борьба сводится к поимке шашки противника в момент, ког-

да она превращается в дамку, тремя шашками. Такие позиции очень важны для шашкиста-практика.

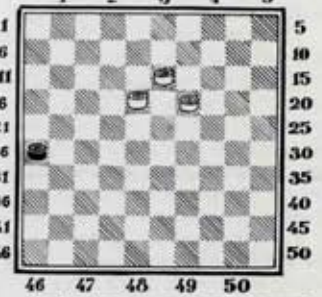
Шестой тур

Для заданий этого тура предлагаем старинные, но до сих пор не утратившие своей прелести композиции.

1. Мозер (Голландия)

2. Манури (Франция)

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла).

Ответы на задания шестого тура присылайте с пометкой: «2-я шашечная олимпиада. 6-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 мая (по почтовому штемпелю).

Уверенно. Торжественно.

а tempo

Музыка Александра МОСКВИНА
Стихи Расула ГАМЗАТОВА
Перевод Ирины ОЗЕРОВОЙ

ПОЮ ТЕБЯ

Уста мои
о солнце петь устали,
Но о тебе без устали поют.
Часы мои
в день нашей встречи встали,
Храня любовь
от старящих минут.
Пусть снег пойдет,
Пусть долгий дождь прольется,
Пусть снова тучи
небо заметут,
Уста устанут
звать на землю солнце —
Одну тебя без устали зовут.

Тебя я прятал бережно и нежно
В певучую,
звующую строку...
И медленно оттаивал подснежник
На солнечном,
проснушемся снегу.
Пусть снег пойдет,
Пусть долгий дождь прольется,
Пусть снова тучи
небо заметут,
Уста устанут
звать на землю солнце —
Одну тебя без устали зовут,
Одну тебя без устали зовут.

К Р О С С В О Р Д

Составил
Н. ЗАДАЧИН,
г. Горнозаводск,
Сахалинской области

По горизонтали:

7. Персонаж комедии Д. Фонвизина «Недоросль». 9. Сорванец, озорник. 11. Персонаж оперы Н. Лысенко «Тарас Бульба». 13. Путь движения небесного тела. 14. Стихотворение о пастушеской жизни в античной поэзии. 15. Картина, написанная масляными красками. 16. Вымышленный автор нескольких повестей А. С. Пушкина. 18. Кратковременное замирание сигнала или прекращение радиоприема. 19. Стрелок в старых армиях стран Западной Европы. 20. Продукты, корм, заготовленный впрок. 21. Оконечность военного строя. 22. Пример из истории для сравнения, доказательства. 23. Опера Р. Леонкавалло. 26. Учебное заведение. 29. Чехословацкий футбольный клуб. 31. Советский актер, народный артист СССР. 32. Осветительный прибор. 33. Свод правил, положений. 34. Город в Пакистане. 35. Период в летней жизни пчел. 36. Железнодорожное транспортное средство. 38. Система судебных учреждений. 39. Профессиональное занятие.

По вертикали:

1. Косметические средства для актеров. 2. Героиня романа древнегреческого писателя Лонга. 3. Сельскохозяйственная машина. 4. Клубя. 5. Электроконтактный стержень. 6. Соревнования в память выдающихся спортсменов. 8. Советская научная антарктическая станция. 9. Цирковой артист. 10. Казахский музыкальный инструмент. 12. Условный язык определенной группы людей. 17. Один из героев романа А. Иванова «Вечный зов». 18. Соединение, необходимое в обмене веществ организма. 24. Излишняя самоуверенность. 25. Специалист по гражданскому праву. 27. Червец, из которого добывают кармин, красную краску. 28. Очки с ручкой. 29. Ученый, изучающий растительный мир. 30. Певчая птица. 36. Сельскохозяйственное орудие. 37. Аквариумная рыбка.

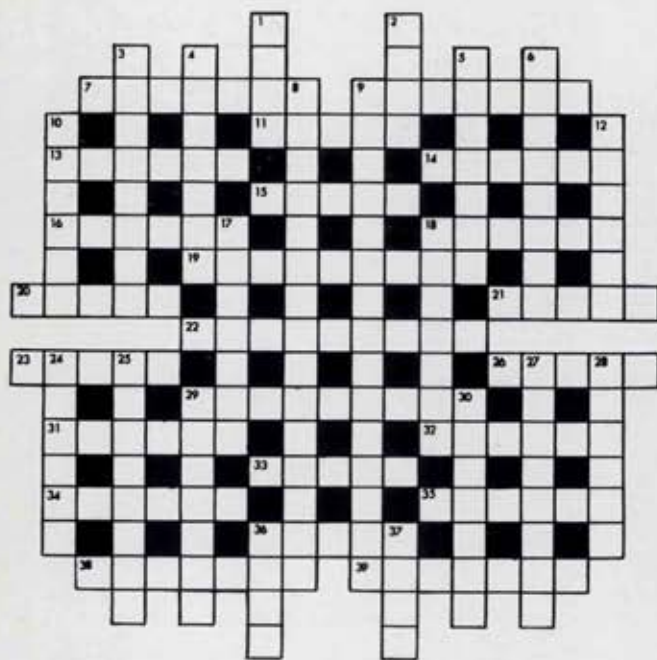
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 5

По горизонтали:

5. Трубоч. 6. Колумб. 10. Циферблат. 11. Ятрохимия. 13. Ампер. 14. Деметра. 15. Вилка. 18. Червь. 19. Ассистент. 21. Фразеология. 24. Новеллист. 25. Оклик. 29. Фазан. 30. Эйшидж. 31. Ершов. 34. Проценник. 35. Белинский. 36. «Динамо». 37. Оцеола.

По вертикали:

1. Чужеземец. 2. Шайба. 3. Мотор. 4. Лукинична. 5. Триумф. 7. Бричка. 8. Балет. 9. Старшинов. 12. Верстовский. 16. «Квартет». 17. Штрипка. 20. Изолейцин. 22. «Хованщина». 23. Гигроскоп. 26. Мадрид. 27. Жилет. 28. Родина. 32. Знамя. 33. Шипцы.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 03.02.84. Подписано к печати 17.02.84. А 09929. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 646. Заказ № 2211. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Очерк
об Иване
Малашенко
читайте на 4—5-й
страницах.

УЧИТЕЛЬ С БАМА

ДАВАН.

В ДОМАШНЕЙ МАСТЕРСКОЙ.

Восемь лет назад Иван Малашенко, тогда еще студент художественно-графического факультета Орловского педагогического института, побывал на практике в районе строительства Байкало-Амурской магистрали и бесповоротно влюбился в этот край. Сейчас он преподает черчение и рисование в школе поселка Звездного Иркутской области, а все свободное от уроков время отдает занятиям в детской художественной студии и живописи.

Сибирь с ее крутыми сопками и быстрыми прозрачными реками, яркие краски и необычные цветовые соотношения, характерные для природы этого великого края, энергичные ритмы БАМа — основные темы творчества молодого художника. «Главное увлечение — жизнь», — написал как-то Малашенко в своих записках. Эту окрыленность, это увлечение он и стремится передать в своих полотнах.

ШТУРМ.

ПОРТРЕТ ЗОИ.

ЗВЕЗДНЫЙ СТРОИТСЯ.

«БелАЗы».

ТАЕЖНЫЙ НАТЮРМОРТ.

